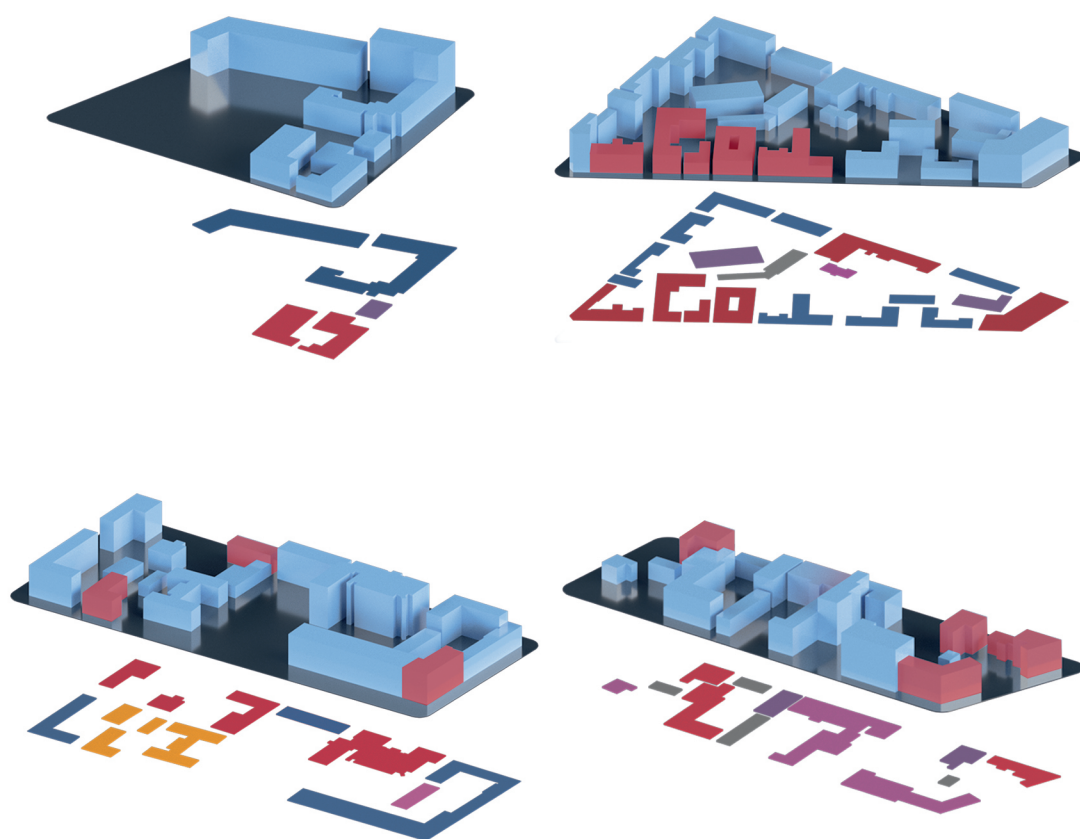

АИМ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

04
04(32)-2022

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ
РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ
ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО,
ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ISSN 2411-4855 (print)
ISSN 2782-4640 (online)

**ФГБОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (32)

2022

Воронеж

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 4 (32) 2022

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71182 от 27.09.2017
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Журнал издаётся с января 2015 года

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Редакционная коллегия

Енин А.Е., заслуженный архитектор РФ, канд. архитектуры, проф., ВГТУ (главный редактор); *Есаулов Г.В.*, заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Барсуков Е.М.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Большаков А.Г.*, д-р архитектуры, проф., Иркутский технический университет; *Донцов Д.Г.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Капустин П.В.*, канд. архитектуры, доц., ВГТУ; *Кармазин Ю.И.*, заслуженный работник высшей школы, д-р архитектуры, проф., ВГТУ; *Колесникова Т.Н.*, д-р архитектуры, проф., ОрелГТУ; *Азизова-Полуэктова А.Н.*, канд. архитектуры, ВГТУ (ответственный секретарь); *Леденева Г.Л.*, канд. архитектуры, проф., ТГТУ; *Мелькумов В.Н.*, заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, проф., ВГТУ; *Метленков Н.Ф.*, канд. архитектуры, проф., МАРХИ; *Птичникова Г.А.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ; *Ракова М.В.*, директор департамента архитектуры и градостроительства Нижнего Новгорода; *Фирсова Н.В.*, канд. архитектуры, д-р геогр. наук, доц., ВГТУ; *Чесноков Г.А.*, канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Шубенков М.В.*, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Luca Zavagno*, PhD, Assistant Professor Department of Arts, Humanities and Social Sciences Faculty of Arts and Sciences Eastern Mediterranean University via Mersin10, Turkey Famagusta.

Выходит 4 раза в год.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 394006 г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, ком. 1522. Тел./факс: +7(473)236-94-90, E-mail: af@vgasu.vrn.ru

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ: 394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 014189

Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 014189

Individuals can subscribe to it in the online store "Business Press" <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>

16+

© ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный технический
университет», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

□ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А.Г. Козлов ПОИСК НОВЫХ ЯЗЫКОВ ТВОРЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ЧЕРЕЗ ДЕМОНСТРАЦИЮ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСТАВКИ-КОЛЛАБОРАЦИИ.....	4
П.В. Капустин АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЗНАНИЯ О СРЕДЕ - "ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА" "СРЕДОВОГО ДВИЖЕНИЯ".....	11
П.В. Капустин ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ. ГРАНИ И СЛЕДСТВИЯ САКРАЛЬНОГО МОДЕЛИНГА.....	19
А.Г. Козлов, В.И. Кучерявых ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ЭТАП ПЕРЕХОДА СОЗЕРЦАНИЯ В СОЗИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ВНУТРЕННИЕ ФИЛЬТРЫ ВОСПРИЯТИЯ.....	29
А.Е. Енин, А.С. Гурьев, Ю.С. Коротких КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛОРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА.....	36
□ ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Е.С. Свечкар МОЛОДЕЖНЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА В СТРУКТУРЕ ГОРОДА.....	44
□ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	
Л.В. Морозова, А.Е. Енин ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ).....	52
Е.В. Поспеева ПЕРЕСЕКАЮТСЯ ЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ?.....	59
Д.Р. Зверева, А.Е. Енин ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	65
А.А. Проценко, Н.Н. Болкунова СОХРАНЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИРОДНЫХ ЗАКАЗНИКОВ ЦЧР	75
А.Э. Заплавная, А.Е. Енин РЕЖИМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КВАРТАЛЬНОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ВОРОНЕЖА.....	82

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 72+7.03:316.7

ПОИСК НОВЫХ ЯЗЫКОВ ТВОРЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ЧЕРЕЗ ДЕМОНСТРАЦИЮ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСТАВКИ-КОЛЛАБОРАЦИИ

А.Г. Козлов

*Воронежский государственный технический университет, кафедра теории и практики архитектурного проектирования,
Член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России, старший преп. Кафедры ТуПАП А.Г. Козлов (Россия, г. Воронеж, тел.
8 (920) 420 73 73 e-mail: andrey-kozlov-91@mail.ru)*

Постановка задачи. Раскрыть синтетический потенциал взаимодействия архитектуры и искусство через поиск новых языков творческих коммуникаций на примере проектно-сценарного развития тематической выставки-коллораации в доме архитектора.

Результаты и выводы. В данной работе рассмотрен формат выставочной коллораации, который в персональной подаче способствует формированию новых профессиональных взаимодействий, оценочных категорий, предметно-практических импульсов и духовных трансформаций, а также построению широкого спектра внутренних и внешних коммуникаций, стимулируя архитектуру и живопись к целостному сомасштабному импульсу с формами развития человеческой личности и общественного сознания.

Ключевые слова: архитектура, искусство, коллораация, коммуникации, взаимодействие, творчество, синтез.

Архитектура и искусство, как важнейшие составляющие созидательной деятельности на всем протяжении исторического развития пространства, сознания и общества в целом являлись и являются неотъемлемой частью коммуникаций, языкового информационного обмена и взаимодействия человека с различного рода объектами и системами. Но при всем этом видно на сколько обособлены эти направления и как они по-своему автономны, что с одной стороны повышает их мощь и величие, а с другой делает слабыми от части в отношении комплексного воздействия на сознание и чувства человека.

Большой проблематикой творческого взаимодействия в г. Воронеже является большой дефицит крупных открытых площадок для развития выставочной и event деятельности, которые могли бы не просто собирать крупные социальные массы, налаживая между ними отношения, но и предоставлять гармоничную, современную, технологически развитую среду для экспозиционного моделирования и правильной подачи творческой информации по средствам вербального и невербального восприятия. Однако, благодаря таким локальным и адаптированным современным площадкам как дом архитектора, можно смело развивать новые творческие взаимодействия и грамотно подавать сценарий собственного мышления, демонстрируя его художественную концептуальную окраску в правильном контексте и гармонизации с социальными факторами внешнего порядка. Еще более сложным кажется сам процесс интеграции различных направлений творческой деятельности, в особенности если они

имеют разномасштабный характер восприятия человеком, но именно для этого в данной работе и приводится тезис корреляции и взаимодополнения одного другим, их уравнивание в прочтении и повышении целостного уровня эффективности влияния художественных эффектов в рамках симбиоза архитектуры и живописи.

Архитекторы создают для человеческой жизнедеятельности художественно организованное пространство, которое становится средой для синтеза искусств. Всемирно известные архитектурные сооружения и ансамбли запоминаются как символы стран и городов (пирамиды в Египте, Акрополь в Афинах, Колизей в Риме, Эйфелева башня в Париже, небоскребы в Чикаго, Кремль и Красная площадь в Москве). Современный мир архитектурного проектирования, как отдельных объектов, так и комплексов делает основной упор на поли функциональность, взаимопроникновение функций и многоуровневость пространства [1]. Таким образом взаимопроникновение должно рассматриваться не просто на примере различных морфологических единиц, но и в системе целостного построения художественного языка восприятия и диалога между творчеством, творцом и зрителем. Архитектура не просто должна являться глобальным носителем функционального потенциала творчества и образцом экспозиционной подготовки для живописного восприятия реальности, она должна выражать концептуальные стороны и тонкие уровни человеческого мироздания, которые могут быть со масштабны и соучастны с духовно-смысловым и чувственным потенциалом живописи, графики и прикладного творчества. По этому весьма актуально требовать от внешней среды более плотных социальных и архитектурно-пространственных коммуникаций, в первую очередь для создания их локальных черт и стратегий, ведь архитектура здесь может действовать в двух направлениях: предоставление непосредственных площадок для синтетических взаимодействий с локальными нюансными направлениями искусства и творчества, а также демонстрация концептуально-пространственного сценария и возможностей внутреннего интерьерного социально-культурного проектирования, как средства развития новых коммуникативных ресурсов.

Передовой вектор культурного развития, бесспорно, требует синтетических методов соучастной работы искусства и архитектуры, что всячески доказывают попытки воронежских художников и архитекторов соединить одно с другим и понять хотя бы на экспериментальном уровне на сколько подобные коллаборации позитивно влияют на общество и его целостное развитие в отношении коммуникативного развития предметно-пространственного и социально-культурного контекстов, как импульсно-реакционных феноменов и всплесков глобального и локального осмысления. Прочувствовать и прощупать подобный синтез всегда получается через экспериментальные формы организации нового языка культурно-смысловых коммуникаций, где архитектурные концепции весьма органично соседствуют с живописью и традиционным искусством, которое всегда в колее уникальной техничности будет цениться высоко и достойно. Так был положен старт проекту выставочных коллабораций, первой из которых стала выставка “Пространство цвета и смысловые метаморфозы”, проходившая в доме архитектора и уже вызвавшая позитивный общественный всплеск, определенный интересом и глубокой заинтересованностью к самому сценарию экспозиции, который представили архитектор Андрей Козлов и художник Роман Серебрянский. Концепция выставки проявилась в смелом синтезе творчества различного характера в современной экспозиционной среде, где социально-культурная партиципация получила новый языковой понятийный импульс в прочтении тонких форм выражения материально-духовного восприятия реальности художником и архитектором.

Рис. 1. Фото с выставки коллаборации в Доме архитектора (Андрей Козлов)

Данное мероприятие стало не просто культурным событием, но и позволило провести вполне актуальную социально-культурную аналитику, выявив характер и вектор мышления человека, его язык понятийного взаимодействия с картинами и проектными концепциями. Более того, привлекая разностороннюю публику, задачей такой выставки стала отладка социальных коммуникаций между разными тематическими сообществами. Так, архитекторы и художники смогли найти новые контакты и построить перспективные точки проектных и творческих отношений, что в конечном счете возбудило общий характер творческой моторики. Идейный поток в сообществах существенно возрос в результате общих взаимодействий и тематических экскурсий, что является весьма важным как критерий персонализации собственных замыслов. Демонстрируя архитектурно-художественные работы от первого лица, автор всегда может передать глубину состояния и последовательность художественного сценария самого мышления, стремящегося к чувственному ответу со стороны зрителя. Таким образом, поддерживая коммуникативный импульс на протяжении всей выставки, авторы смогли не только передать собственное видение синтетического развития отношений архитектуры и искусства, но и ощутить посыл зрителя, его потребности и формы восприятия по отношению к представленным концепциям и полотнам.

Рис. 2. Открытие выставки и проведение экскурсии по экспозиции.

О первичности классического жанрового искусства и архитектуры говорить не приходится, иерархии здесь не может быть, ведь и в одном, и в другом есть дуальные стороны живописи и архитектуры, которые объединяет созерцание и созидание, как природа импульсно-реакционной выразительности поведения самого человека. Концепция в архитектуре представляется определенной формой замысла, основанной на индивидуальных чувствах самого автора, опирающихся на уникальные коммуникации личности в ее локальных границах восприятия и деятельности. В живописи же концепция тоже есть и это следует уверенно признавать в первую очередь ввиду ее живых особенностей передачи персональных ощущений через наглядные и достаточно органичные методы и формы прикладного ремесла. Композиционный сценарий в полотнах тесно связан с ощущением художника и чувствами его преемственности к передаче тех или иных параметров изображаемого. Художник демонстрирует отношения предметов и объектов в пространстве через возможности своей художественной обработки на холсте, а архитектор представляет связи человека с объемно-пространственной средой по средствам прямого стремления к погружению в реальный контекст. Филигранно реверсируя контакт человека с различными масштабами сопоставления, искусство и архитектура непременно стремятся к прорастанию синтетических качеств между собой и интеграции локальных и глобальных компонентов созидательного развития, а также поиску новых языков коммуникации с человеком.

Выставка архитектурно-художественных работ в коллаборации позволяет наиболее выразительно обратить внимание на проблематику настройки различного рода языковых взаимодействий между обществом, пространством, предметами и тонкими формами мироздания, входящими в созерцательную плоскость и выходящими из созидательного объема. Архитектура и искусство также масштабируют личность и ее внутренний инструментарий, подчиняя его определенной воспитательной иерархии, задавая ритм культурного развития. Все это может быть выражено в некую стратегию тектонической трансформации и поддержания контактных взаимодействий между тонкими и грубыми формами созидательной и созерцательной активности. Две формы выражения и демонстрации внутренних метаморфоз творческой личности, где одна раскрывает свободу души, а другая свободу мысли, являются перспективными формами взаимоотношений в первую очередь для поиска новых средств выразительности современных передовых возможностей и фокусов внимания человека, его культурной экспансии. Именно культура отношений сегодня задает индивидуальность понятийного спектра, расширение которого должно быть одной из основных задач любой творческой коллаборации. В срезе экспозиционного синтеза между масштабами чувственного и интеллектуального восприятия возникает развитие комплексного инструментария по просвещению синтетических возможностей между коммуникациями душевного, интеллектуального и чувственного восприятия. Архитектура при помощи искусства приобретает тонкие черты стиля, деликатного мастерства управления материальными и духовными возможностями, а искусство в свою очередь с помощью архитектуры возводит свои чувственные плоскости в со масштабный ранг с глубинными формами человеческого мироздания на один уровень, делая выражение художественного образа масштабным сценарием интеллектуально-смыслового и душевного взаимодействий с собственной композицией, цветовыми оттенками и конструктивными параметрами.

Рис. 3. Концептуальное оформление экспозиции.

Помимо художественного объединения Баухауза, в XX веке существовали и другие движения, проводившие эксперименты в архитектурной сфере, в том числе при взаимодействии ее с другими областями искусств. Одно из них – «бумажная архитектура», которая объединила в себе приемы выразительных средств живописи, архитектуры, театра и литературы [2]. Таким образом, можно понять, что искусство и архитектура всегда имели друг для друга большое значение развивая те или иные стороны своего инструментария и стилистического многообразия, а также возможности в осмыслении и созидании на базе реализации новых передовых методов и языков художественного выражения. Но здесь помимо архитектуры и искусства очень важным сегодня становится именно формат их интеграции. На базе выставки-коллаборации данная связь как показал опыт приносит не только теоретический и научно-информационный эффект, но и богатый веер практических предметных возможностей в коммуникативной форме проектирования новых средств созидательной активности в предметно-практической реальности. Выставочно-экспозиционная тематика презентации творчества с живым авторским включением делает связь между творцом и зрителем наиболее явной, повышая общий уровень отношений в контексте которого с одной стороны можно выявить приоритеты и языковой спектр зрителя, а с другой возможности и спектр творческих приемов художника-архитектора, представляющего собственный чувственный эмоциональный взгляд как на отдельные, так и на целостные компоненты мироздания.

К рассмотрению широких возможностей форматов синтетической подачи творчества, я как дизайнер и архитектор подошел уже давно, требовался лишь похожий наглый и откровенный импульс бесстрашия со стороны сообщества художников. Я его получил.

Художник Роман Серебрянский, имеющий достаточно современный взгляд и колоссальный опыт в выставочной деятельности, активно поддержал нашу творческую связь, что и помогло создать на время выставки прекрасную коммуникативную площадку для общения архитекторов и художников как молодого поколения, так и мастеров с большим опытом, а также динамичный круг сообществ по заинтересованности в интеграции творчества в современные сферы деятельности бизнеса и экономики в том числе, развитие которой сегодня как никогда требует именно творческого ресурса, нелинейного мышления и сопоставления масштабов и методов коммуникативного взаимодействия не только с нюансными направлениями художественной и архитектурной активности, но и иных разделов актуализированного круга социально-культурного развития на всех уровнях.

Архитектура перестаёт быть пресловутой "башней из слоновой кости"; объективно меняется социальная роль архитектора в постоянно обновляющейся системе распределения труда. Творчество перестаёт быть делом гениальных одиночек, творящих в тиши мастерской или кабинета, а проектирование всё больше понимается не как авторский жест, но как организованный диалог между заинтересованными субъектами проектно-строительного процесса [3]. Архитектура и искусство, вписываясь друг в друга сегодня должны способствовать выявлению новых средств взаимодействия на социально-деятельностном уровне, повышая культуру и образованность общества на тонких планах, усиливая внутреннюю энергию и возбуждая вполне яркое желание вдохновенно созидать как в локальном ключе, так и в коллаборации, привнося в среду новые формы методологии развития практического эффекта от взаимодействия нюансных направлений творчества.

Библиографический список

1. С.А. Прохоров, "Проблема синтеза искусств в архитектуре" / Мир науки, культуры, образования. № 5 (36) 2012 / С. 225
2. А.Р. Лотфуллина, Краснобаев И.В., "К вопросу о взаимовлиянии архитектурного проектирования и сценографического искусства" / Казанский государственный архитектурно-строительный университет / С. 20-21
3. П.В. Капустин, Ю.И. Кармизин, В.А. Самбулов, "Социальная ориентация в научных и проектных работах кафедры Теории и практики архитектурного проектирования Воронежского ГАСУ" / Архитектурные исследования № 1-2016 / С. 38

Bibliographic list

1. S.A. Prokhorov, "The problem of synthesis of arts in architecture" / World of Science, culture, education. No. 5 (36) 2012 / p. 225
2. A.R. Lotfullina, Krasnobaev I.V., "On the question of the mutual influence of architectural design and scenic art" / Kazan State University of Architecture and Civil Engineering / pp. 20-21
3. P.V. Kapustin, Yu.I. Karmizin, V.A. Sambulov, "Social orientation in scientific and design works of the Department of Theory and Practice of Architectural Design of Voronezh GASU" / Architectural Studies No. 1-2016 / p. 38

SEARCH FOR NEW LANGUAGES OF CREATIVE COMMUNICATION THROUGH THE DEMONSTRATION OF ARCHITECTURAL AND ARTISTIC SYNTHESIS ON THE EXAMPLE OF THE FORMATION OF AN EXHIBITION-COLLABORATION.

A.G. Kozlov

*Voronezh State Technical University, Department of Theory and Practice of Architectural Design,
Member of the Union of Designers of Russia, member of the Union of Architects of Russia, senior teacher. Department of TyPAP A.G. Kozlov
(Russia, Voronezh, tel. 8 (920) 420 73 73 e-mail: andrey-kozlov-91@mail.ru)*

Formulation of the problem. To reveal the synthetic potential of the interaction of architecture and art through the search for new languages of creative communication on the example of the design and scenario development of a thematic exhibition-collaboration in the architect's house.

Results and conclusions. In this paper, the format of the exhibition collaboration is considered, which in a personal presentation contributes to the formation of new professional interactions, evaluation categories, subject-practical impulses and spiritual transformations, as well as the construction of a wide range of internal and external communications, stimulating architecture and painting to a holistic large-scale impulse with forms of development of human personality and social consciousness.

Keywords: architecture, art, collaboration, communication, interaction, creativity, synthesis.

АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОЕКТНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЗНАНИЯ О СРЕДЕ - "ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА" "СРЕДОВОГО ДВИЖЕНИЯ"

П.В. Капустин

*ВГТУ, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, канд. арх., зав. кафедрой Капустин П.В.
Россия, Воронеж, тел.: 8 (4732) 71-54-21, e-mail: ap-i-g@yandex.ru*

Постановка задачи. Статья является рефлексией трёх десятилетий и более лет поисков точек соприкосновения основных "игроков" так называемого "средового движения" не только в отечественной, но и в мировой гуманитарной и проектной мысли. Поиски эти неоднозначны, их результаты совсем не обнадеживают. В статье ставится задача понять причины произошедшего и наметить стратегии возможных новых разработок.

Результаты и выводы. Рассмотрены результаты усилий по формированию новых типов средоформирующей деятельности, осуществлявшихся "на стыке" различных практик и знаний. Реконструированы базовые, по мнению автора, направления интеграционных усилий, среди которых обнаружена фатальная ошибка, смысл которой понять можно лишь в наши дни, с опорой на осуществленные различия и фундаментальные исследования. Предложены направления выхода из проблемной ситуации.

Ключевые слова: "средовое движение", "средовой подход", городские исследования, проектное мышление, архитектурная предметность, распредмечивание и междисциплинарность.

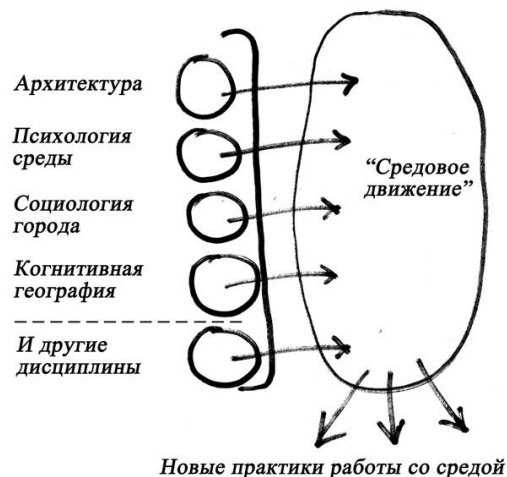
К середине 1960-х годов становится вполне очевиден кризис рационалистического урбанизма и в целом практик действия с городом как с объектом прямого руководства, не предполагающим ни собственных интенций и инерций эволюции, ни какой-либо обратной связи городской реальности с областью принятия решений. Имеющиеся к тому времени каналы связи, в т.ч. исследовательские институты и их методы, сводились к выполнению функциональных задач внедрения решений, уже принятых в "башнях из слоновой кости" - в клановых управленческих и т.н. "проектных" (в модернистской парадигме проектирования, а по сути конструкторских) институциях. Такое положение дел переставало удовлетворять критически мыслящих интеллектуалов из различных областей знания и практики. Начинает формироваться "средовое движение" - совокупность усилий представителей разных наук и профессий, где архитекторы - лишь одна из многих, хотя и (по традиции, а скорее - по умолчанию) приоритетная сторона.

Архитектуроцентризм versus "антипрофессионализм"

Для критически мыслящих архитекторов интерес к исследованиям сложившихся и успешных сред, их морфологии, способов связности (радикально отличающихся от ансамблевой связности), конфигураций управления и поведения в среде знаменовали поиск человеческих и социальных перспектив в архитектуре. Принципиальным обстоятельством таких усилий и инициатив по необходимости становится их оппозиция монопредметному типу мышления - рефлексия сложности ситуации и концептулируемых объектов "вытаскивает" наиболее критичный слой профессионалов за рамки сложившихся профессий и предметно организованных наук, что хорошо заметно на примере архитекторов, принявших участие в "средовом движении".

Рефлексия указанного обстоятельства не составляла секрета уже с самого начала: в архитектуре участники "средового движения" (или, чуть уже, - "средового подхода") быстро получили прозвание "антипрофессионалов", что было принято последними чуть ли не с восторгом. Принцип "антипрофессионального" выхода в средовую идеологию схематически удалось изобразить А.Г. Раппапорту на известной конференции в г. Суздале 1989 г., в которой принимали участие немногочисленные тогда урбаносоциологи, когнитивные географы, представители Таллиннской школы инвайронментальной психологии (психологии средового

поведения) - наиболее перспективных, как казалось тогда, дисциплин, ориентированных на исследования городской среды (рис.) [1]. Эта знаковая конференция, организованная Союзом архитекторов СССР, вовсе не является началом "средового движения", скорее напротив - с неё можно отсчитывать историю критической рефлексии эпистемы "среда" в различных практиках и формах знания, в т.ч. в архитектуре и урбанизме (по крайней мере - в Советском Союзе, России). Автор этих строк был одним из активных участников суздальской конференции [2] (см. также [3]), что даёт ему некоторое право на соучастие в данной рефлексии.

А.Г. Раппапорт представляет схему распределенного выхода представителей частных наук и профессий в междисциплинарное "Средовое движение" на конференции по городской среде, Суздаль, 1989 г. Справа - реконструкция указанной схемы.

По прошествии более тридцати лет, можно, наверное, подвести итоги произошедшего. Сегодняшняя ситуация довольно удивительна и поливалентна: едва ли не "параллельно" сосуществуют решительные проблематизации сугубо монистического, узкопрофессионального отношения к реконструкции городов; разнообразные исследования городов (Urban Studies) за рамками функционалистской парадигмы; экспериментальные и всё ещё единичные акции подлинного соучастия и защиты ценностей места, и "практика" узкопрофессиональной монополии в деле преобразования городских пространств (с недавнего времени изошрённо имитирующая соучастие и вольно обходящаяся с категорией среды). "Практика" указана нами в кавычках, поскольку, по Платону, таковой не является, но представляет собою "поэзис" по деланию чего-то условно "городского" (чем и занималось рациональное нормативное "градостроительство" в 1950-70-е годы, и что окончательно не исчезло до сих пор, лишь обретая иные формы). Реальность практик, так или иначе выходящих сегодня на городскую среду, ещё ждёт своей типологизации. Но разрывы в эпистемологической структуре этой реальности уже сегодня очевидны. Неочевидны причины таких разрывов. Мы постараемся дать свой ответ в отношении этих причин.

Ответы на вопрошания о среде и о востребованности гуманитарных знаний в практиках, вроде бы создающих "среду" - лежат, на наш взгляд, совсем не там, где их уже полвека ищет здравый смысл прагматического типа, т.е. не в стороне внедрения или интеграции знаний, не в субъективных и даже не в объективных (парадигмально-объектных) причинах, при всей значимости последних. Ответы - в довольно давно произошедшей подмене понятий, в отождествлении (а также и в ложных попытках разотождествления) понятий *архитектура* и *проектирование*.

Подмена адресата

Проблематика среды (городской среды) - это, несомненно, мультипредметный вызов (один из весьма немногих, по сути) в современной картине знания. Однако, как сегодня становится понятно, вызов обращён к проектированию (как мы будем о нём говорить ниже), но не к архитектуре, которая оказалась втянута в средовой дискурс по сопричастности, и в итоге стала областью профанации среды и всего "средового", а теперь, наряду с иными интересантами, - и мультипредметности как таковой.

Проектирование (а оно рассматривается нами не в функционарном смысле, не как процедура устоявшейся на сегодня последовательности проектно-строительных работ, но как автономная сфера мышления и деятельности, равномошная таким сферам, как наука, искусство или инженерия, т.е. будет рассмотрено в традиции деятельностной методологии) оказалось ложно отождествлено с теми (весьма незначительными) компонентами архитектурного сознания, которое проявило готовность как-то реагировать на проблематику, центрированную на образе "городской среды" со всеми её мультипредметными качествами.

Последние совершенно необходимы, поскольку никакое предметное знание, выстроенное в методологической традиции новоевропейских естественных наук (а они и легли в основу формирования образовательных и теоретических институтов профессий по имени "архитектурное проектирование" и "урбанизм"), не способно вобрать в себя содержание среды - то самое содержание, ради "снятия" которого и затевался весь "крестовый поход" инвайронментализма. Однако сегодня мы начинаем понимать, что мультипредметность... вовсе не желанна архитектуре, что со всей очевидностью продемонстрировали десятилетия неуклонной редукций всего "средового", которое оказалась хоть как-то способна усвоить, ассимилировать и операционально использовать архитектурная профессия [4].

Перед нами подмена адресата: всё, долженствовавшее быть освоенным и принятым проектированием, как сферой открытой и незавершённой, ориентированной на новую проблематику и готовую на постоянные парадигмальные сдвиги, оказалось адресовано архитектуре - сфере деятельности весьма консервативной (и это - благо!) и совсем не склонной на рефлексию собственного объектно-онтологического горизонта.

Эта досадная, хотя и курьёзная, ошибка не является чей-то персональной виной и даже событием, имеющим сколь-либо точную хронологическую локализацию. Сдвигка, а по сути подмена, произошла довольно давно; она имеет застарелые причины, глубоко идущие основания, уходящие в концептуальные структуры Нового времени, новоевропейской науки и её методологического принципа доминирования моделей над реальностью. Проектирование, вошедшее в это время в архитектуру и тотально трансформировавшее её, опиралось на такие именно рациональные модели. Иные же конфигурации проектности архитектура до сих пор способна "захватывать" и практиковать лишь локально - регионами, школами, в работах отдельных энтузиастов.

Пределы архитектурной интеграции

Немаловажный вклад в обсуждаемую подмену внес период авангарда и раннего модернизма начала XX века, когда архитектура, при всех своих тогдашних стилистических грехах, рассматривалась поисковой культурой эпохи в качестве авторитетной, серьёзной и созидательной, конструктивной силы, обладающей реальным на тот момент истории опытом преобразования городов и ландшафтов. Это представление, по сути, и до сих пор доминирует в общественном сознании, ведь архитектура - явственна и материальна; а что такое проектирование как сфера деятельности (диффузная и едва ли не виртуальная), и каковы её потенциалы, знают лишь методологи проектирования и теоретики дизайна. Но с начала XX века созидательность архитектуры оказалась вполне успешно узурпирована проектностью новых модернистских профессий - урбанизма, дизайна, "архитектурного проектирования", отождествлена с ней.

К таким же курьёзам приходится отнести и миф о синтетичности архитектурного сознания. Известная фраза Р.Б. Фуллера о том, что лишь архитектор в наше время способен к "соединению всего со всем" носит комплиментарный характер, так как была произнесена на заседании Королевского института британских архитекторов в Лондоне [5]. Между тем, мало кто, как Фуллер, центральный идеолог тотального проектирования на Западе, был расположен к критике архитекторов (как и всех иных предметников) за "врождённую" приверженность узкой специализации, но надежду на архитекторов не терял.

Представление о том, что архитектор способен соединять различное в единстве ценностно-осмысленного образа, разумеется, справедливо, оно восходит к Древней Греции (в частности, к Пифею, с которым спорил и которого не понимал римский военный инженер Витрувий [6, с. 9-11]). Архитектура издревле синкретична, но, увы, утрачивала свою синкретичность в столетиях профессионализации. Когда же профессионализация более-менее состоялась, - к 20-м годам XX в., - на повестке возник вопрос о статусе новой рациональной профессии; тогда и был выдвинут тезис о синтетичности архитектурного сознания. Но синтез - слабая и превратная тень синкретичности; согласно Т. Адорно, - "Синтез - это покров, скрывающий анализ, который постоянно сам себя разоблачает и всё чаще становится табу" [7, с. 161]; синтез идёт по стопам уже проведенного анализа - базовой процедуры предметно организованной, редукционистской естественной науки (именно из неё анализ как метод проник в архитектурную деятельность).

Идея синтетичности архитектуры, представляется нам, имеет сугубо эпистемологическое происхождение, то есть опирается не онтологию, но на доступные способы постижения, игнорируя их адекватность. Она не выражает природу своего объекта, но отражает сложившуюся систему его описаний - через суммирование качеств из известных и "более понятных" областей деятельности. Так, "творческий метод архитектора", будучи материей "тёмной", традиционно описывается как сумма метода учёного, инженера, художника et cetera. Но, как мы могли убедиться за последние десятилетия, аддитивные формулировки не приближаются к подлинной сущности вещей, а архитектура от таких описаний не меняет свои методы, не становится, увы, более открыта и более обращена к мультидисциплинарной проблематике.

Архитекторам (в их обычном функционарном состоянии), по сути, нечего делать с представлением о среде и, соответственно, со знаниями о ней. У них и без того имеется богатая на детали, разнообразная предметность, обладающая вековой традицией и обросшая множеством тешащих профессиональное самосознание мифов. Им и с "пространством"-то, - выдумкой уже более чем столетней давности, - делать нечего, разве что напускать глубокомысленного тумана перед заказчиками. Но "пространство" архитекторам послушно, оно принимает любые формы; со средой так не получается, поэтому её приходится купировать как концепцию, сводить к чему-то знакомому и освоенному - это и есть печальная судьба идеи среды в архитектуре и урбанизме последних пяти-шести десятилетий. В таких условиях знания о среде и средовом поведении, знания психологии и социологии среды не имеют весомых шансов быть ассимилированными архитектурной практикой (заметим: с ассимиляцией архитектурной практикой "собственной" же архитектурной теории и без того имеются немалые проблемы, но это несколько иная тема).

Ситуация в системах знания "вокруг" среды

Затруднения с ассимиляцией средовых исследований в архитектурной практике (и даже в теории, как начинает она опознаваться в последнее время - автономной и гениальной [8 - 13]) не стоит считать лишь свидетельством "природной" консервативности архитектуры. У архитектуры с Нового времени, особенно - в XX столетии и ныне, накопилось чрезвычайно много нерешенных вопросов. Слишком много утрат, подмен и подлогов сопровождали архитектуру на пути её профессионализации. Архитектура в наше время пытается вернуться к собственной подлинности, к самой себе. Идея Проектирования и идея Среда (а также, заметим, и идея т.н. "Антиархитектуры"), эти хрестоматийные соблазны XX века,

представляют собою первоочередные области разотождествления в актуальных разработках, при всей проблемности, даже болезненности такового [14]. Однако велика и инерция "синтетичности" - де-факто "слипания" многих сущностей под звучными и всем известными именами; с этим очень трудно бороться в наши дни.

Повторим: парадигма мультипредметности, полидисциплинарности *et cetera* оказалась "неудобоваримой", неорганичной для архитектуры. Она имела и ещё имеет шанс стать значимой для проектирования, в сфере которого возникло-таки социальное проектирование, наработаны партиципативные стратегии (традиционно вызывающие раздражение у подавляющей массы архитекторов), формируется т.н. урбанистика ("новая урбанистика"). Затруднения с соответствующим различием до сих пор - ключ ко многим бедам, отнюдь не только российским. Эта проблема усугубляется ещё и тем, что в проектной идеологии идея среды также не нашла действенного осуществления, она лишь повлияла на дискурсивные фигуры наиболее динамичных слоёв проектной культуры, примером чему может быть популярность знаменитого "A Pattern Language" Кристофера Александера и его коллег [15]. Стремление к моделям, паттернам, к знанию практико-методического ("рецептурного") типа - давняя склонность теорий и методологий проектирования, слишком многое наследовавших из традиции предметных естественных наук, слишком сильно ориентированных на прагматическую силу готовых конвенций. Вероятно, поэтому даже наиболее динамичные слои проектной культуры довольно быстро находят успокоение в "модных" дискурсивных конструкциях, что, пожалуй, несколько облегчает задачу их знаниевого обеспечения, однако не способствует глубоким преобразованиям самой деятельности. Но всё же, стоит признать, парадигма проектирования до сих пор пребывает в движении, открыта изменениям и "распредмечиванию" [16] собственных, излишне быстро и некритично сложившихся конвенций.

Итак, у замечательной, гуманистической по интенции и гуманитарной по методу междисциплинарной исследовательской традиции среды нет особенных проблем с микроуровнем - уровнем существования психологических реакций и оценок, достоверно обнаруживаемых и воспроизводимых (есть лишь задачи на углубление и расширение исследований). Нет у неё затруднений с макроуровнем - горизонтом экономических и политических решений (более того: на этом уровне идея среды, например в современной России, получила поддержку, масштаб которой вызывает определённые опасения - не начинается ли новый виток редукционизма и профанаций?). Но в горизонте социологии знаний, в стратегиях взаимодействия наук и практик, то есть на мезоуровне, идея среды всё ещё серьёзно "буксует".

Положение дел серьёзно усугубляется ещё и тем, что новые формы научного знания, претендующие ещё несколько десятилетий назад на междисциплинарное видение среды, очень быстро, буквально "на глазах", утратили качества распределённого видения; с ними случилась досадная метаморфоза, постигающая всякое позитивное знание в Европе вот уже без малого полтысячелетия: они стали предметными дисциплинами, то есть, по определению, - очередными монопредметными идеализациями объекта по имени "городская среда", способными описывать его лишь с частных и очень специфических сторон.

Но особенно, на наш взгляд, досадно и тревожно безучастное де-факто отношение к подлинной средовой проблематике со стороны архитектурной и урбанистической деятельности. Взаимодействие ограничивается академическими моделями и общими фразами, а также традиционными пожеланиями получить прикладные практико-методические модели, годные для непосредственного использования в архитектурно-градостроительных организациях и в стандартных функциональных режимах. Последнее, на наш взгляд, малоэффективно: средовое знание тем самым профанируется, гуманистический смысл средовых интенций дискредитируется, ресурс переосмысления средоформирующих практик остаётся невостребованным.

Возможные пути дальнейшего движения

Мы предложили своё объяснение причин сложившегося положения дел. Выход из проблемной ситуации видится как развитие её диспозитива: необходимо двигаться с двух сторон одновременно.

С одной стороны - требуется адресное формирование пакетов знаний для поискового слоя архитектурно-урбанистических профессий (включая проектные и управленческие компетенции). Но это должно быть, по нашему убеждению, скорее критическое и проблематизирующее знание, чем рецептурное или нормативное. Архитекторам нужны знания о среде и о человеческом поведении в ней лишь в той ситуации и в том состоянии, когда они... выходят за рамки предметного профессионализма; до настоящего времени происходит это совсем нечасто и далеко не со всеми (хотя статистика в данном вопросе пусть медленно, но положительно меняется). Указанная адресность предполагает весьма точное описание и моделирование типических состояний такого рода. Последнее не должно составить особенной проблемы, например в западной теории проектирования достаточно давно развёртываются исследования так называемого "проектного поведения" (design behavior). Оставив в стороне проблематизацию самой парадигмы "проектного поведения", отметим её несомненную близость, в частности, исследованиям средового поведения. На пересечении этих двух видов исследования в родственной методологии можно, кажется, ожидать чаемого "попадания" средовых идей в актуальную архитектурно-проектную практику.

С другой стороны, требуется дальнейшая дифференциализация архитектурно-проектировочных компетенций, формирование новых проектно-ориентированных действительностей, где может быть востребовано насыщение новым типами междисциплинарного знания. В этих условиях средовые знания сохраняют свою роль в качестве сильного средства проблематизации традиционной предметности и "вывода" архитекторов в поле социально ориентированного и ответственного действия. Понимание такой именно роли средовых исследований и знаний, точный акцент на ней, - возможный ресурс развития всех заинтересованных сторон. Такую роль исследования по психологии и социологии среды продолжали играть все годы существования "средового движения", хотя и с переменным успехом. Во многом указанная дифференциализация может быть очередной раз маркирована как "антипрофессиональная" активность с позиций традиционной архитектурной предметности, однако не стоит этого опасаться: архитектура издревле порождала из своих недр многие науки и искусства, практики и формы мыслимости. Сегодня продолжается исторический процесс формирования новых устойчивых занятий и даже, возможно, профессий, центрированных на городскую среду - на феномен, оказавшийся самой архитектуре не по силам.

Библиографический список

1. Городская среда. М-лы Всесоюзной науч. конфер. ВНИИТАГ и СА СССР "Современные проблемы формирования городской среды", г. Суздаль. - в 2 т. - М.: ВНИИТАГ, 1989.
2. Капустин П.В. "Средовой подход" и перестройка профессии // Городская среда. М-лы Всесоюзной науч. конфер. ВНИИТАГ и СА СССР "Современные проблемы формирования городской среды", г. Суздаль. - М.: ВНИИТАГ, 1989. - в 2 т. - Т.2. - С. 17 - 25.
3. Капустин П.В. Опыты о природе проектирования: монография. – Воронеж: ВГАСУ, 2009. – 218 с.
4. Капустин П.В. Среда versus архитектура: коллизия профессионального самосознания // Архитектура и строительство России. - 2021. - № 2 (238). - С. 15 - 20.
5. Фуллер Р.Б. "Завещание Фуллера" // Капустин П.В. История дизайна в документах: тексты, дискуссии, мнения: хрестоматия: в 3 ч. - Ч.2. - Воронеж: ВГАСУ, 2010. - С. 33 - 35.

6. Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. с латинского Ф.А. Петровского. Изд. 2-е исправл. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 320 с.
7. Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
8. Перес-Гомес А. Этика и поэтика архитектуры (пер. А.Г. Раппапорта) // Блог А.Г. Раппапорта «Башня и лабиринт». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2012/03/agomez-perez.html>
9. Раппапорт А.Г. Автономия и смысл архитектуры // Блог А.Г. Раппапорта «Башня и лабиринт». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://papardes.blogspot.com/2012/08/blog-post.html>
10. Капустин П.В. Теория архитектуры: от проблем понимания к идеям организации // Архитектура и строительство России. - 2019. - № 4 (232). - С. 22 - 27.
11. Капустин П.В. Как возможна архитектурная теория сегодня? // Актуальные проблемы архитектуры, градостроительства и дизайна: теория, практика, образование: материалы Международной науч. конф., 23 - 29 сентября 2018 г. / ред.-сост. Н.В. Иванова. - Волгоград: ВолГГУ, 2018. - С. 350 - 355.
12. Невлютов М.Р. Феноменологические концепции современной теории архитектуры // Architecture and Modern Information Technologies (Архитектура и современные информационные технологии) - АМИТ. 2015. №3(32). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/nevlutov/nevlutov.pdf>
13. Аурели П.В. Возможность абсолютной архитектуры. - М.: Strelka Press, 2014. - 304 с.
14. Капустин П.В. "Антиархитектура" – Проектирование – Среда: "Отсутствующее" и его отражения // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии. Сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / Сост., отв. ред. И.А. Добрицына. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 52 - 57.
15. Alexander C., Isikawa I., Silverstein M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. - London: Oxford University Press, 1978. - 1216 p.
16. Капустин П.В. Авангард и наука, или: ещё раз об освобождении от предметности в проектном мышлении // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2020. - № 1 (21). - С. 4 - 10.

Bibliography list

1. Urban Environment. Proceedings of All-Union scientific. conf. VNIITAG (All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning) and UA USSR "Modern problems of urban environment formation", Suzdal. - in 2 volumes - Moscow: VNIITAG (All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning), - 1989.
2. Kapustin P.V. "Environmental approach" and the restructuring of the profession // Urban environment. Proceedings of All-Union scientific. conf. VNIITAG (All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning) and UA USSR "Modern problems of urban environment formation", Suzdal. - Moscow: VNIITAG (All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning), 1989. - in 2 volumes - V.2. - pp 17 - 25.
3. Kapustin P.V. Experiments on the nature of design: a monograph. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE, 2009. - 218 p.
4. Kapustin P.V. Environment versus architecture: collision of professional identity // Architecture and construction of Russia. - 2021. - No. 2 (238). - pp 15 - 20.
5. Fuller R.B. "Fuller's Testament" // Kapustin P.V. The history of design in documents: texts, discussions, opinions: reader: in 3 hours - Part 2. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE, 2010. - pp 33 - 35.
6. Vitruvius. Ten books on architecture. Per. from Latin F.A. Petrovsky. Ed. 2nd fix – Moscow: Editorial URSS, 2003. – 320 p.
7. Adorno T. Negative dialectics. – Moscow: Scientific world, 2003. – 374 p.

8. Perez-Gomez A. Ethics and poetics of architecture (translated by A.G. Rappaport) // Blog A.G. Rappaport "The Tower and the Labyrinth". [Electronic resource]. - Access mode: <http://papardes.blogspot.com/2012/03/agomez-perez.html>
9. Rappaport A.G. Autonomy and the meaning of architecture // Blog A.G. Rappaport "The Tower and the Labyrinth". [Electronic resource]. - Access mode: <https://papardes.blogspot.com/2012/08/blog-post.html>
10. Kapustin P.V. Theory of architecture: from problems of understanding to ideas of organization // Architecture and construction of Russia. - 2019. - No. 4 (232). - pp 22 - 27.
11. Kapustin P.V. How is architectural theory possible today? // Actual problems of architecture, urban planning and design: theory, practice, education: materials of the International scientific. conf., September 23 - 29, 2018 / ed. N.V. Ivanova. - Volgograd: VolgSTU, 2018. - pp 350 - 355.
12. Nevlyutov M.R. Phenomenological concepts of modern architecture theory // Architecture and Modern Information Technologies (Architecture and Modern Information Technologies) - AMIT. - 2015. - No. 3 (32). [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/nevlyutov/nevlyutov.pdf>
13. Aureli P.V. Possibility of absolute architecture. - Moscow: Strelka Press, 2014. - 304 p.
14. Kapustin P.V. "Anti-architecture" - Design - Environment: "Absent" and its reflections // Questions of the theory of architecture. Architecture: contemporary experience of professional self-reflection. Sat. scientific tr. and reports at the Ninth and Tenth Ikonnikov readings / Comp., responsible. ed. I.A. Dobrytsyna. - Moscow: LENAND, 2017. - pp 52 - 57.
15. Alexander C., Isikawa I., Silverstein M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. - London: Oxford University Press, 1978. - 1216 p.
16. Kapustin P.V. Avant-garde and science, or: once again about the liberation from objectivity in design thinking // Architectural research. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2020. - No. 1 (21). - pp 4 - 10.

ARCHITECTURAL ACTIVITY, DESIGN THINKING AND ENVIRONMENT KNOWLEDGE - "SWAN, CRAYFISH AND PIKE" OF "ENVIRONMENTAL MOVEMENT"

P.V. Kapustin

Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Head of Dept. Kapustin P.V. Russia, Voronezh, ph. 8 (4732) 71-54-21 e-mail: ap-i-g@yandex.ru

Background. The article is a reflection of three decades or more of searching for points of contact between the main "players" of the so-called "environmental movement" not only in domestic, but also in the world humanitarian and design thought. These searches are ambiguous, their results are not encouraging at all. The article aims to understand the causes of what happened and outline strategies for possible new developments.

Results and conclusions. The results of efforts to form new types of environment-forming activities carried out "at the junction" of various practices and knowledge are considered. The basic, according to the author, directions of integration efforts are reconstructed, among which a fatal error was found, the meaning of which can only be understood today, based on the distinctions made and fundamental research. Ways out of the problematic situation are proposed.

Keywords: "environmental movement", "environmental approach", urban studies, design thinking, architectural objectivity, deobjectification (overcoming the subject form of knowledge and conceptions) and interdisciplinarity.

П.В. Капустин

ВГТУ, кафедра теории и практики архитектурного проектирования, канд. арх., зав. кафедрой Капустин П.В.
Россия, Воронеж, тел.: 8 (4732) 71-54-21, e-mail: ap-i-g@yandex.ru

Постановка задачи. Каковы истоки моделирования, - этой весьма специфической интеллектуальной процедуры? Каковы его ментальные и семиотические основания? Какую роль играла в формировании модельных представлений мифология, насколько профессиональному моделированию удалось освободиться от её схематизмов? Такие вопросы ставятся в статье, продолжающей цикл публикаций автора, посвящённых проблематике моделей и моделирования в архитектуре и проектировании.

Результаты и выводы. Рассмотрена базовая система бинарных оппозиций, задающая архаические типы модельного отношения. Утверждается, что профессиональное архитектурное проектирование в своём способе использования моделей идёт по стопам древней и сильной схемы сакрального взаимоотношения мифа и символа; делаются выводы из этого обстоятельства для формирования соответствующей актуальной теоретико-исследовательской позиции.

Ключевые слова: мимезис, тождество, подобие, моделинг, модели в архитектуре и проектировании, модельная репрезентация, сады и парки как модели мира.

Представление о земном как воплощении Небесного – известная в истории культуры идея, разнообразные трактовки которой составляют содержание едва ли не всех архаических мифологий, эзотерических учений и мировых религий. В свою очередь, Небесное предстаёт как образец (часто – принципиально недостижимый), как *paradeigma* Платона, которую нередко именуют именно *моделью* [1]. Но платоновские истоки такого представления – лишь один из многих источников, поскольку и мифология, и мировые религии интенсивно разрабатывали чрезвычайно распространённый, архетипический мотив тождества или сходства вещей и сущностей.

Верх и низ. Категория сходства

В "Словах и вещах" Мишель Фуко писал: "Вплоть до конца XVI столетия категория сходства играла конструктивную роль в знании в рамках западной культуры. Именно она в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов; организовывала игру символов, делая возможным познание вещей, видимых и невидимых, управляла искусством их представления. Мир замыкался на себе самом: земля повторяла небо, лица отражались в звездах, а трава скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны. Живопись копировала пространство. И представление [прим. 1] – будь то праздник или знание – выступало как повторение: театр жизни или зеркало мира – вот как именовался любой язык, вот как он возвещал о себе и утверждал свое право на самовыражение" [2, с. 54].

Взаимное обращение Верха и Низа – одна из базовых характеристик мифологического и религиозного миропорядка, она традиционно символизируется образом Мирового Дерева (рис.1). Известны и многочисленные примеры архитектурных осуществлений этой схемы. Таково, например, представление о Граде Небесном, при всём его духовно-нравственном трансцендентализме - одном из источников идеальных прототипов традиционного градостроения. Забегая вперёд, заметим, что в эпоху Просвещения это представление получит ещё и функцию предъявления социально-политического идеала, станет одним из источников утопической мысли, что ещё теснее свяжет это и родственные ему представления с эволюцией проектного мышления. Г.В. Лейбниц в своей знаменитой "Монадологии" напишет: "Совокупность всех духов должна составлять Град Божий, то есть самое совершенное, какое

только возможно, государство под властью самого совершенного Монарха" [3, с. 428]. Гегелевское развёртывание мирового духа в политической форме завершает эту же традицию.

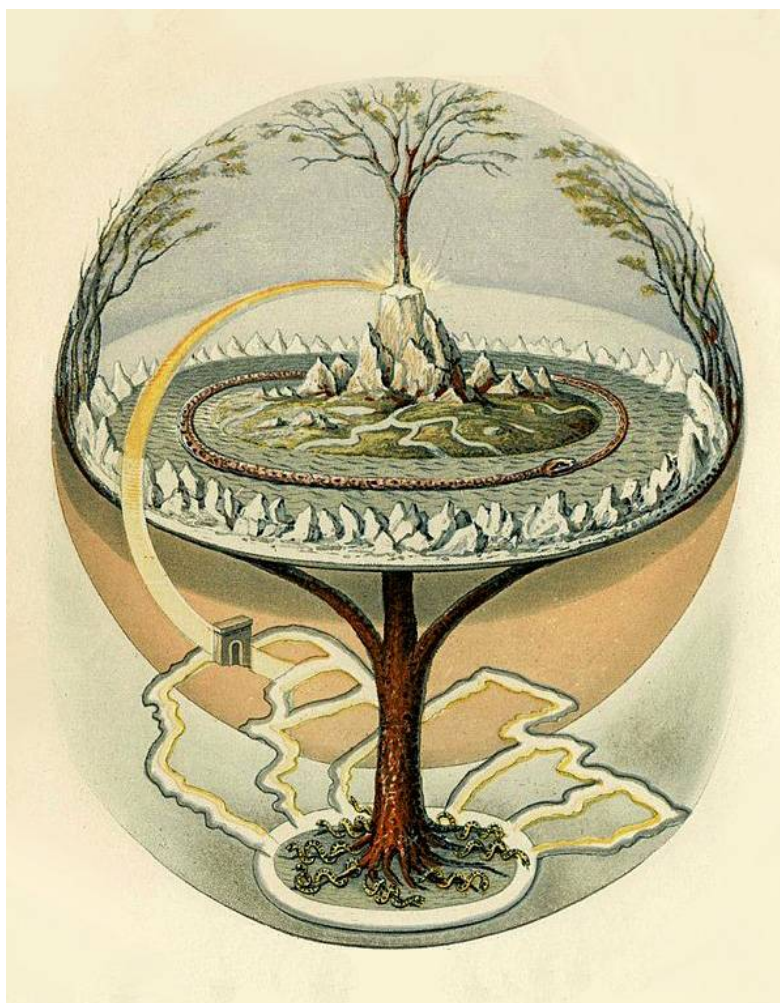

Рис. 1. Иггдрасиль - вариация распространённого образа Мирового Древа в скандинавской мифологии

Но масштаб взаимного обращения Небесного и земного не ограничивался в мире традиции ландшафтами и городами, он мог быть и относительно локальным. Таковы сакральные прототипы зодческой традиции, в частности - история возникновения прототипа православного Успенского храма с его градозащитной семантикой [4, 5]. Можно указать на подробно исследованную Н.Л. Павловым семантику культовых построек Востока или классического ордера [6, 7]. Нельзя не обратить внимание на структурное и содержательное сходство построения архитектурных воплощений сакральных представлений с порядком священного текста и теологической диспута, т.е. на взаимное влияние храмовой архитектуры и богословской литературы в ходе дискурсивного разворачивания религиозных идей, выявленное Э. Панофским [8]. Примеры осуществления указанной схемы - в различных формах её осмысления - можно без труда умножить, ими наполнена история архитектуры, по крайней мере - вплоть до Нового времени.

Заметим: хотя в указанных примерах главенствует мимезис (подражание), уже в них модельное отношение далеко от однозначности; оно, скорее, амбивалентно. Текст в той же мере модель архитектуры, в какой и архитектура – модель текста, а вместе они есть равноправные модели Небесного, которое, безусловно, - протомодель всего земного, в т.ч. и

этого текста, и этой архитектуры. Возможно, поздний методологический образ т.н. "челночной рефлексии" между двумя и более дискурсивными планами в проектировании [9, 10] восходит к средневековым опытам "двуязычного" постижения священного.

Миф и символ. По следам древней схемы

Мифологическая картина мира (а также и религиозная, в той степени, в какой она наследует мифологической) обеспечивает описанные выше действия, делает их необходимыми. Для нашей темы важно не содержание мифологических или иных сакральных идей, а базовый схематизм таких действий, их мировоззренческая или онтологическая подоснова. Наиболее убедительно, по нашему мнению, эту подоснову раскрыл А.Ф. Лосев в одном из ранних (и, по нашему мнению, одном из наиболее удачных) своих сочинений – в "Философии имени" (1923-27 гг.). В этой работе, опирающейся на давнюю традицию осмысления мифа и символа, на труды Платона, неоплатоников (особенно – типологию мифов у Прокла), Шеллинга, "теорию символических форм" Э. Кассирера и др., обсуждается феноменология имени как свёртки содержания мифа, а сама категория мифа впервые получает широкое, но точное философское значение, освобождаясь от конкретных антропологических, этнографических, поэтических и др. частных ассоциаций. А.Ф. Лосев пишет: "Реальное, жизненное и адекватное знание будет только тогда, когда я зафиксирую не только число, но и качество, и не только качество, но и цельный лик данного предмета, и не только цельный лик, но и *все те глубинные возможности, которыми он принципиально располагает и которые так или иначе, рано или поздно, могут в нем проявиться* (выделено нами, П.К.). Это и значит зафиксировать *миф* данного предмета и дать ему *имя*" [11, с. 194]. В роли такого имени в мифологической и философской традиции может рассматриваться *символ*. Лосев даёт развёрнутое определение мифа: "Итак, мифология есть первая и основная, первая если не по простоте, то по сложности, наука о бытии, вскрывающая в понятиях бытие с его наиболее интимной и живой стороны. *Миф есть вещная определенность предмета, рассматриваемая с точки зрения нагнетения всякого иного смысла, выходящего за пределы данной вещной определенности, который только может быть принципиально связан с этой определенностью* (выделено нами, П.К.), - с точки зрения интеллигенции [прим. 2]. Мифология и есть наука о бытии, рассмотренном с точки зрения проявления в нем всех, какие только возможны, интеллигентно-смысловых данностей, которые насыщают и наполняют его фактическую структуру" [11, с. 197]. Для дальнейших рассуждений нам будет важна эта установка на тотальное нагнетание (или *нагнетение*, как писал Лосев) смысла, на его концентрацию и, добавим, - коллапс в форму имени или символа. Отметим также и определённую близость лосевских формулировок цитированным нами в первой статье настоящего цикла [12] высказываниям М. Вартофского о моделях – она состоит в утверждении возможности фиксировать знаком смысловую беспредельность [прим. 3].

В работе [13] мы, опираясь на лосевскую категорию мифа, предлагали новое понятие анализа проектного мышления - *Проектный Миф*, строили его отношения с другими понятиями, оговаривали его место в структуре топки проектного мышления, в системе проектных *техник*. Мы доказывали там актуальность, перспективность и эффективность этого понятия, видя в нём средство развёртывания адекватных форм проектной рефлексии, способных раскрыть и осознанно использовать те креативистские потенциалы "мифологического" (в лосевском, концептуально-философском смысле слова) мышления, которые, по нашему убеждению, реально использует современное проектирование, но не осознаёт этого, а его теория и принятые способы самоанализа не позволяют это ни осознать, ни признать. В то время как понятие Проектного Мифа представлялось нам (и представляется сегодня) аутентичной архитектурно-проектному опыту онтологической формой мышления, мы в полной мере осознаём как генетическую близость его традиционным категориям мифа и символа, так и сложность исторических и идейных перипетий, в результате которых сегодня тема мифа может вновь стать актуальной в

области, не столь давно пережившей всплеск повального увлечения всеми видами рационализма – в методологии архитектурного проектирования. В настоящем цикле статей мы лишь укажем на многообразный и непрекращающийся поток следствий того, что архитектурное проектирование, выросшее из древних практик сакральной, жреческой символизации мифа, сохраняет некоторые следы этих практик, несёт в себе – несмотря на весь научно-технический рационализм – генетический код сакрального моделинга. Действовать этот код, как нам представляется, способен и позитивно, и негативно. Ради позитивного его развёртывания и имеют смысл исследования и разработки, актуализирующие проблематику мифа и символа как скрытых корней проектного мышления [прим. 4]. Негативные же следствия реализуются "сами" – благодаря рефлексивной неразвитости, неразработанности соответствующих теоретических представлений.

Указанная двойственность не должна вызывать недоумения: таковы общие свойства "рационализации" содержания традиционного мира, осуществлённой в Новое время, с эпохи Просвещения [прим. 5]. Используя, даже узурпируя содержания традиции (в том смысле, что последние уже перестают опознаваться в своей автономии), "рационализация" всему даёт новые имена, встраивает в собственные категориально-понятийные конструкции; но вместе с тем она... "инфицирует" новое знание и мышление остатками древних схем. Такие схемы вовсе не плохи и не хороши сами по себе, но их некритическое, а то и неосознаваемое использование чревато утратой контроля над содержанием, развёртываемым в "рациональных" формах мышления. Увы, именно эта неприятность часто - слишком часто - случается и с такой формой мышления, как архитектурное проектирование.

Сказанное позволяет выдвинуть предположение: профессиональное архитектурное проектирование в своём способе использования моделей и в отношении к ним идёт по стопам древней и сильной схемы сакрального взаимоотношения мифа и символа, то есть *неявно предполагает, что в моделях действуют всё те же силы тотального смыслового нагнетания, поддающиеся адекватной сигнификации в знаковую форму модели*. Но это предположение уже не оправдывается, действительные модели архитектурного проектирования уже не являются символами, и древнее взаимоотношение мифа и символа, буде оно воспроизводимо в структурах проектного мышления и творчества, должно быть реализовано *не на моделях, а на иных носителях* [13].

Замысел и воплощение. Низвержение тождества

Но рассмотрим само это древнее взаимоотношение. Среди разнообразия связанных с данной тематикой вопросов нас здесь будет интересовать лишь самая общая и грубая схема возникающих в таком взаимоотношении связей.

Связи эти не односторонние. То, что Низ отражает – в меру грехов своих – Верх, традиционно рассматривалось как некое свойство Природы (а равно и действий подражающих Природе жрецов). Таково, в частности, каноническое представление о "Книге Природы", изучение которой есть один из путей постижения божественного замысла. Но рядом всегда есть и другое, - то, что позже в кибернетике назовут термином *feedback - обратная связь*. Если божественная и непостижимая Идея есть модель мира, то и мир, или некоторые его *особые* фрагменты, "силовые узлы" можно рассматривать (при определённых условиях и в рамках некоторой техники общения с ними) в качестве моделей мира иного [прим. 6]. Если первая модель служит Богу-Творцу в его креативной миссии, то вторая – инструмент человеческой попытки подражать божественному творению. Таковы, например, сады и парки [прим. 7]. На примере магии парков [прим. 8] хорошо видны упомянутые нами черты амбивалентности сакральных моделей, которые практически полностью утрачиваются в поздних естественнонаучных моделях, а также в моделях, эксплуатируемых в сфере технологического производства [прим. 9]. Одной из таких черт является признание законности и неустранимости зазора между моделью и её денотатом, будь то "оригинал" – в миметическом залоге, или воплощение – в проектном.

В самом деле, несовершенство земных осуществлений божественного (следствие грехопадения), как и принципиальное несовершенство человеческих реконструкций высшего

Замысла, делают невозможной речь о *тождестве*. Концепт тождества, характерный для установки на бескомпромиссное воплощение Идеального, замещается концептом *подобия* – игрой на сходстве, ресурсы которой, если верить утверждению М. Вартофского, цитированному в нашей первой статье настоящего цикла, – безграничны [12] (см. также [14]). Безгранично, заметим, и сопряжённое со всяким подобием лукавство, но в сакральном моделинге, как и вообще в зоне традиции, оно пока ещё сдерживается рамками конвенций, прежде всего – *прототипов*.

Известное и иное. Испытание подобием

Тенденция движения к концепту подобия наметилась, разумеется, не в эпоху Возрождения и не в Новое время, она определяла как феноменологию и логику средневековой ремесленной (в т.ч. зодческой) работы, как и всей традиции богословия [прим. 10]. Можно предположить, что и смысл греческих дискуссий о мимезисе состоял в стремлении ограничить подражание и растворение в природе, в установлении домена Подобия взамен домена Тождества. Подобие обладает гораздо большими степенями свободы, нежели тождество, оно менее ригористично, но и требует большей ответственности от деятеля или интерпретатора, уже не позволяя "сбросить" ответственность на объективность существующего мира. В тождестве мир статичен, в подобии же появляется "люфт", становятся возможны новации. Уже в классической мысли Греции подобие появляется там, где требуется утвердить новое, хотя бы как потенциально допустимое. Напомним, Платон в "Политике" резко разделяет подражательные искусства и высшее искусство "царского плетения": первые основаны на воспроизведении известного и как бы "слеплены" с ним, производя новые вещи для типических ситуаций потребления, но не новые идеи (Политик, 258 e) [15, с. 4]; второе же опирается на способность использовать знания и умения низших видов, не отождествляясь с ними, генерировать новые решения в сложных ситуациях. "Следовательно, относительно всех перечисленных знаний надо заметить, - писал Платон, - что ни одно из них не оказалось искусством государственного управления. То искусство, которое действительно является царским, не должно само действовать, но должно управлять теми искусствами, которые предназначены для действия;... правильно сплетая всё воедино" (Политик, 305 d-e) [15, с. 62-63]. В деле государственного управления [прим. 11] сторонники работы по готовым образцам неуместны: "Надо также отличать участников всех этих правлений от сведущего правителя, ибо они не государственные деятели, а нарушители порядка, защитники величайших химер; да и сами они всего лишь химеры, завязанные подражатели и шарлатаны и потому – величайшие софисты среди софистов" (Политик, 303 e) [15, с. 59]. Принятие концепта подобия предполагает и освоение новой рефлексивной позиции, и формирование в этой позиции некоего *метазнания*, расположенного "над" миметическими искусствами и присущими им знаниями, способного конструктивно работать с ними – всё это обсуждает Платон в своём "Политике" (а также в "Законах").

Аристотель, дав классическое описание работы ремесленника и оговорив нетворимость формы в этой работе, тут же (в восьмой главе седьмой книги "Метафизики"), делает заключение в пользу подобия, но не тождества. Оспаривая платонову категорию эйдоса, Аристотель утверждает, что она "...не имеет никакого значения для какого-либо возникновения... Поэтому очевидно, что нет никакой надобности полагать эйдос как образец (ведь эйдосы скорее всего можно было бы искать именно в этой области, ибо природные вещи – сущности в наибольшей мере); достаточно, чтобы порождающее создавало и было причиной [осуществления] формы и материала. А целое – это уже какая-то форма в этой вот плоти и кости, Каллий и Сократ; и они различны по материи (ведь она у них различная), но одно и то же по виду, ибо вид неделим" (Метафизика, 1034 a) [16, с. 202].

Хотя эра *различия* наступит гораздо позже, о чём мы ещё скажем, концепт *подобия* открывает ей дорогу; он "естественным" образом провоцирует смещение внимания на отличия, позволяющие замечать нетождественное – это новое умение приходится осваивать людям в Ренессансе и Просвещении.

Предварительные выводы

С первых шагов осмысления категории подобия совершенно определённо видны черты тех мыслительных процедур сопоставления, сравнения, замещения, которые лягут в основу метода моделирования. С торжеством концепта подобия открылись новые возможности познания и творчества, в том числе и новые возможности развития для архитектурного мышления и деятельности. Но открылись и новые бездны, ранее невиданные. Однако, переходя к их обсуждению, мы обязаны подвести некоторые итоги сказанного в первых двух статьях цикла. В следующей статье цикла мы осуществим попытку систематизации значимого для данной проблематики материала.

Примечания:

1. Здесь: опосредованное предъявление, репрезентация (*примечание наше – П.К.*).
2. Здесь - категория лосевской феноменологии, высшая форма существования смысла в мифе (*примечание наше – П.К.*).
3. Близость эта чрезвычайно важна, но ещё важнее различие, которое проявилось в моделировании и семиотике Нового времени в целом: миф (в феноменологическом смысле, как он прекрасно выражен в лосевской рефлексии, адресованной, всё же, традиционному типу сознания и деятельности) заменит категория *референции*, означающая аналогичные явления, но уже в мире секуляризованных знаков. Символ сомасштабен своему контексту значений – мифу. Знак или его *смысл* (в семиотико-лингвистической трактовке термина) беспомощен перед массой устремляющихся на него референций (см, например, [2, с. 234-235; 17, 18]. Модели – детища Нового времени – пойдут, разумеется, по второму пути, но в таких практиках, как архитектура, они постоянно будут стремиться присвоить себе характеристики символа.
4. Эта проблематика, однако, не совпадает с популярной в последнее время эксплуатацией темы "архитектурного мифосимволизма" [19], как и не решается она "каталожным" подходом к символическому. В работе [13] мы достаточно резко отмежевались от этих линий, утверждая необходимость концептуального и философского подхода к проблеме. В настоящем исследовании мы стремимся развернуть именно такой подход.
5. "Просвещение всегда было... связано с сознанием исчезновения того, чем оно стремилось ясно и недвусмысленно завладеть; всё глубже проникая в сущность исчезающего, в природу священного трепета, Просвещение *не только критикует его, но и спасает* (курсив наш – П.К.), ориентируясь на те явления реальности, которые вызывают его трепет", - писал Теодор Адорно в "Эстетической теории" [20, с. 125]. Интересно, что несмотря на то, что в критической политэкономии уже у К. Маркса осуществлено разоблачение подобных семантических игр на мифологической подоснове (Маркс называл их "теологическими ухищрениями товара"), священный трепет мифов не спешит покидать проектно-художественное воображение: его, теплящегося под загадочным именем "композиция", ощущал ещё В.В. Кандинский [21, с. 158 - 159] (См. также [22]).
6. Г.И. Ревзин, вслед за другими авторами, справедливо пишет, что в архитектуре и искусстве Ренессанса и Нового времени средневековый образ "мира иного" "...не то чтобы десакрализуется, но, скорее, секуляризуется, ...становится сакральным вне какой-то определённой системы" [23, с. 77]. В это же время формируется и предметная наука, также утилизовавшая многие мифологические и религиозные сюжеты, лишив их исходного контекста и трансформировав в абстрактные модели. Рационально реконструировать силу древней магии, несомненно, стремилось и зарождающееся проектирование.
7. "Существуют знаки, склоняющие сады и светила друг к другу. Они смотрятся друг в друга, обнимаются друг с другом и объясняются в любви. Эти знаки не имеют и не должны иметь четкой и определённой формы. Кто угодно, в зависимости от подсказки своего неистовства или от полёта своей духовности, волен пробовать определённые

силы... Таковы и эти сады... Сад, это приспособление для управления миром", - писал Умберто Эко в "Маятнике Фуко" [24, с. 399].

8. В своё время мы уделили этой теме немало внимания. В частности мы писали: "Парки издавна – так сложилось в традиции их понимания и "прочтения" – были местами, полными мистики. Если это не "метафизика искривленного пространства", открывающего "доступ к энергиям священных символов" (Прокл), то уж определенно – поэтика "измененных состояний" восприятия, магия средового действия или *воздействия*. В парках и в их более "питательных" (А. Платонов) собратях – садах – всегда сквозит нечто большее, чем непосредственная данность глазу дорожек, деревьев, партера, "малых форм"... Да и "питательность" садов насквозь пропитана магией, пусть и сугубо прагматической, репродуктивной; и в ней проявляют себя тревожащие воображение и глубины культурной памяти символы: таковы, прежде всего, пресловутые "сады Адониса", дошедшие от древних культов плодородия до акций "диких зелёных" наших дней... В "несамоосознающих" культурах не могло быть парков, их замещал *лес* - архетип, интерпретируемый К.Г. Юнгом как метафора бессознательного. Но "самоосознающие" культуры всегда замыслили сады и парки как особые модели мироустройства, обладающие некоторым видом "обратной связи" (кибернетическая идея *feedback*, вероятно, восходит к ранним практикам сакрального моделинга). Именно таковы классические парки – от медитативных пространств Востока до грандиозных космогонических репрезентаций Западной Европы. Таков фундаментальный символизм Парка: через священные рощи, через образ сада Эдема, через сады Семирамиды, сады Гесперид, сады Гейдельберга и другие, ставшие прототипическими идеи или их воплощения в культуре, просвечивает архетип Парка как Модели Мира, или, сказали бы мы сегодня, Проект Мира – *paradeigmatos paradeigma* ("образец образца", термин Платона), задающий серию нормативных образцов обустройства микрокосма и, тем самым, предписывающий конкретно-исторические формы созидательной деятельности. (В "апокрифах" Е. Рерих Ангел Земли – Люцифер часто именуется "садовником этого мира": образ, как известно, не запрещающий свободу воли) [25, с. 166]. "Сад расходящихся тропок – Вселенная, конгруэнтной моделью которой оказывается (у Х.-Л. Борхеса) Библиотека. Ветвление смысла и многозначность оказываются сопряженными с искусственным оазисом идеального – садам" [26, с. 21]. Репрезентативность темы садов и парков в проблематике проектного мышления становится очевидной, если вспомнить, что в них, как нигде более остро и ярко, сходятся во взаимном *модельном* отображении две стороны современного мышления: артифицирующее отношение к миру и идея "Природы" – наиболее искусственная из всех идей рационализма [27].
9. Действия с сакральными моделями, то есть с образами мироустройства в традиции мифологии или религии, мы называем словом *моделинг* для того, чтобы различить его с научно-техническим *моделированием* (англ. *modeling* – моделирование, но в слове более звучат ноты создания формы, формования, демиургической практики, нежели в прямом терминологическом аналоге русского "моделирование" - "*simulation*" - имитация, производство подобий).
10. Став канонической в томизме. Так, в "Сумме теологии" св. Фома Аквинский писал: "Истинное... в своем исходном смысле находится в интеллекте. В самом деле, коль скоро всякий предмет может быть истинным постольку, поскольку имеет форму, соответствующую его природе, с необходимостью следует, что интеллект, поскольку он познает, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета, которое есть его форма, коль скоро он есть интеллект познающий. И потому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью. Отсюда познать эту согласованность означает познать истину" (цит. по [28, с. 177 - 178]).
11. Напомним: государственное управление – высшая и единственная для Платона практика, достигающая рубежей божественного творения, то есть - единственная *истинная практика*. Для неё Платон создавал свои политические проекты, выходя, по замечанию

А.Ф. Лосева, на уровень *эйдетической* практики. Принадлежность этой практики линии праистории проектирования для нас несомненна и чрезвычайно значима.

Библиографический список

1. Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. - М.: Наука, 1979. - С. 58 - 82.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
3. Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. - Т.1. - М.: Мысль, 1982. - С. 413 - 429.
4. Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. - М.: Наука, 1985. - С. 17 - 23.
5. Земцов С.М., Глазычев В.Л. Аристотель Фьораванти. - М.: Стройиздат, 1985. - 184 с.
6. Павлов Н.Л. Архаические представления о пространстве и времени в европейской традиции античного ордера // Архитектура мира № 3. - М.; ВНИИТАГ, МАрХИ. 1994. - С. 178 - 180.
7. Павлов Н.Л. Три опыта параллельного прочтения архитектурной темы и древнего текста // Архитектура мира. - № 6. - М.: НИИТАГ, 1997. - С. 83 - 86.
8. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Панофский Э. Перспектива как "символическая форма". Готическая архитектура и схоластика. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 213-325.
9. Глазычев В.Л. Язык и метод художественного проектирования // Декоративное искусство СССР. -1973. - №11.
10. Глазычев В.Л. Язык и метод социального проектирования // Социальное проектирование в сфере культуры: методологические проблемы. - М.: НИИ культуры, 1986. - С. 115 - 128.
11. Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 269 с.
12. Капустин П.В. Проблемы существования и использования моделей // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2022. - № 3 (31). - С. 4 - 12.
13. Капустин П.В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 с.
14. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. - М.: Прогресс, 1988. - 507 с.
15. Платон. Политик // Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999 – С. 3 - 70.
16. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. - М.: Мысль, 1976. - Т.1. С. 63 - 448.
17. Барт Р. Мифологии. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
18. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.
19. Федоров В.И., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. - М.: КомКнига, 2006. - 208 с.
20. Адорно Т. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001. - 527 с.
21. Кандинский В.В. Текст художника. Ступени // Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости. – СПб.: Азбука, 2001. – 560 с.
22. Капустин П.В. Рождение композиции из духа живописи // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2017. - № 3 (11). - С. 4 - 13.
23. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. - М.: ОГИ, 2002. - 144 с.
24. Эко У. Маятник Фуко. – СПб.: Изд-во "Симпозиум", 2001. - 764 с.
25. Капустин П.В. Креатопарк: инновационное пространство в структурах повседневности // Вопросы методологии. - 1997. - № 3-4. - С. 165 - 173. Режим доступа: <https://www.fondgp.ru/publications/креатопарк-инновационное-пространс/>
26. Капустин П.В., Стариков С.Г. Образ и миф городского парка // Проблемы озеленения крупных городов: альманах / Под общ. ред. Х.Г. Якубова. - Вып. 13. - М.: "Прима-М",

2008. - С. 20 - 22.

27. Капустин П.В. Концепт природы в генезисе новоевропейского проектирования // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2021. - № 2 (26). - С. 26 - 32.
28. Боргош Ю. Фома Аквинский. - М.: Мысль, 1966. - 216 с.

Bibliography list

1. Taho-Godi A.A. Plato's Myth as real and imaginary // Plato and his Era. - Moscow: Nauka (Science), 1979. - pp 58 - 82.
2. Foucault M. Words and Things. Archaeology Humanities (Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines). - SPb.: A-cad, 1994. - 406 p.
3. Leibniz G.W. Monadology // Leibniz G.W. Works in 4 volumes. - V.1. - Moscow: Mysl' (Thought), 1982. - pp 413 - 429.
4. Likhachev D.S. City protection semantics of Assumption churches in Rus' // Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and research. - Moscow: Nauka (Science), 1985. - pp 17 - 23.
5. Zemtsov S.M., Glazychev V.L. Aristotle Fioravanti. - Moscow: Stroyizdat, 1985. - 184 p.
6. Pavlov N.L. Archaic ideas about space and time in the European tradition of the ancient order // Architecture of the world No. 3. - Moscow: All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning, Moscow Architectural Institute. - 1994. - pp 178 - 180.
7. Pavlov N.L. Three experiences of parallel reading of an architectural theme and an ancient text // Architecture of the World. - No. 6. - Moscow: Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Plannin, 1997. - pp 83 - 86.
8. Panofsky E. Gothic architecture and scholasticism // Panofsky E. Perspective as "symbolic form". Gothic architecture and scholasticism. - SPb.: Azbuka-classic, 2004. - pp 213 - 325.
9. Glazychev V.L. Language and method of artistic designing // Decorative Art of the USSR. - 1973. - No. 11.
10. Glazychev V.L. Language and method of social designing // Social designing in the sphere of culture: methodological problems. - Moscow: Research Institute of Culture, 1986. - pp 115 - 128.
11. Losev A.F. Philosophy of Name. - Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1990. - 269 p.
12. Kapustin P.V. Problems of Existence and Use of Models // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2022. - No. 3 (31). - pp 4 - 12.
13. Kapustin P.V. Design Thinking and Architectural Consciousness. Critical introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Designing (monograph). - Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. - 252 p.
14. Wartofsky M. Models. Representation and the Scientific Understanding. - Moscow: Progress, 1988. - 507 p.
15. Plato. Politician // Plato. Laws. - Moscow: Mysl' (Thought), 1999 - pp 3 - 70.
16. Aristotle. Metaphysics // Aristotle. Works in 4 volumes. - Moscow: Mysl' (Thought), 1976. - V.1. pp 63 - 448.
17. Bart R. Mythologies. - Moscow: Publishing house im. Sabashnikov, 2000. - 320 p.
18. Baudrillard J. Toward a Critique of the Political Economy of the Sign. - Moscow: Academic Project, 2007. - 335 p.
19. Fedorov V.I., Koval I.M. Mytho-symbolism of architecture. - Moscow: KomKniga, 2006. - 208 p.
20. Adorno T. Aesthetic theory. - Moscow: Respublika, 2001. - 527 p.
21. Kandinsky V.V. Text of the Artist. Stages // Kandinsky V.V. Point and Line in the Flatness. - St. Petersburg: ABC, 2001. - 560 p.

22. Kapustin P.V. The Birth of a Composition from the Spirit of Painting // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2017. - No. 3 (11). - pp 4 - 13.
23. Revzin G. Essays on the philosophy of architectural form. - Moscow: OGI, 2002. - 144 p.
24. Eco U. Foucault's Pendulum. - SPb.: Publishing House "Symposium", 2001. - 764 p.
25. Kapustin P.V. Creatopark: innovative space in the structures of everyday life // Problems of Methodology. - 1997. - No. 3-4. - pp 165 - 173. Access mode: <https://www.fondgp.ru/publications/креатопарк-инновационное-пространс/>
26. Kapustin P.V., Starikov S.G. The Image and Myth of the City Park // Problems of landscaping large cities: an almanac / Ed. ed. H.G. Yakubov. - Issue. 13. - Moscow: "Prima-M", 2008. - pp 20 - 22.
27. Kapustin P.V. Concept of Nature in the Genesis of New European Designing // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2021. - No. 2 (26). - pp 26 - 32.
28. Borgosh J. Thomas Aquinas. - Moscow: Mysl' (Thought), 1966. - 216 p.

EARTHLY AND HEAVENLY. FACETS AND CONSEQUENCES OF SACRED MODELING

P.V. Kapustin

Voronezh State Technical University, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Head of Dept. Kapustin P.V. Russia, Voronezh, ph. 8 (4732) 71-54-21 e-mail: ap-i-g@yandex.ru

Background. What are the origins of modeling, this very specific intellectual procedure? What are its mental and semiotic foundations? What role did mythology play in the formation of model ideas, and to what extent did professional modeling manage to free itself from its schematisms? Such questions are raised in the article, which continues the cycle of the author's publications devoted to the problems of models and modeling in architecture and designing.

Results and conclusions. The basic system of binary oppositions, which defines the archaic types of the model relation, is considered. Professional architectural designing, in its use of models, the author claims to follow in the footsteps of an ancient and powerful schema of the sacred relationship of myth and symbol; conclusions are drawn from this circumstance for the formation of an appropriate actual theoretical and research position.

Keywords: mimesis, sameness, similarity, modeling, models in architecture and design, model representation, gardens and parks as models of the World.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ЭТАП ПЕРЕХОДА СОЗЕРЦАНИЯ В СОЗИДАНИЕ ЧЕРЕЗ ВНУТРЕННИЕ ФИЛЬТРЫ ВОСПРИЯТИЯ

А.Г. Козлов¹, В.И. Кучерявых²

*Воронежский государственный технический университет, кафедра теории и практики архитектурного проектирования,
Член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России, старший преп. Кафедры ТуПАП А.Г. Козлов¹ (Россия, г. Воронеж, тел.
8 (920) 420 73 73 e-mail: andrey-kozlov-91@mail.ru), кафедра основ проектирования и архитектурной графики, старший преп. Кафедры
ОПиАГ В.И. Кучерявых² (Россия, г. Воронеж, тел. 8 (951) 540 49 70)*

Постановка задачи. Выявление ключевых закономерностей коммуникативных механизмов между внутренними и внешними предпосылками через развитие языка созерцания и созидания. Обзор тонких уровней и возможностей трансформации предметно-пространственной среды через отношения внутренних понятийных и чувственных компонентов и внешнего языка, как феномена локального и глобального противостояния.

Результаты и выводы. В данной работе рассмотрены формы и положения созерцания и созидания в контексте коммуникативного взаимодействия внешних и внутренних факторов и развитии новых понятийных языков художественной выразительности.

Ключевые слова: созидание, созерцание, внешнее, внутреннее, коммуникативность, архитектурно-художественный

Внешний мир, как среда обитания человека, обладает колоссальным типологическим спектром различных форм и сред реальности, которые представляют собой обширные информационные средства коммуникации с нашим внутренним восприятием и чувственным мироощущением. Архитектура среди всего этого занимает лидирующие позиции в качестве глобального носителя не просто информации, но и исторической пространственно-временной преемственности, культуры, характера мышления, стиля и образа отношений между человеком и его статусом в обширной материальной предметной среде. Таким образом, все внешнее наследие бесспорно является результатом внутренней моторики, с начала природы и высшего, а затем уже и человека, как одного из его проявлений. Внутренний импульс в данном случае является первоисточником становления замысла, расширяющегося в материальном срезе. Каждое мгновение мы сталкиваемся с данностью и результатом тех или иных действий, начало которым закладывается на фундаментальном этапе внутреннего развития отношений между чувствами, интеллектом, способностями и культурой человека как индивидуальной формы оперирования теми или иными знаниями, навыками, приемами и состояниями, определяющими символизм в развитии языка коммуникаций между той же архитектурой и человеком.

Ввиду синхронизации и образования некоего цикла между внутренними и внешними особенностями, который начинается внутри самого человека, его мировоззрения и культуры, выраженных через индивидуальные фильтры чувственного познания, следует обратить внимание на трансформативность, ее формы, закономерности и этапы, закладывая причинно-следственный потенциал начиная с природы, как средства наиболее богатого информацией и данного нам изначально, что и определяет первичный импульс для формирования внутреннего вдохновения творца. Пластичность и изменчивость внешней реальности определяется характером качества и потенциалом отношений между чувственными, интеллектуальными и культурно-

мировоззренческими особенностями человека, определяющими неповторимый творческий взгляд на становление окружающей реальности. Для того чтобы данный этап был реализован, историко-генетический опыт взаимодействия с природой научил нас созерцать – не просто воспринимая внешний мир со всеми его проявлениями, а создавая альтернативные образы восприятия буквальности предметности, уходящей за грань абстрактной плоскости. Именно это лезвие, как путь к художественному осмыслению действительности, является ключевым свойством мышления, движение которого корректирует ряд чувственных фильтров, улавливающих информационные свойства реальности и пропускающие их через понятийный спектр внутренней содержательности человека и ее внутренних параметров, определяющих степень освоения качеств этой реальности и стремление найти первоисточник ее развития. Созерцание, как соприкосновение с бесконечной формой тонкого слоя духовной содержательности архитектурной реальности, уводящее человека к абстрактным формам осмысления, которые и являются катализаторами этапов трансформации в первую очередь во внутреннем мире человека, преобладает ни у каждого, представляя собой своеобразный талант и привилегию увидеть то, что запечатано в глубочайшем пространственно-временном контексте, выраженном социальными, культурными, мировоззренческими, материальными, природными, климатическими, смысловыми и иными особенностями, оно развивает в человеке способность синхронизировать чувства, мышление, психологию, возможности и многое другое. Все это позволяет усмотреть скрытые особенности предметной архитектурно-пространственной реальности и установить свое отражение ее параметров, обогащающих визуально-смысловой потенциал человека.

Трансформация, как этап взаимообратный в отношениях между внутренними и внешними предпосылками, обладает также как прямой, так и обратной иерархичностью. Касаясь в первую очередь созерцания, то есть коммуникаций с внешней реальностью, следует отметить прямой переход обратного импульса в созидание, который выполняет задачу внешней действительной трансформации архитектурно-градостроительного ландшафта с использованием тех же инструментов синхронизации и определения внутреннего состояния творца, таких как психология, мышление, культура, душевные качества и т.д. Помимо различных этапов трансформации следует отметить важную роль отношений в данной связи. Их построение представляет собой импульсно-реакционную модель имеющую либо внешний, либо внутренний источник, однако понимая, что человечество сегодня, так же как и в древности находится на определенном балансе между существованием во внешнем мире и развитием индивидуального внутреннего, то рациональнее считать первичным все таки внешние факторы, стимулирующие человека к развитию внутренних качеств и фильтров чувственного восприятия окружающей реальности, которая как раз впоследствии и становится частью духовного и интеллектуального синтеза и его реакционных импульсов, ведущих к трансформации архитектурной реальности и как следствию становлению новых парадигм, вызванных непрерывным развитием отношений между двумя параллельными мирами, сочетающимися в самом человеке. Основной причиной таких отношений и их взаимообратного воздействия, является постоянство контекста, который изменяясь открывает для творца новую информацию, оставаясь постоянным как фактор и условие преобладания во внешнем мире. Мы никогда не находились в вакууме, человечество всегда занимало ту или иную географию, борясь на протяжении всей истории за ее природные образно-пластические богатства, которые отражены в сценарии развития всей мировой архитектуры, ее сущности и культурологической преемственности.

Не многие строят отношения с внешним миром через первенство внутреннего, как источника развития окружающей реальности, однако такая стратегия представляет собой

наиболее тонкий и глубокий духовный поиск, простирающийся уже через внутренние отношений и трансформации, которые связывают интеллектуальные, культурные, психологические, чувственные и иные возможности. Шанс создать нечто новое в подобной иерархии является наиболее вероятным, однако обязательным условием для этого служит неразрывная связь с характером внешней морфологии. Созерцание в таком случае обращено в начале на духовную составляющую, а затем уже на внешнюю, уловить которую не сложно в отличие от понимания ее внутренних качеств, которые возможно усвоить лишь при условии наличия соответствующих духовных и интеллектуальных фильтров внутри самого творца. Имея определенную степень и вектор развития, человек определяет собственную методологию созерцания и созидания внешнего архитектурного ландшафта, находя источники либо в себе, либо во внешнем мире. Наиболее привычным, массовым и информативным разумеется является контакт с внешней реальностью, ее созерцанием для дальнейшего обогащения внутренних качеств и развития фильтров чувственного восприятия. В эпоху Античности данное понятие имело весьма большую роль в первую очередь в формате философии. Сегодня же созерцание блуждает в поисках преемственности к тем или иным категориям, в особенности психологическим. «Созерцание — довольно редко используемое в современной психологии понятие, не наделенное категориальным статусом» [1]. Сегодня созерцание редко используется как термин определяющий контакт не просто с внешним миром, но и с его внутренним устройством, структурой тонкого содержания предметности. В сущности же необходимо вернуться к доминантной роли данного понятия не просто в философии, но и в мировоззрении конкретного человека. Мы не будем вдаваться в конкретное положение понятия в психологии или иных категориях, хоть и лексически понятие достаточно ясно и внятно отражает различные формы наблюдения за миром, но обратим внимание на то, что несет данный термин в срезе коммуникативного взаимодействия человека и окружающей его среды или иначе говоря внутреннего и внешнего, а также как это влияет на становление другого не менее важного понятия — созидания. Формулировки древних философов полны истинным мироощущением, что приносит наибольшую ценность и авторитет для созерцания. Платон представлял себе созерцание так: «...область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого» [2]. Связывая созерцание с логикой, Платон приближает его к прямому воздействию на мышление, что наиболее близко стратегиям трансформации сегодня. Как можно судить по трудам древних философов, они созерцали не просто глазами, как сегодня зачастую делает человек. Аристотель писал следующее: «У одного и того же человека знание по своему происхождению предшествует деятельности созерцания» [3]. «Первое изменение ощущающего возникает от родившего его, родившись же, оно уже имеет (в возможности) ощущение таким же образом, как знание. Ощущение же в действии можно уподобить деятельности созерцания; отличается оно от последнего тем, что то, что приводит его в действие, есть нечто внешнее — видимое и слышимое, равно и другое ощущаемое. Причина этого в том, что ощущение в действии направлено на единичное, знание же — на общее. А общее некоторым образом находится в самой душе» [4]. Иными словами, для древних созерцание выступало целой деятельностью, авторитет которой был неоспорим как в психологии, так и в форме философского познания, где диалектика по мнению Прокла выступала «подлинным упражнением в созерцании действительных предметов, позволяющим соотнести с ними логосы» [5].

Проецируя созерцание на сегодняшний метод коммуникации, можно характеризовать его массовую поверхностность, и лишь малая доля погружается в созерцание, как в деятельность стратегию восприятия духовными, интеллектуальными, физическими и

психологическими сенсорами. Формируя собирательный процесс информационного спектра на всех этих уровнях, созерцание создает основу для последующей трансформации внутренних предпосылок и импульсов построения уникальных созидательных форм архитектурно-пространственной реальности. Отсюда проистекает источник изменений внешней морфологии под воздействием результирующих от коммуникации инфопотока через отношения духовного, интеллектуального, психологического и интеллектуального миров человека, как инструментов фильтрации широкого потока многообразных данных внешней реальности.

Говоря о внутренних фильтрах человека в срезе постоянства действия можно установить именно психологические, душевные и интеллектуальные, как ключевые инструменты взаимодействия и источники импульсов трансформационного действия как в сторону внешнего, так и в направлении внутреннего. Помимо них развивается еще множество чувственных рецепторов сознания человека и его физической оболочки, которые определяют, анализируют и строят действенные импульсы и реакции друг относительно друга как во внешнем, так и во внутренних мирах, взаимодействуя с колоссальным инфопотоком внешней морфологии и ее внутренним содержанием как отражением сторонних внутренних импульсов и трансформаций, вызванных предыдущими парадигмами образно-смысловых коммуникаций. Таким образом можно сделать вывод, что во всем внешнем преобладает и внутреннее, как скрытая форма информационного построения, избытка и отношений между теми же душевными, интеллектуальными, психологическими предпосылками, а постигаем их мы как раз по средствам взаимодействия с их внешней структурой, обоснованной внутренним содержанием. Цель: проникнуть в сущность предметности и сопоставить ее с собственным внутренним миром, спроецировав эти отношения на свои внутренние парадигмы чувственного восприятия.

Путь трансформации внешней реальности является достаточно сложным процессом, который обусловлен сложнейшим переходом из плоскости внутренней абстрактной содержательности в формат вполне понятной предметности, определенности и существа. На этапе перехода к созиданию – созданию не просто чего-то привлекательного в формате понятийной модели сегодняшнего времени, а реализации полноценного взаимодействия всех внутренних компонентов в диалоге с реальностью внешнего окружения, происходит переработка информации и проявление уникальных качеств внутренней фильтрации, которые определяют потенциальную ценность архитектуры в ее концептуальности, сценарности и образно-смысловой устойчивости. Сосредоточение трансформационных метаморфоз имеет место внутри нас, объединяя интеллект, чувства, душу и психику. Изменения же в свою очередь обусловлены противопоставлением образа внутренней и внешней действительности. Нам хочется привнести во внешний мир то, чего нам в нем не хватает исходя из качества и избытка внутренних качеств, их важности и воздействия на наше состояние, что влияет на целостное, но очень абстрактное понятие “счастье”. Устремленность человека к самореализации – это и есть ни что иное как потребность во взаимной трансформации и выходе на уровень перехода созерцания в созидание и наоборот. Цикличность данного процесса весьма явно отражает все зависимости во внешнем мире, имеющие прямую параллель с потенциалом нашего внутреннего развития и формирования инструментов фильтрации инфопотока как извне, так и изнутри. В данной связи невозможно предсказать связи и алгоритмы действий в синхронизации созерцания и созидания, можно руководствоваться лишь наличием постоянства этих связей, как константы для обеспечения действенной моторики освоения внешних компонентов при условии их осознанности внутренними моделями индивидуального восприятия. Именно разность в осознанности как

конечной точки действенных реакций от созерцания внешней реальности, формирует диапазон внутреннего инструментария и его форм взаимодействия, которые выражают понятийную модель информационного изобилия этой реальности. Человек осведомлен в той степени, относительно которой настроен его реакционный аппарат, имеющий потенциальные связи между внутренними инструментами-фильтрами, настройка которых всецело зависит от степени как внутренней так и внешней осознанности.

Следует также отметить и то, что сам факт трансформации внешней реальности тоже лежит в нескольких плоскостях, которые имеют действенную природу, лежащую в срезе культурно-мировоззренческого, психологического, интеллектуального и предметного проектирования. Таким образом осуществляется переход уже из внутреннего во внешнее через промежуточные этапы и проекции потенциала на материальную плоскость, в которой проявляются собственные условия, учет которых представляет собой спектр задач, решение которых необходимо на пути к целевой форме материализации внутреннего духовного синтеза, как эксклюзивной стратегии созерцания мира, способной пропустить через творца сущностные аспекты внешнего и выразить их в инновационном подходе к созидательной концепции архитектуры будущего, ее внутреннего содержания и внешнего соответствия.

Трансформация и построение внешней среды является преимущественной задачей в коммуникативном взаимодействии внутренних компонентов личности, чувствительность которых определяется степенью осознанности принимаемой информации извне, ее масштабами, глубиной и многогранностью. Ее усвоение в свою очередь приравнивается к устойчивым стандартам личности, определяющим суть и мораль для этой информации для того что бы не просто грамотно ее усвоить, но и переработать, выдав нечто уникальное и новое, создавая не просто архитектуру “нужды”, а настоящие произведения, наполненные свежим дыханием персонализации и знаковости, нося в себе черты художественного символизма, выработанного в результате трансформаций и метаморфоз внутренних и внешних ролевых изменений, которые примеряют как позиции импульсов, так и реакций как от внешней, так и от внутренней реальности. Символизм и персонализация в свою очередь, имеющие огромное значение в современном творчестве, архитектуре и дизайне, являются носителями отиска отношений между одной и другой реальностью.

Отношения во всех смыслах играют в данной концепции неоспоримую роль, также как и обмен информацией между ними, задающей новый ритм и дисциплину для психологических, душевных и интеллектуальных фильтров личности, что впоследствии ложится на наследственные константы, наиболее сильно отражающие степени отрицания неприемлемой информации, невозможной для последующей обработки и усвоения. Данный феномен является признаком пространственно-временного становления и воспитания личности в тех или иных условиях что, разумеется, сказывается и на внутреннем богатстве, способном выстроить концептуальную действенную цепочку новой морфологии. Развивая различные внутренние проекции как формы экспансии творческой личности, мы сталкиваемся с абсолютно разными алгоритмами связей нашего мировоззрения и внешней реальности, однако неизменным остается пластичность сущности творца, которая постоянно контактирует с новыми формами и ракурсами взгляда на различные фрагменты морфологии архитектуры, ее локальности и целостности, зависимости и автономии, а также подчиненности или же самодержавия.

Архитектура, как и всегда строит сегодня различные информационные стили, объекты, ракурсы отношений с человеком и его потребностями, просвещая его и становясь источником устойчивого развития его внутреннего потенциала. Общество использует для

развития две основные модели, выступая в одном случае реакцией в ходе созерцания, а в другом, импульсом для созидания. Таким образом человек находится в постоянстве принятия и отдачи, формируя суть своей жизни, развивая с помощью внешнего - внутреннее и с помощью фильтров внутреннего - внешнее. Процесс, который неразрывно идет со всеми циклами жизнедеятельности и устройства мира. Опираясь на свою циклическую действенную модель, данная концепция имеет безграничные ресурсы поиска формирования новых средств художественной выразительности, проявление которых неоспоримо связано с характером пластичности внутренних отношений на душевном, психологическом, интеллектуальном, физическом и иных уровнях.

Заключение.

Через трансформацию архитектурно-пространственной реальности мы наблюдаем изменения во внутренней культуре мышления, мироощущении и духовности в широком смысле. Человек априори пребывает в постоянстве коммуникаций с внешним миром, находясь порой даже в бездействии, он сталкивается с огромным количеством сторонних форм мышления, что способствует развитию внутреннего языка коммуникативных фильтров, расширяющих свой понятийный кругозор и создающих новые порции сопоставлений для уже принятых и существующих наследственных инструментов осознанности в качестве развития и трансформации различных характеристик личности, ее определенности в контексте связей и отношений с внешним миром. Таким образом в плоскости созерцания выделяется внутренний тип трансформаций, а в плоскости созидания внешний, где архитектура через ее предпроектные формы развития (образование, творчество) увеличивает перспективы передачи персонализированных свойств в широкие массы, развивая в них символизм и преемственность к тем или иным концептуальным действенным стратегиям.

Качество развития архитектурно-пространственной реальности всегда зависимо от приоритетов внутренних отношений на уровне человека и общества. Приоритеты различных категорий выстраивают свои типологические нормы, задавая планку культурному развитию архитектуры, ее стороннему восприятию, силе, приоритетам и позициям относительно жизни людей и их ценностей. В связи с преобладанием среды человека и общества формируются массовый и локальный индивидуальный характер восприятия и мышления, что в нынешней коммуникативной сфере служит огромным противоречием проявлению уникальных внутренних доминант по отношению к постоянным массовым свойствам легитимной восприимчивости.

Трансформации на всех уровнях нужны и важны, они способствуют модернизации и расширению перспектив развития созерцания и как следствие, созидания. Внутренние фильтры в свою очередь выступают главными инструментами, грамотное управление которыми позволяет реализовать творческую индивидуальность и противостоять социальной массовой культуре мышления, как стратегии развития альтернатив в доминантном поле проявления культурной идентичности.

Библиографический список

1. Акопов Г.В., Семенова Т.В. Созерцание как дополнительная к деятельности категория психологии / Лекция по курсу «Общая психология» / Самара, 2014. / С. 16
2. Платон, 1990–1994, Федр / Государство / кн. 7, 517b
3. Аристотель, 1976, т. 1, / О душе / 412a 25
4. Аристотель, 1976, т. 1, / О душе / 417b 10 15

5. Прокл, Комментарий к «Пармениду» Платона / 653 10

Bibliography list

1. Akopov G.V., Semenova T.V. Contemplation as an additional category of psychology to activity / Lecture on the course "General psychology" / Samara, 2014. / C. 16
2. Plato, 1990-1994, Fedr / State / book 7, 517b
3. Aristotle, 1976, vol. 1, / About the soul / 412a 25
4. Aristotle, 1976, vol. 1, / About the soul / 417b 10 15
5. Proclus, Commentary on Plato's Parmenides / 653 10

TRANSFORMATION OF ARCHITECTURAL AND SPATIAL REALITY AS A STAGE OF TRANSITION OF CONTEMPLATION INTO CREATION THROUGH INTERNAL PERCEPTION FILTERS.

A.G. Kozlov¹, V.I. Kucheryavykh²

Voronezh State Technical University, Department of Theory and Practice of Architectural Design, Member of the Union of Designers of Russia, member of the Union of Architects of Russia, Senior Rev. Department of TiPAP A.G.Kozlov1 (Russia, Voronezh, tel. 8 (920) 420 73 73 e-mail: andrey-kozlov-91@mail.ru), Department of Fundamentals of Design and Architectural Graphics, Senior Rev. Department of OPiAG V.I. Kucheryavykh2 (Russia, Voronezh, tel. 8 (951) 540 49 70)

Statement of a problem. Identification of key patterns of communicative mechanisms between internal and external prerequisites through the development of the language of contemplation and creation. An overview of the subtle levels and possibilities of transformation of the subject-spatial environment through the relationship of internal conceptual and sensory components and external language as a phenomenon of local and global confrontation.

Results and conclusions. This paper examines the forms and positions of contemplation and creation in the context of the communicative interaction of external and internal factors and the development of new conceptual languages of artistic expression.

Key words: creation, contemplation, external, internal, communication, architectural and artistic

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛОРИСТИКИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ГОРОДА**

А.Е. Енин, А.С. Гурьев, Ю.С. Коротких

Енин А.Е. Декан факультета архитектуры и градостроительства, канд. архитектуры, заслуженный архитектор Российской Федерации, заведующий кафедрой ОПиАГ, советник РААСН, член СА России, профессор. e-mail: a_yenin@mail.ru

Гурьев А.С., аспирант кафедры основ проектирования и архитектурной графики, ВГТУ, Воронеж, Россия, e-mail: alex.s.guru@gmail.com

Коротких Ю.С. магистрант кафедры основ проектирования и архитектурной графики, ВГТУ, Воронеж, Россия, e-mail: korotkaia99@mail.ru

Постановка задачи. Статья посвящена вопросам композиции при формировании цветовой среды города. Ставится задача поиска и определения наиболее важных композиционных принципов, методов и приёмов, способных влиять на создание уникального колористического образа городских общественных пространств и комфортной цветовой предметно-пространственной среды.

Результаты и выводы. Выявлены и определены наиболее важные принципы, методы и композиционные средства взаимовлияния цвета и формы, способные оказывать существенное влияние на формирование колористики города, при проектировании его архитектурной среды. Авторами делается вывод о том, что при целенаправленном использовании, корректировке или изменении цветового стимула, неизбежно следует визуальная трансформация геометрического вида плоскости, формы или структуры пространства. При этом, грамотное и профессиональное использование формообразующих возможностей цвета открывает широкие перспективы и повышение архитектурно-художественных качеств современной архитектуры.

Ключевые слова: форма, пространство, цвет, композиция.

Введение. Формирование комфортной, эстетически полноценной предметно-пространственной городской среды немислимо сегодня без грамотного и профессионального проектирования её колористики, которая обеспечивает лучшую ориентацию в городе и прочтению градостроительной структуры. Кроме того, богатство цветового языка исторической архитектуры и цветовой культуры места создает тесную связь с современной архитектурной полихромией и многоцветием окружающего природного контекста. Прежде чем решать сложные и многофакторные задачи формирования городской колористики, необходимо освоить тот инструментарий средств, принципов и приемов, без которых немислим системный, профессиональный подход и достижение этих целей. Простую, но очень глубокую мысль по этому поводу сказал русский учёный, академик И.П. Павлов: - «С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в пополнении знаний. Изучите азы науки, прежде чем пытаться взойти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего» [1]. Поскольку композиционные методы и приемы на уровне простейших моделей и примитивов являются первостепенной основой взаимодействия формы и цвета, то вполне логично посвятить изучению этих закономерностей время и труд.

Основная часть. Наиболее сложная проектная задача работы архитектора - это работа с пространством, а пространство формируется из плоскостей, форм и объёмов, которые имеют тот или другой геометрический вид, величину, фактуру, массу, масштаб, пропорции и освещение. При этом, цвет по-разному работает на плоскости, в объёме и в пространстве. «Различные состояния свойств пространственных форм при их сопоставлении обладают различной степенью активности воздействия (при сопоставлении, например, двух цветов одного тона и разной насыщенности активной более насыщенный цвет). При совместном воздействии неравных состояний свойств в различных элементах формы возникает «зрительное движение» в направлении более активно воздействующего свойства» [2]. Используя ранговую шкалу цветовой активности, условно определив пять ступеней насыщенности цветовых тонов, появляется возможность дифференцировать использование цвета в формировании плоскости, объёма и пространства (рис. 1).

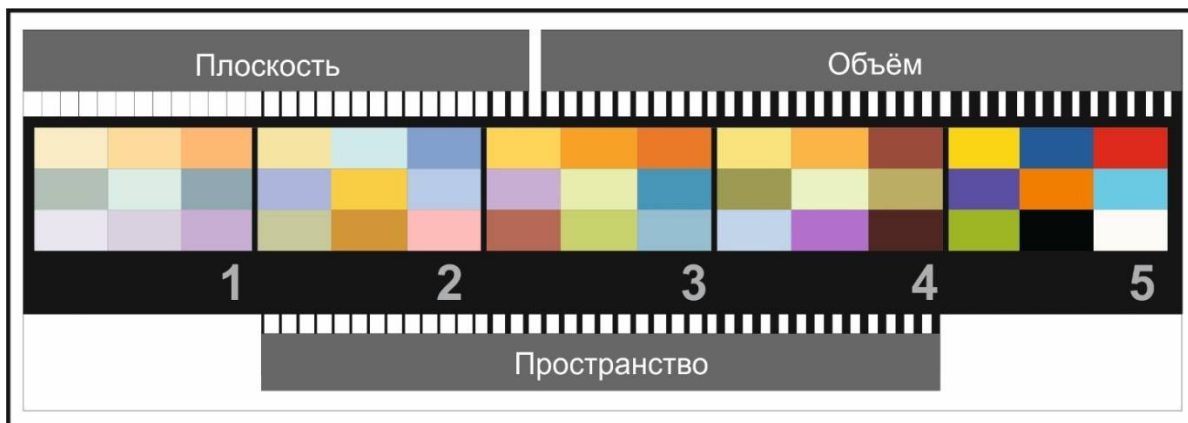

Рис. 1. Ранговая шкала цветовой активности с пятью ступенями формообразующего действия полихромии. Составлена авторами.

Поскольку плоскостная форма имеет две координаты (третья координата не учитывается, в силу её незначительной величины), то для создания визуального эффекта расчленённости формы, вполне достаточно использовать незначительный светлотный контраст или слабый контраст по цветовому тону. Объёмная форма, например, шар, куб, параллелепипед белого или какого-либо другого цвета, воспринимаются как однородный монолитный объём, где активно работает светотень, определяя их форму. Значительные светлотные и цветовые контрасты в формировании цветопластики объёмной формы способны более активно подчеркнуть (а если необходимо, деструктуризировать или изменить) эту форму [3]. Цветовые характеристики при формировании пространства, требуют усреднённых параметров по светлоте и цветовому тону (рис. 2).

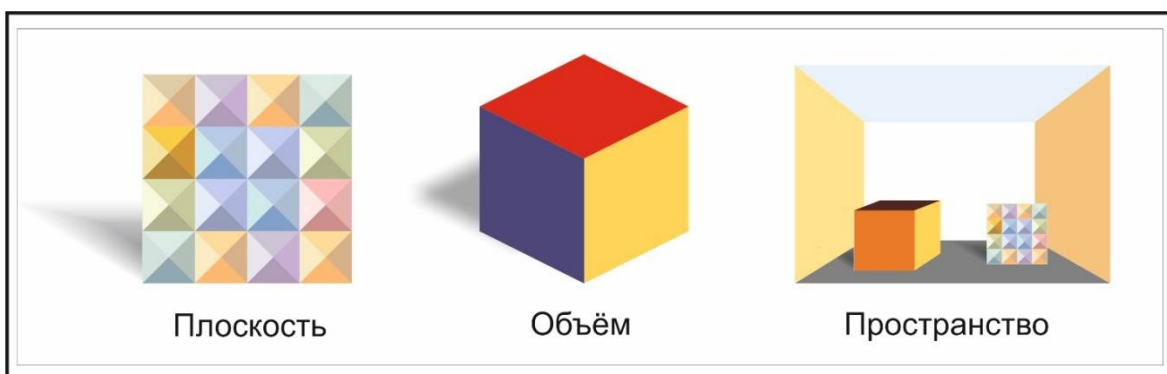

Рис. 2. Формообразующее действие цвета на плоскости, в объёме и в пространстве. Составлена А. Гурьевым.

Цвет и фронтальная плоскость. Многовариантное развитие полихромии в плоскостной форме даёт визуальное ощущение её расчленённости. Учитывая одно из важнейших свойств цвета «выступление-отступление», или свойство хроматической стереоскопии, когда более светлые и тёплые цветовые тона воспринимаются ближе к зрителю, а тёмные и холодные цвета отступают на задний план, возникает эффект разноудалённости цветочастей плоскости и эффект рельефа. В зависимости от характера колористической структуры и особенностей цветной графики, появляется возможность самостоятельности полихромии, например, изменить масштаб плоскости, её ширину, протяжённость, высоту или глубину зрительно ощущаемого рельефа [4]. (рис. 3).

Рис. 3. Формообразующее действие цвета на плоскости. Составлена Александром Гурьевым.

Наглядным примером может служить здание магазина «Штрих-код» в Санкт-Петербурге, расположенного на ул. Народная, где авторы проекта оригинально применили вертикальное членение фасадов оконными проёмами в виде штрих-кода, реализовав при этом образную концепцию торгового предприятия, эмоционально-символическое, возбуждающее воздействие красного цвета, а также создав зрительное ощущение стройности довольно приземистому объёму (рис. 4).

Рис. 4. Магазин Штрих-код, Санкт-Петербург, ул. Народная. Источник; <http://vipbaltic.ru/2017/01/01/strihkod/> [5].

Цвет и объёмная форма. Самостоятельность полихромии может успешно работать не только на плоскости, но и при формировании объёмной формы. Белый кубический объём воспринимается зрителем как монолитная и однородная форма (рис. 5 а). С развитием нюансной полихромии по вертикали, при этом, используя для нижних ярусов более тёмные цветовые тона, пошагово разбеляя их вверх, получаем иллюстрацию такого качества цвета, как «весомость». Тёмные цветовые тона нижней части куба воспринимаются гораздо тяжелее, нежели светлые плоскости верхней его части, обеспечивая тем самым визуальное ощущение устойчивости и правильную тектонику. Если представить обратную картину, то возникает ощущение опрокидывающего эффекта и некоторой «придавленности» объёма (рис. 5 б). Мощный потенциал цветового воздействия на объёмную форму иллюстрирует тот вариант, когда возникает необходимость разрушить, камуфлировать, нейтрализовать или деструктуризировать объём (рис. 5 г).

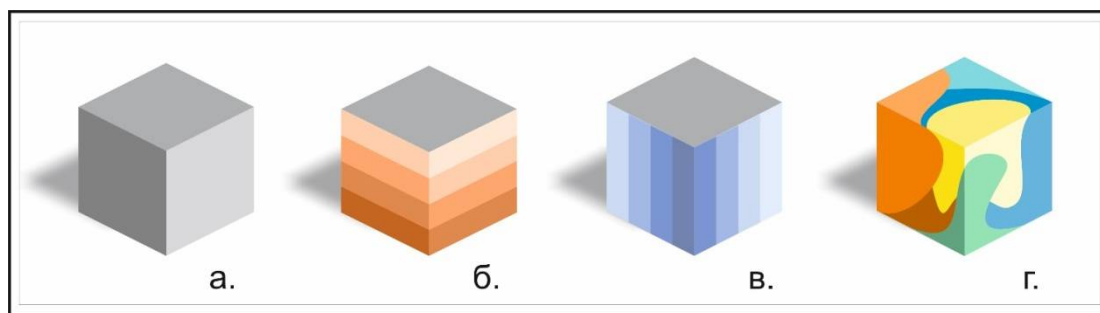

Рис. 5. Формообразующее действие цвета при формировании объёма. Сост. авторами.

Визуальный эффект разрушения большой массы и объёма на мириады мелкодробных цветных элементов и неисчислимо множество разноцветных плоскостей даёт приём «конфетти», при этом создаётся оптическое смешение цвета верхней части здания, визуально «облегчая» объём, на контрасте с монолитностью зелёного цвета нижней части здания (рис. 6).

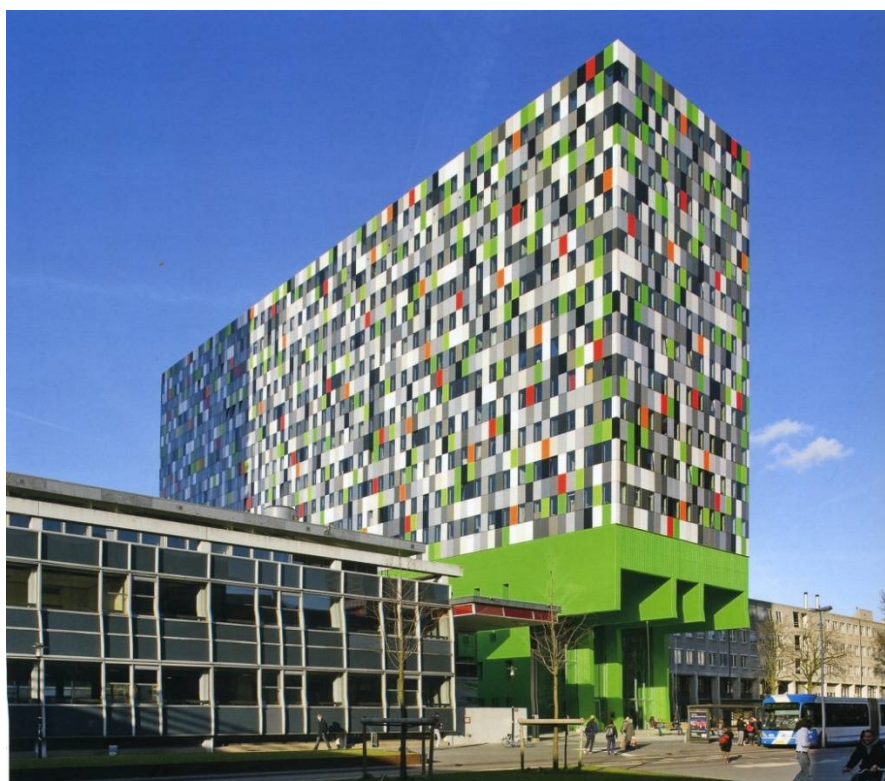

Рис. 6. Эффект Конфетти. Студенческое общежитие Эйтхоф, Утрехт, Нидерланды. Архитектор Марлиз Ромер, 2008 г. [6, с. 204]. Источник; Speech: цвет. 06.2010. 280 с.

Рельефное членение формы, хотя бы уже, на две части, неминуемо возникают весовые отношения. При равных частях они индифферентны, а форма инертна, где нет различия верха и низа. Как только нижняя часть формы обретает более тёмный цветовой тон, нежели верхняя, эти равные части начинают работать по-разному. Низ обретает устойчивость и вес (рис. 7 а). В случае неравных членений формы по вертикали, возникает зрительное ощущение большей весомости верхней части, однако, средствами цвета можно либо усилить этот эффект, либо сделать наоборот, облегчая верхнюю часть, используя более светлые цветовые тона (рис.7 а,б). Те же принципы «весомости» цвета работают при корректировке различных вариантов профилей (рис.7 г, д, е, ж).

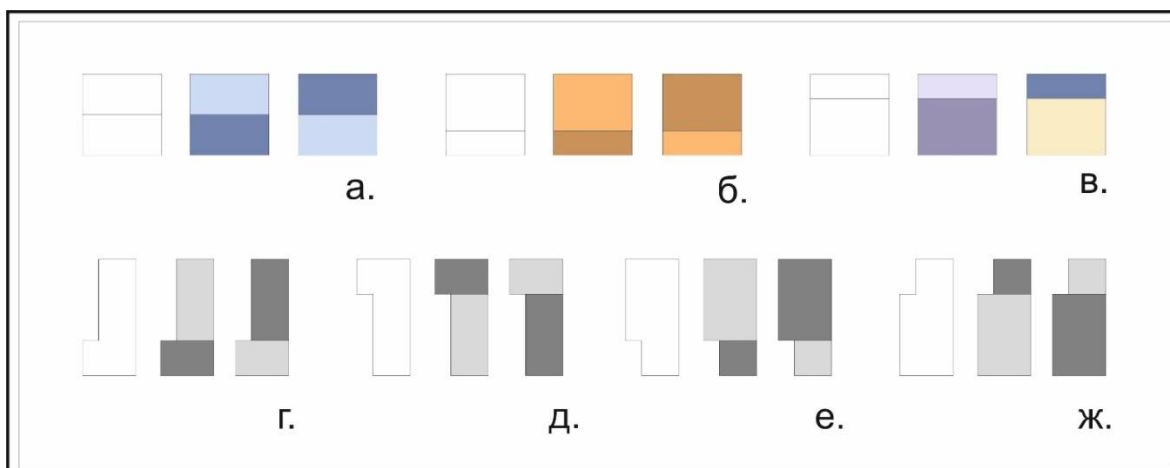

Рис. 7. Весовые отношения при членении формы на две части и «весомость» цвета. Сост. авторами.

Цвет и пространство. Восприятие цвета в пространственной форме имеет свою специфику, когда одни плоскости и объёмы являются фоном для других, акцентных, а с учётом динамики и множественности точек зрительного восприятия, эти акцентные могут сами стать фоном. Эта особенность создаёт более сложную иерархическую структуру взаимодействия цвета и архитектурного пространства. Глубинно-пространственная композиция состоит из объёмов, поверхностей и архитектурно-пространственных форм расположенных в трёх координатах, при восприятии зрителем в движении в глубину (рис.8).,

Рис. 8. Улица Уффици. Флоренция, архитектор Джорджо Вазари (1512-1574) Источник: https://yandex.ru/images/ru_1102125.jpg

Цветовая трактовка боковых плоскостей глубинно-пространственной композиции способна замедлять, или увеличивать динамику восприятия и движения (рис.9 а, б), а также создавать эффект изменения масштаба застройки боковых плоскостей глубинно-пространственной композиции (рис.9 в).

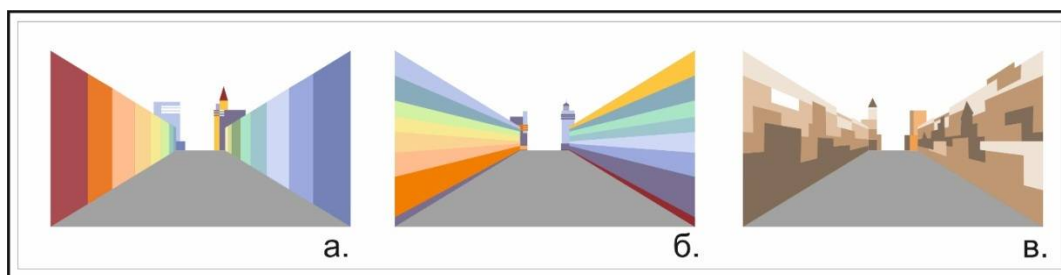

Рис. 9. Формообразующее действие цвета в глубинно-пространственной композиции. Сост. авторами.

На основе эффекта хроматической стереоскопии вполне возможно создавать ощущение большей или меньшей глубины пространственной структуры, при одинаковой её протяжённости. Этот приём в равной степени относится и к интерьерным пространствам и к пространствам города (рис.10).

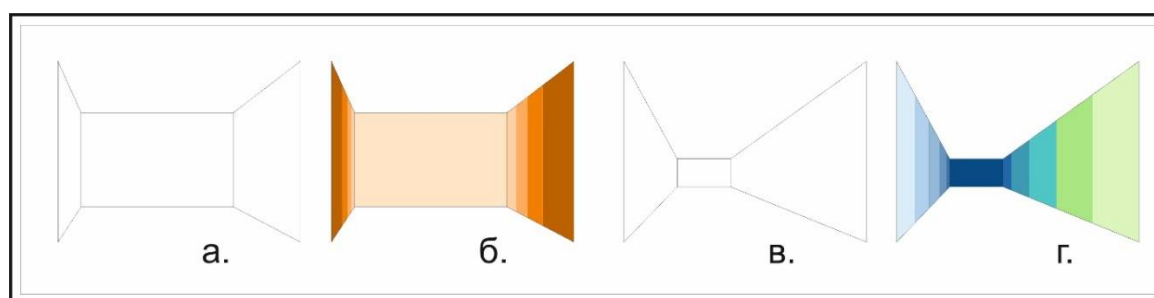

Рис. 10. Эффект хроматической стереоскопии в формировании глубинно-пространственной композиции. Сост. авторами.

В случае, когда пространственная структура имеет линейный характер, например, транспортная магистраль, улица или бульвар, то ритмическая и метрическая смена цветовых стимулов будет различной, учитывая скорость передвижения и восприятия архитектурного пространства улицы или магистрали. Скорость передвижения пешехода, водителя автомобиля или пассажира транспорта различная, а значит, реально воспринимаемый элементарный участок цветопространства будет различный по протяжённости. Для пешеходов цветокомпозиционный участок улицы будет значительно меньше, нежели для пассажиров городского транспорта и водителей, передвигающихся с большей скоростью. Тактильная зона пешеходной улицы – плоскости фасадов первых, отчасти, вторых этажей наиболее приближена к пешеходу, а значит должна иметь значительно большую цветовую активность, разнообразие фактурных поверхностей и соответствующую ритмику. Тем более это легко реализуется, поскольку первые этажи зданий занимают торговые, коммерческие предприятия, салоны, студии, кафе, рестораны и прочее (рис.10 а).

Если улица транспортно-пешеходная, необходимо создавать двойной цветовой масштаб, когда верхние этажи зданий имеют более протяжённый цветокомпозиционный участок, рассчитанный на восприятие пассажиров транспорта и водителей, исходя из того, что скорость их передвижения больше, чем у пешеходов. Это обеспечивает более правильную динамику восприятия для тех и других (рис.10 б).

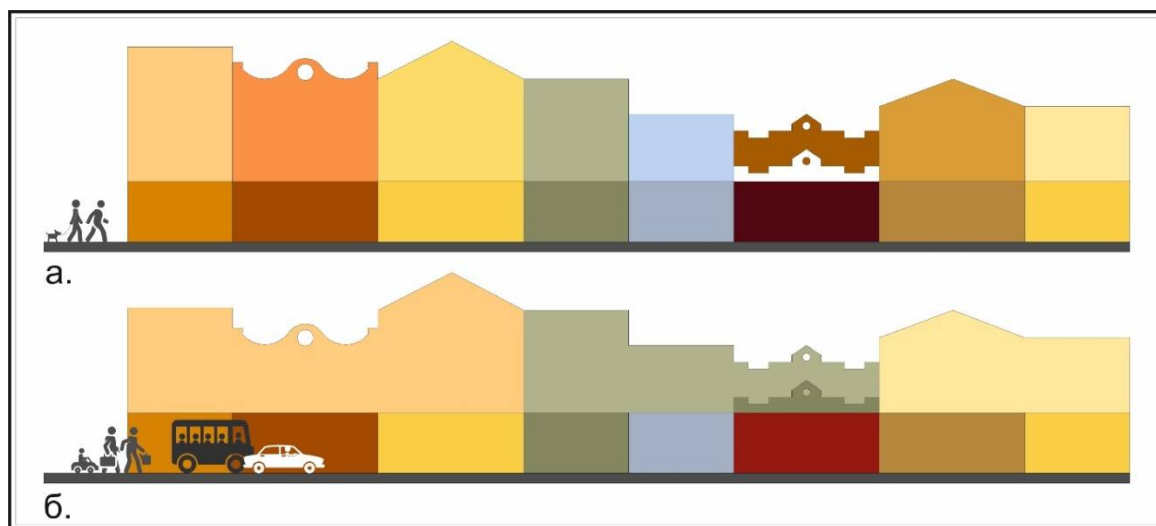

Рис. 11. Формирование колористики линейной объёмно-пространственной структуры, в зависимости от скорости движения и восприятия архитектурного пространства. Сост. авторами.

Выводы. Рассмотренные выше композиционные средства, методы и принципы воздействия цвета на плоскость, объем и пространственную форму вполне могут стать тем основополагающим инструментарием для архитекторов, градостроителей и дизайнеров при проектировании общественных пространств города, улиц, площадей и ансамблей. Грамотное и профессиональное использование формообразующих возможностей цвета открывает широкие перспективы и повышение архитектурно-художественных качеств современной архитектуры.

Библиографический список

1. Павлов И.П. Письмо к советской молодёжи. 1936 г.
2. Кринский В.Ф. Элементы архитектурно-пространственной композиции. Учеб. пособие для студентов специальности "Архитектура вузов". / В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов, М. А. Туркус; Моск. ордена Трудового Красного Знамени архит. ин-т. – М.: Стройиздат, 1968. - 168 с.
3. Ефимов А.В. Формообразующее действие полихромии в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1984. – 166 с.: ил.
4. Ефимов А.В. Колористика города. – М.: Стройиздат, 1990. – 272 с.: ил.
5. Магазин Штрих-код, Санкт-Петербург, ул. Народная [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vipbaltic.ru/2017/01/01/strihkod/>
6. Speech: цвет. Издательская группа «Проект Медиа». Распространяется в Москве и СПб . Издательство Д. Аронова. 06.2010. 280 с.
7. Енин А.Е. Опыты по формированию колористики общественных пространств города / Гурьев А.С.// Архитектон: известия вузов. 2019. № 4 (68). С. 3.
8. Енин А.Е. Общественные пространства города в формировании его колористической структуры / Гурьев А.С.// Известия высших учебных заведений. Строительство. 2020. № 9 (741). С. 118-123.
9. Енин А.Е. Городские площади как общественные пространства и их функциональный потенциал / Гурьев С.Н., Гурьев А.С., Башкирова С.С.// Известия высших учебных заведений. Строительство. 2021. № 11 (755). с. 110-119.

Bibliography list

1. Pavlov I.P. Letter to the Soviet youth. 1936
2. Krinsky V.F. Elements of architectural and spatial composition. Textbook for students of the specialty "Architecture of universities". / V. F. Krinsky, I. V. Lamtsov, M. A. Turkus; Moscow. Order of the Red Banner of Labor archit. in-T. – M.: Stroyizdat, 1968. - 168 p.
3. Efimov A.V. The formative effect of polychromy in architecture. – M.: Stroyizdat, 1984. – 166 p.: ill.
4. Efimov A.V. Coloristics of the city. – M.: Stroyizdat, 1990. – 272 p.: ill.
5. Barcode store, St. Petersburg, Narodnaya str. [Electronic resource] Access mode: <http://vipbaltic.ru/2017/01/01/strihkod/>
6. Speech: color. Publishing group "Project Media". Distributed in Moscow and St. Petersburg . D. Aronov Publishing House. 06.2010. 280 p.
7. Enin A.E. Opyty po osobrazovanie koloristiciki public'nogo spostury gorod / Gur'ev A.S.// Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2019. № 4 (68). p. 3.
8. Enin A.E. Public spaces of the city in the formation of its coloristic structure / Gur'ev A.S.// Izvestiya vyshego uchebnykh uchebnykh uchebnykh uchebnykh. Construction. 2020. № 9 (741). S. 118-123.
9. Enin A.E. City Squares as Public Spaces and Their Functional Potential / Guryev S.N., Guryev A.S., Bashkirova S.S.// Izvestiya vyshego uchebnykh uchebnykh uchebnykh. Construction. 2021. № 11 (755). p. 110-119.

COMPOSITIONAL PATTERNS OF THE FORMATION OF THE COLORISTICS OF PUBLIC SPACES OF THE CITY

Yenin A.E., Gurev A.S., Korotkych Yu.S.

Yenin A.E. Supervisor: Dean of the faculty of architecture and urban planning, PhD. architecture, honored architect of the Russian Federation, head of the Department of basics of design and architectural graphics adviser RAASN, the Union of Architects of Russia, Professor., Russia, Voronezh, tel. +7 (473) 236-94-90. e-mail: a_yenin@mail.ru
Gurev A.S., post-graduate student of the Department of design and architectural graphics, VSTU, Voronezh, Russia, e-mail: alex.s.guru@gmail.com
Korotkych Yu.S. Master student of the Department of Fundamentals of Design and Architectural Graphics, VSTU, Voronezh, Russia, e-mail: korotkaia99@mail.ru

Problem statement. The article is devoted to the issues of composition in the formation of the color environment of the city. The task is to search and determine the most important compositional principles, methods and techniques that can influence the creation of a unique coloristic image of urban public spaces and a comfortable color subject-spatial environment.

Results and conclusions. The most important principles, methods and compositional means of the mutual influence of color and form, capable of having a significant impact on the formation of the coloristics of the city, in the design of its architectural environment, are identified and determined. The authors conclude that with the purposeful use, correction or change of the color stimulus, a visual transformation of the geometric appearance of the plane, shape or structure of space inevitably follows. At the same time, the competent and professional use of the formative possibilities of color opens up broad prospects and increases the architectural and artistic qualities of modern architecture.

Keywords: *shape, space, color, composition*

ЗДАНИЯ И СООРУЖЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 72.012

МОЛОДЕЖНЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА В СТРУКТУРЕ ГОРОДА

Е.С. Свечкарь

Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета, кафедра архитектурного и средового проектирования, аспирант по специальности Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности, Свечкарь Е. С. Россия, Ростов-на-Дону тел.: +7 (988) 943-19-93, e-mail: egor_svechkar@mail.ru

Постановка задачи. В работе рассмотрены основные методы создания досуговых пространств для молодежи в структуре города. Рассмотрены узконаправленные молодежные досуговые учреждения, а также объекты общего характера, пространства для молодежного досуга в них.

Результаты и выводы. Проанализированы современные досуговые пространства, рассмотрены варианты создания молодежного пространства в структуре города. Разработана классификация молодежных досуговых пространств по методу формирования: 1) специализированные молодежные досуговые учреждения; 2) многофункциональные комплексы с выделением молодежных пространств; 3) временные молодежные пространства. Также дополнительно рассматривается классификация по форме досуга: организованный и неорганизованный. Варианты классификации и подходы создания сопровождаются примерами из мирового опыта проектирования.

Ключевые слова: молодежное досуговое пространство, молодежная архитектура, молодежный центр, классификация, формирование пространства.

Введение

Досуг весьма сложный термин, имеющий различные определения, и включающий в себя целый набор различных видов деятельности. Иногда «досуг» ассоциируется с понятием свободного времени, однако более характерно понимать под досугом время, ориентированное на реализацию духовных и социальных потребностей индивида. В современном мире досуг приобретает все более важную роль, а современное общество часто определяется как общество досуга. В связи с этим архитектура досуга также имеет большое значение для современного мира, является многоуровневой и включает в себя целый ряд различных объектов.

К досуговым объектам можно отнести и демонстрационные, и рекреационные объекты, и объекты общественного питания, практически все виды общественных зданий, в которых жилая или рабочая функция не является приоритетной. На современном этапе можно говорить о размытии даже этих границ [1]. В связи с этим анализ типологических особенностей досуговой архитектуры становится сложной задачей. Одним из вариантов классификации досуговой архитектуры может являться разделение, отталкивающееся от социальной группы посетителей, например разделение на возрастные группы.

Молодежная досуговая архитектура является более узким понятием, исключаящим объекты общего характера – театры, цирки, объекты общественного питания, стадионы и т.п. Достаточно часто ее ограничивают объектами клубного типа: молодежные центры, молодежные клубы, дома молодежи. Первые прототипы таких объектов появились уже в конце XIX – начале XX веков: народные дома, рабочие клубы. Более бурное развитие началось уже во второй половине XX века и продолжается сейчас, это касается как России, так и многих зарубежных регионов [2].

Однако на современном этапе, при более внимательном изучении статистических данных посещения других объектов, а также оценке предпочтений и интересов молодежи, возможно расширение этого списка с включением в него некоторых универсальных объектов. Несмотря на то, что большая часть из рассматриваемых объектов являются элементами инфраструктуры

досуга различных возрастных групп, все же допустимо рассмотрение их с точки зрения молодежного досуга. Во-первых, стоит отметить значимость программы, реализуемой на базе того или иного объекта, которая сама по себе способна сформировать зону молодежного досуга практически где угодно. Во-вторых, на современном этапе наблюдаются тенденции по созданию крупных многофункциональных центров (креативные кластеры, культурные центры и т. д.), которые часто выступают единственным досуговым пространством района, что требует от них создание определённых пространств и для молодежи.

Современные досуговые пространства в структуре города

К самым популярными типами досуга среди молодежи относятся «интернет», общение, спорт, чтение (порядок в соответствии с уровнем популярности от большого к меньшему) [3]. Реализовывать часть этих потребностей возможно практически везде. В связи этим все большее значение приобретают общественные места, обладающие эстетической или социальной привлекательностью и не регламентирующие сценарии времяпровождения: парки, холлы торговых центров, площади и т. п. Частично популярность этих досуговых пространств в определённых районах можно также обосновать отсутствием альтернативных пространств. Также стоит отметить, что современные экономические реалии требуют внедрение коммерческой составляющей практически во все виды досуговых объектов, или же наоборот, досуговая составляющая внедряется в коммерческие объекты (как в случае с торговым центром).

При этом все еще продолжают развиваться молодежные центры и дома молодежи как отдельный архитектурный тип. Формируются новые виды молодежных центров, развиваются уже имеющиеся. На современном этапе молодежные центр может создавать условия для развивающей деятельности (творчество, спорт), отдыха и общения, образования, социальной помощи. Встречаются объекты, которые более ориентированы как на какую-то одну из перечисленных функций, так и мультифункциональные комплексы, пытающиеся удовлетворить все досуговые потребности современной молодежи [4].

Чаще всего в отечественном опыте подобные центры дают возможность посещать различные кружки, образовательные программы, мастерские, самовыражаться в творчестве. За последнее обычно отвечает зрительный зал, за остальные комнаты для занятий. Такая структура сформировалась еще в XX веке [2][5]. На современном этапе наблюдается изменение формы, но не смыслов подобных заведений. Так, зрительным залом может служить трансформируемая под него комната или пространство прилегающего парка, упрощая планировочную структуру самого объекта до набора кружковых комнат. Стоит также отметить новые тенденции в отечественной практике по созданию молодежных досуговых учреждений загородного типа – творческих резиденций [6]. Это накладывает и свой отпечаток на функционально-планировочную структуру - необходимость включения зон для длительного пребывания на его территории: жилых, зон приема пищи, зоны хранения и т. д.

Основываясь на этих данных можно условно выделить несколько вариантов формирования пространств для молодежного досуга:

1. Специализированные молодежные досуговые учреждения.

К ним можно отнести уже рассмотренные молодежные центры, молодежные клубы и молодежные творческие резиденции, которые закладывают определенный набор функций уже на этапе проектирования. Подобные примеры встречаются практически во всем мире: Молодёжный досуговый центр в г. Санкт-Петербург (2014 г., Архитектурная мастерская А.А. Столярчука); Молодежный центр отдыха и культуры в г. Копенгаген (2008 г., арх. *CEBRA*) (рис 1).

Тип молодежного центра, направление его деятельности накладывает отпечаток на функционально-планировочную структуру объекта. Также стоит отметить некие региональные особенности, которые на современном этапе проявляются в меньшей мере, однако не исключаются полностью. Так, в отечественном опыте проектирования часто

доминирует зрительный зал в функционально-планировочной структуре объектов молодежных центров, что было характерно для советского опыт проектирования.

Рис. 1. Примеры современных молодежных центров

Источник: <https://archi.ru/projects/russia/9278/molodozhnyi-dosugovyi-centr>,
https://www.archdaily.com/14767/youth-recreation-culture-center-dorte-mandrup-cebra?ad_source=search&ad_medium=projects_tab

2. Многофункциональные комплексы с выделением молодежных пространств.

По сути, большая часть современных досуговых объектов направлены на реализацию досуговых потребностей различных возрастов, в том числе и молодежи. К таким досуговым объектам можно отнести: креативные кластеры, досуговые центры, культурные центры, коворкинги и т. п. В таком случае молодежь выступает как один из потенциальных потребителей, что дает возможность выделения некоторых отдельных пространств для этой социальной группы.

Пространство для досуга молодежи может быть образовано в несколько разных подходов на этапе проектирования или в процессе эксплуатации объектов:

-Целенаправленно с выделением отдельных пространств. В этом случае уже на этапе проектирования создаются зоны молодежного досуга, по сути, являясь молодежным центром в составе комплекса. Такие центры могут состоять из нескольких помещений, по функционально-планировочной структуре напоминая обычные молодежные центры, а могут быть представлены одним помещением, предполагая наличие остальных необходимых функциональных зон в комплексе. Например, выделение комнат для разных возрастных групп в культурном центре «Флаинг Руф» (муниципалитет Кедийяк, Франция, 2021 г., арх. *OVERCODE*) (рис. 2). Можно также отметить, что в этом примере отдельные зоны предусмотрены не только для молодежи, но и для других социальных групп: пространство для подростков, зона для детей. Помимо этого включены некие общие пространства, без четкой возрастной ориентации: зал-кофейня, мультимедийная библиотека, парковая зона. Таким образом, позволяя взаимодействовать различным возрастным группам на территории комплекса, но и давая возможность создавать инклюзивные пространства для каждой из этих групп [7].

-Целенаправленно создавая точки притяжения для молодежи. Подразумевает внедрение элементов молодежной культуры в отдельные части комплекса: стена для граффити, скейт-парк. Например, выделение скейт-парка в городском парке Лемвинга (Дания, 2013 г., арх. *EFFEKT*) (рис. 2).

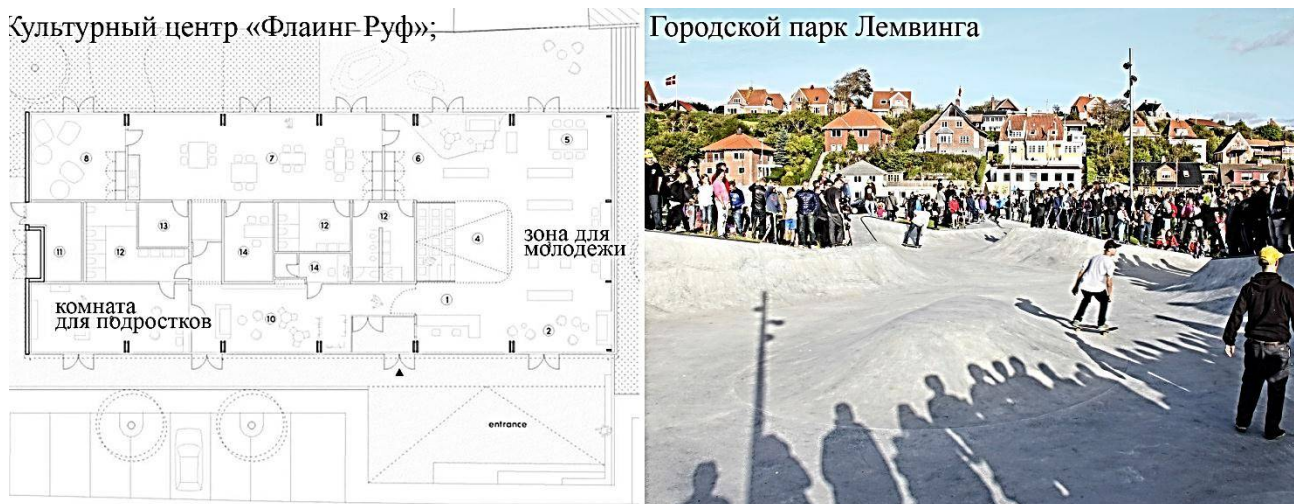

Рис. 2. Примеры молодежных пространств в составе многофункциональных комплексов
 Источник: https://www.archdaily.com/979354/cultural-center-flying-roof-overcode-architecture-urbanisme?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user (в обработке автора),
https://www.archdaily.com/470077/lemvig-skatepark-effekt?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user

Попытки привлечения молодежи за счет создания таких элементов субкультуры набирает распространение на современном этапе. При этом важно отметить, что такое внедрение возможно и в случае специализированных молодежных досуговых учреждений. Часто это выступает главным элементом молодежного пространства. Например, Молодежное движение фабрики Мериды (Испания, 2011 г., арх. *Selgascano*), молодежный общественный центр «Ангар» (г. Анадырь, Россия, 2019 г., арх. *MAParchitects*).

-Спонтанно, выявляться уже на этапе эксплуатации объекта. Это может быть практически любое место, становящееся точкой притяжения молодежи. Оно может стать популярным в связи с близким расположением каких-либо элементов молодежной инфраструктуры, объектов популярных в молодежной культуре (университет, какое-то определенное развлекательное заведение и т.д.), или стать популярным без наличия таких мест. В таком случае возможна доработка этого пространства для реализации молодежных интересов уже постфактум. Например, размещение навесов, в случае если это место для общения, или формирование зоны скейт-парка, если это точка притяжения данной субкультуры.

Стоит также отметить значимость университетов как досугового пространства для молодежи. Это проявляется в создании студенческих центров, в формировании удобной досуговой среды в общественных местах университетов. Это касается как внутренних (атриумы, холлы), так и внешних пространств (площади, парковые зоны, внутренние дворики). Внешние досуговые пространства могут являться местом досуга не только университетской молодежи, но и местных жителей. Это зависит от градостроительной ситуации и особенностей размещения этих функциональных зон в планировочной структуре кампуса [8].

3. Временные молодежные объекты.

Сюда можно отнести архитектурные объекты и городские пространства, которые становятся популярными среди молодежи за счет реализации там какой-либо программы (фестиваль, конференция, форум) на определенный период времени. Таким образом, там можно реализовывать элементы характерные для молодежных учреждений в форме временных сооружений, инсталляций, организации пространства, предметного наполнения. Особенности организации пространства зависят от типа мероприятия. Например, творческий конкурс может потребовать создания временной сцены, образовательный форум – лекционные комнаты, круглые столы. Помимо этого возможно дополнительное внедрение элементов молодежной культуры (часть примеров таких перечислена выше) в виде

временных объектов. Примером подобного мероприятия может быть мастер-класс по созданию группового граффити в парке Сокольников в 2017 г. (рис. 3).

Рис. 3. Временные стены для граффити в парке Сокольников
Источник: <https://www.mos.ru/news/item/24888073/>

Дополнительным вариантом разделением пространств молодежного досуга может быть формы досуга, реализуемые в нем: организованный или неорганизованный [9]. Причем те же молодежные центры могут быть отнесены к разным объектам по формам досуга. Например, молодежный центр «Ватерлоо» (Сидней, Австралия, 2013 г., арх. *Collins and Turner*) (рис. 4) является организованным центром с четкой программой и набором функций для каждого помещения. Основными задачами этого центра выступает создание общего рабочего пространства и консультационного центра. Детский и молодежный центр Висбадена (Германия, 2021 г., арх. *A-Z*) (рис 4) является неорганизованным, дающий возможность самостоятельно определять посетителям вид деятельности в большей части помещений (гостиная, кухня, зона отдыха). В отечественном опыте более распространен первый вид молодежных пространств, однако встречается все большее количество проектов создающих подобные зоны в составе комплекса. Например, уже рассмотренный проект «Ангар» в г. Анадырь.

Рис. 4. Пример организованного и неорганизованного молодежного центра
Источник: https://www.archdaily.com/464114/waterloo-youth-center-collins-and-turner?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user,
https://www.archdaily.com/974865/childrens-and-youth-center-in-a-former-switch-tower-a-z-architekten?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user

В Европе проблема «неорганизованной молодежи» возникла еще во второй половине XX века, что привело к созданию целых программ по разработке пространств для нее, например программа «Милли Клубс» во Франции 70-х гг. XX века предполагала создания 1000 клубов по всей Франции, в конечном итоге их число возросло до 2500. В рамках нее было создано несколько важных концепций, которые оказали важное влияние на развитие молодежных центров в течении всего последующего периода, вплоть до наших дней [10]. В связи с этим, несмотря на интерес к подобным объектам во многих регионах мира, наибольшее распространение второго типа молодежных центров можно отметить именно в европейском регионе.

Также можно обратить внимание, что часто места для неорганизованной деятельности встречаются и в первом типе молодежных центров, однако им отводится второстепенная роль. В случае с рассмотренным примером молодежного центра «Ватерлоо» такой зоной выступает скейт-парк на территории объекта. Возможны реализации таких пространств методом создания зон более общего интереса: парк, зона отдыха, библиотека.

Выводы

Сегодня досуг важная часть любого общества, и молодежь как часть этого общества имеет свои определенные особенности в реализации досуговых потребностей, которые в свою очередь требуют специальной инфраструктуры. Важной частью этой инфраструктуры выступает архитектурное пространство. Формировать это пространство можно различными подходами и методами. Это возможно путем создания специальных зон для деятельности молодежи или адаптации общественных пространств под эти нужды. Рассмотренные примеры демонстрируют большую вариативность работы с молодежными досуговыми пространствами, а также акцентируют внимание на потребности современного общества в подобной архитектуре, что способствует ее развитию.

В целом, можно сказать, что молодежные досуговые пространства неотъемлемая часть современной городской среды, поэтому развитие, модернизация уже устоявшихся форм и создание новых - важная задача современной архитектуры и ее реализация необходима для улучшения благосостояния, культурного и социального развития общества.

Библиографический список.

- 1.Ионова О.В. Ценности досуговой сферы студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). С. 153-159. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-17
- 2.Свечкарь Е.С. Эволюция функциональнопланировочной структуры досуговых учреждений клубного типа / Е.С. Свечкарь, Н.А. Моргун // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2022. Т. 24. № 3. С. 34–48. DOI: 10.31675/1607-1859-2022-24-3-34-48
- 3.Салганова Е. Влияние медиапространства на досуговую деятельность современной молодежи / Е.И. Салганова Е.И., Л.И. Белова, Н.А. Гафнер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 70-77. DOI: 10.14529/ssh220109
- 4.Свечкарь Е.С. Особенности формирования современных молодежных центров // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №3(60). С. 112-126. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/07_svechkar.pdf (дата обращения: 25.09.2022). DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-112-126
- 5.Лухманов Н.В. Архитектура клуба. - М.: Теакинопечать., 1930. - 103 с.
- 6.Духанина Е.С. Актуальные подходы к архитектурному формированию клубных зданий / Е.С. Духанина, А.Л. Гельфонд // Архитектон: известия вузов. 2021. № 3 (75). URL: http://archvuz.ru/2021_3/2/ (дата обращения: 25.09.2022). DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)

7. Cultural Center Flying Roof / OVERCODE architecture urbanisme. ArchDaily. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.archdaily.com/979354/cultural-center-flying-roof-overcode-architecture-urbanisme?ad_source=search&ad_medium=projects_tab (дата обращения: 28.09.2022).
8. Палей Е. С. Современные университетские кампусы Европы. Организация общественного пространства: дис. ... канд. архитектуры: 05.23.21 / Палей Екатерина Сергеевна. М., 2021. 264 с.
9. Суровицкая А. В. Социальная организация досуга молодежи : регионально-муниципальный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Суровицкая Анна Владимировна. Саранск, 2010. 21 с.
10. Avermaete T. A thousand youth clubs: Architecture, mass leisure and the rejuvenation of post-war France // The Journal of Architecture. 2018. Vol. 23, No. 4, pp. 617-631.

Bibliography list

1. Ionova O.V. Values of the leisure sphere of the student youth. Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki, 2016, no. 2 (38), pp. 153-159. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-17
2. Svechkar E. S., Morgun N. A. Evolution of the functional planning structure of club-type leisure facilities. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2022, vol. 24, no. 3, pp. 34–48. DOI: 10.31675/1607-1859-2022-24-3-34-48
3. Salganova E. I., Belova L. I., The influence of the media space on the leisure activities of modern youth. Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. 2022, vol. 22, no 1, pp. 70-77. DOI: 10.14529/ssh220109
4. Svechkar E. S. Features of the formation of modern youth centers. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 3(60), pp. 112-126. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/07_svechkar.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-3-112-126
5. Luhmanov N.V. Club architecture. Moscow, 1930, 103 p.
6. Duhanina E. S., Gel'fond A. L. Current approaches to the architectural formation of club buildings. Arhitekton: izvestiya vuzov, 2021, no. 3 (75) Available at: http://archvuz.ru/2021_3/2/. DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)
7. Cultural Center Flying Roof / OVERCODE architecture urbanisme. ArchDaily. 2022. [Electronic resource]. - Available at: https://www.archdaily.com/979354/cultural-center-flying-roof-overcode-architecture-urbanisme?ad_source=search&ad_medium=projects_tab
8. Paley E. S. Modern university campuses in Europe. Organization of public space (Cand. Dis.). Moscow, 2021, 264 p.
9. Surovickaya A. V. Social organization of youth leisure : regional and municipal aspect (Cand. Dis. Thesis). Saransk, 2010, 21 p.
10. Avermaete T. A thousand youth clubs: Architecture, mass leisure and the rejuvenation of post-war France. The Journal of Architecture. 2018, Vol. 23, No. 4, pp. 617-631.

YOUTH LEISURE SPACES IN THE STRUCTURE OF THE CITY

E. S. Svechkar

Academy of Architecture and Arts of the Southern Federal University, postgraduate, Svechkar E. S. Russia, Rostov-on-Don, ph.:+7 (988) 943-19-93, e-mail: egor_svechkar@mail.ru

Background. The paper considers the main methods of creating leisure spaces for young people in the structure of the city. The narrowly focused youth leisure institutions, as well as objects of a general nature, spaces for youth leisure in them are considered.

Results and conclusions. Modern leisure spaces are analyzed, options for creating a youth space in the structure of the city are considered. The classification of youth leisure spaces according to the method of formation has been developed: 1) specialized youth leisure facilities; 2) multifunctional complexes with allocation of youth spaces; 3) temporary youth facilities. Additionally, the classification by form of leisure is also considered: organized and unorganized. Classification options and creation approaches are accompanied by examples from the world design experience.

Keywords: youth leisure space, youth architecture, youth center, classification, space formation.

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

Л.В. Морозова, А.Е. Енин

Енин А.Е., ВГТУ, канд. арх., профессор, декан факультета архитектуры и градостроительства,

Россия, Воронеж, e-mail: a_yenin@mail.ru

Морозова Л.В., ВГТУ, аспирант, Россия, Воронеж, e-mail: morozvaitd@gmail.com

Постановка задачи. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязанного развития транспортной инфраструктуры и процессов урбанизации в городской агломерации. Основной задачей является рассмотрение транспортной инфраструктуры, как одного из ключевых факторов пространственного развития территорий. Определена первостепенная роль транспортной инфраструктуры в структурной трансформации городского комплекса. Выявлено, что движущей силой для масштабных изменений в городской системе, является население. Поэтому управление системой должно носить в первую очередь социальный характер. Транспортная инфраструктура создает благоприятные условия для распределения человеческих ресурсов в городской системе. Предлагается рассматривать ее как элемент пространственно-качественной структуры городской агломерации. Цель данной статьи состоит в том, чтобы разработать системное представление процесса развития логистической транспортной системы с учетом целей программы развития транспортной инфраструктуры. В статье решаются следующие задачи: систематизация целей и задач программы развития транспортной инфраструктуры, анализ особенностей логистической транспортной системы и процессов управления ее развитием, разработка обобщенного формализованного представления логистической транспортной системы и процесс его развития. В статье представлена систематизация целей и задач программы развития транспортной инфраструктуры в городской агломерации и обозначены основные принципы ее устойчивого развития

Результаты и выводы. На основе этих структур выявлен характер взаимодействия транспорта с основными элементами агломерации. Транспортная инфраструктура соединяет разрозненные элементы, обеспечивает двухтактную миграцию, способствует перераспределению функциональных зон агломерации. Транспорт является связующим звеном между населением и производством, осуществляет ежедневные рабочие миграции, становится неотъемлемым элементом их быстрой и эффективной реализации.

Ключевые слова: городская агломерация, кластер, город, транспортная инфраструктура, транспортно-логистический комплекс, метод перколяции

Введение

Городская агломерация является результатом исторической эволюции посредством расширения, группирования и фрагментации территорий. Интеграция территорий в сложившуюся структуру и создание городских кластеров называют агломерированием. Агломерация, это компактное расположение или группировка населенных пунктов, не только объединенных в территориальном отношении, но и обладающих развитыми производственными, культурными и рекреационными связями [1].

В современной градостроительной литературе понятие городская агломерация была введена в начале 1898 года в книге «Города-сады завтрашнего дня». А Кристаллер отмечал, что городская агломерация имеет наибольшую концентрацию населения в центре города, благодаря возможностям масштаба экономики и транспортной доступности, разрастание постепенно распространяется к периферии в определенном иерархическом порядке. Это понимание городской структуры агломерации позже открыло новый путь развития математических моделей городских агломераций.

Городские агломерации способствуют устойчивому пространственному развитию территорий. Поэтому их формирование и развитие являются ключевыми факторами программ устойчивого развития. Отличительной чертой российской практики по сравнению с западной является то, что последняя отказалась от строительства многоэтажных зданий высокой плотности, отдав предпочтение четкому пространственному распределению площадей и функциональному зонированию территории. Модель городской агломерации

жизненно важна во многих аспектах, особенно в объяснение эволюционного процесса роста городов и их функционального поведения в пространстве. Эти знания важны при развитии местных, региональных генеральных планах, поскольку они помогают определить существующие направление роста территории, будущие сценарии урбанизации и потенциальные развивающиеся районы, развитие данной системы помогает очертить границы городского роста и это важно для демографии, транспорта и землепользования в контексте планирования. [3]

В Воронежской агломерации скоростные, транспортные потоки давно переступили черту пропускной способности транспортных связей еще в 1990-х годах. Причем эта проблема не только сохраняется до настоящего времени, но и породила ряд других в связи со стихийным развитием жилищного строительства.

Рост площадей-сателлитов также не выполняет функции разгрузки центральной части агломерации тем самым усложняя взаимодействие с субурбанизированными участками. Все вышеперечисленное привело к огромной перегрузке существующей пригородной улично-дорожной сети и острой необходимости создания новой. Эти обстоятельства потребовали пересмотра утвержденной стратегии развития. [4]

Транспортная инфраструктура и ее влияние на городские агломерации

Устойчивое развитие территорий невозможно без качественных изменений транспортной инфраструктуры. Эта сфера играет важную роль в социально-экономическом развитии территории, ведь развитая транспортная система является необходимым условием экономического роста, повышения конкурентоспособности региональной экономики и качества жизни населения. Существует ряд проблем:

- несоответствие транспортной сети существующей транзитной сети;
- неудовлетворительные условия для всех участников дорожного движения, недостаточная транспортная эффективность мостовых переходов для нужд жителей;
- неразвитая система железнодорожного и наземного транспорта;
- плохое качество пригородных электричек;
- низкая средняя скорость общественного транспорта;
- отсутствие единой системы парковочных мест и др.

Эти недостатки образовались во внешнем и внутреннем текущем политическом и экономическом состоянии страны; отсутствие развитой логистической инфраструктуры; устаревшие технологии и формы управления транспортом.

По сравнению с другими типами систем, касающихся инфраструктуры, транспортные сети являются определенно социально значимыми. Как структура она представляет собой сложноструктурные многоуровневые, динамические системы имеющие самоорганизующиеся свойства, вытекающие из правил эксплуатации, которые регулируют взаимодействие социально-экономических, экологических, климатических, и технических сетевых компонентов. В целях повышения устойчивости транспортной инфраструктуры, первым и важным шагом является измерение этих изменений для последовательного развития.

Принимая во внимание пробелы в существующих исследованиях, необходимо предложить новый подход, который может измерять устойчивость развития транспортной структуры. В этой статье продемонстрирована концептуальная основа для формирования системы устойчивости транспортной инфраструктуры, которая зависит от степени развитости сетевых узлов и характеристики распределения на территории агломерации.

На рисунке 1 показаны обобщенные этапы оценки устойчивого развития транспортной инфраструктуры в городской агломерации: (i) определение и понимание системы в процессе изучения, (ii) определение соответствующей шкалы для оценки устойчивости развития в структуре агломерации, (iii) определение факторов влияния (внешние и внутренние), (iv) выявление методов измерения системы, включая людей и аппарат управления, (v) развитие концептуальной модели для определения необходимых действий по

развитию/восстановлению. Схема была разработана с точки зрения социально-экологических систем.

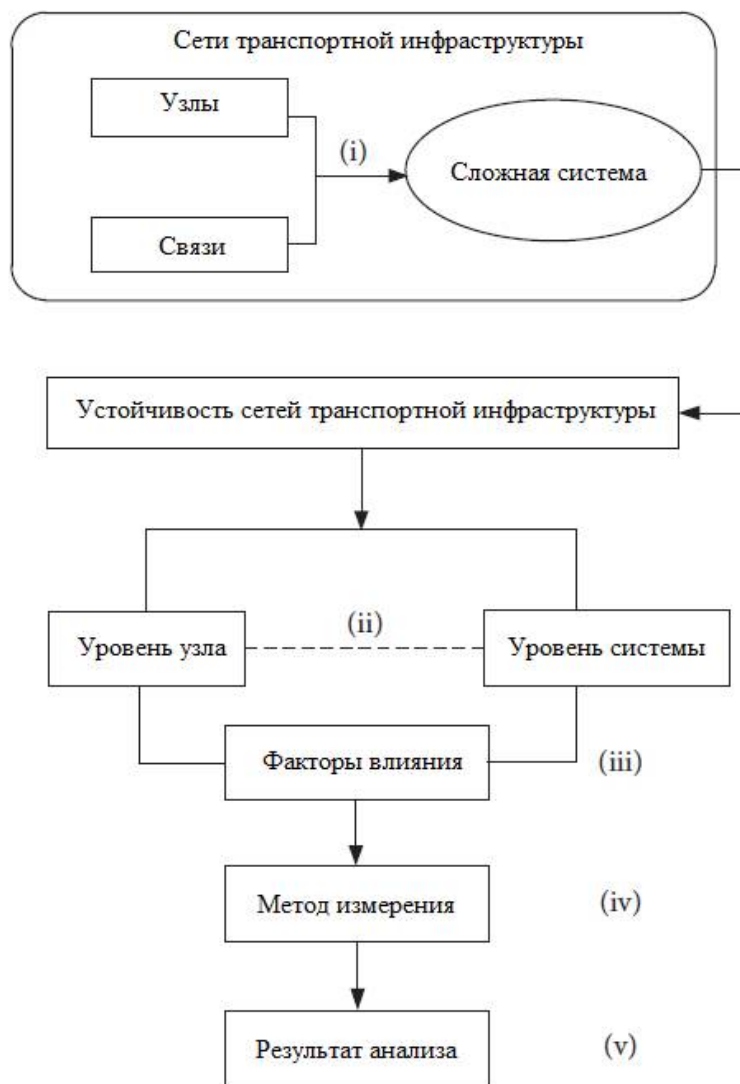

Рис.1. Процесс оценки устойчивости сетей транспортной инфраструктуры

Конфигурация городских районов отражает модель городской агломерации, которая движет развитием территории. В предлагаемом исследовании развитие территории и ее движение рассматривается с помощью пересечений в кластерной сети. В своих основных терминах теория перколяции определяет поведение кластера в бесконечной графе или решетке. Как показано на рисунке 2, перколяционные кластеры развиваются как узлы и связи образующие сложные системы.

В контексте пространственного планирования, теория перколяции помогает городским агломерациям определить путь развития и реализации своего потенциала через транспортную доступность. В таком контексте перколяционные кластеры могут выступать и определять географическую доступность городов и исходящих связей (дорог) пересечения, которые являются потенциальными территориями для разработки и развития. В конечном итоге эти перколяционные кластеры могут выявить модель городской агломерации, соответствующую более высокой доступности и близость к каждой точке пересечения в изучаемой области.

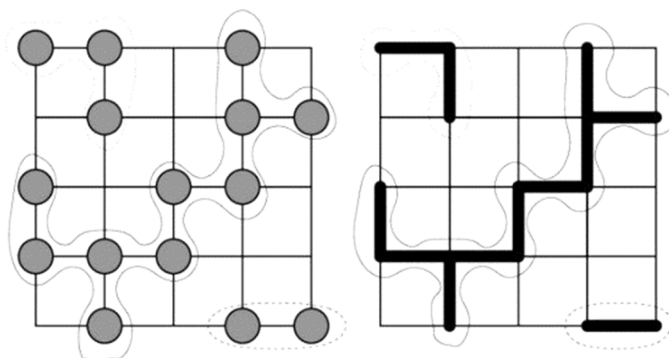

Рис. 2. Перколяция узлов (слева) и перколяция связей(справа), кластеры в квадратной решетке

Авторы смоделировали три сценария перколяции транспортной сети, которые показаны на рисунке 3. Представлены три взвешенные структуры, которые используются для моделирования различных сценариев перспективного развития. Красный узел выбран для анализа факторов влияния устойчивости сетевого узла. Цифры, отмеченные вдоль ссылок, представляют собой силу связи между прочими узлами системы на территории агломерации; например, число 4 в сценарии 1 означает, что между красным узлом и серым узлом имеется 4 связи. Авторы используют преднамеренную стратегию ухудшения стратегического развития для имитации сценария перколяции сети, увеличивая удаленность серых узлов от центральной части.

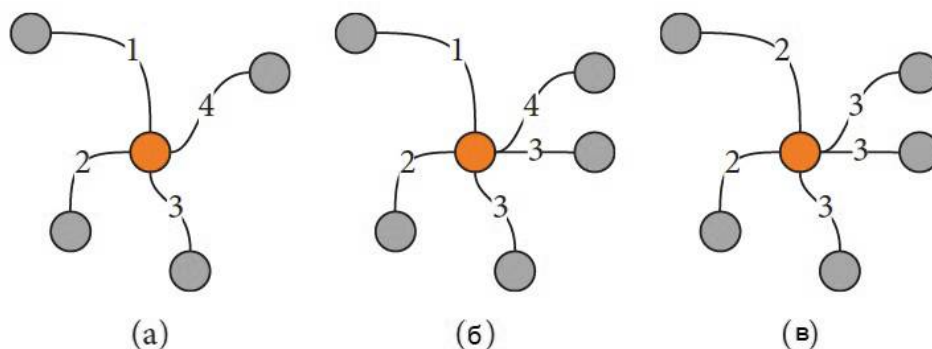

Рис. 3. Три сценария перколяции сети. (а,б,в).

Основными целями такого развития являются следующие:

- формирование единого транспортного пространства, т.е. создание транспортной системы без «узких мест», обеспечивающей транспортную доступность на всей территории агломерации;
- снижение транспортных расходов и стоимости услуг за счет развития транспортной сети, эффективной логистики с использованием оптимальных транспортных схем и движения грузопотоков;
- повышение транспортной мобильности населения, что влияет на миграционные потоки внутри агломерации;
- обеспечение безопасности транспортной деятельности.

Отметим, что транспортная инфраструктура характеризуется следующим: значительным влиянием на социально-экономическое развитие территории. Развитая транспортная инфраструктура обеспечивает мобильность материальных и трудовых ресурсов, расширяет возможности торговли, делает район привлекательным для инвестиций, жилья и работы; - высокая капиталоемкость, особенно маршрутов (автомобильных и железнодорожных).

В целом устойчивое развитие нацелено на реализацию ряда процессов, таких как:

- проектирование, строительство, разработка новых путей; - модернизация и ремонт существующих дорог;

- планирование внедрения передовых транспортных технологий;
- планирование мероприятий по совершенствованию управления, систем планирования и организации дорожного движения;
- план модернизации и замены устаревшего транспортного склада.

Выводы

В исследовании предложен новый подход к моделированию и разработке развития транспортной инфраструктуры, как основного фактора изменений городской агломерации. Дорожная сеть неразрывно связана с ростом городов, а существующие теории (перколяции, фрактал геометрии) проливают свет на конфигурацию сети и прогнозирование ее дальнейшего существования. Таким образом, чтобы выявить существующую схему городской агломерации, рассмотрена теория перколяции на перекрестках дорог для измерения максимального распределения самоподобия соответствующих кластеров. Это исследование важно для разработок связанных с ростом городов, а также для анализа пространственного взаимодействия территорий.

Основой комплексного развития нескольких разрозненных территорий должна стать полицентрическая модель, предполагающая формирование новых «центров роста» агломерации. При этом такие центры роста должны базироваться не на слабоуправляемых и разнонаправленных объединениях, а на производственных комплексах высококонкурентных компаний, таких как промышленные кластеры. В этом проявляется особая актуальность, так как развитие кластеров в настоящее время является приоритетной задачей как региональной, так и государственной политики. Эффективные кластеры как «центры роста» представляют собой группу или сообщество территориально взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктура, научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения и другие организации, дополняя друг друга и усиливая конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Основой функционирования кластеров является концепция «сети». [6]

Сущностной чертой кластера является то, что он представляет собой совокупность взаимодействующих и взаимовлияющих единиц, действующих обособленно друг от друга, но, находясь в одном пространстве, они начинают взаимодействовать, интегрируясь в сообщество и обеспечивая благоприятные условия для развития специализированных производственных предприятий, в первую очередь обслуживающего и вспомогательного характера. [7] Хотя кластеры способствуют развитию субъектов, входящих в их структуру, эффект проявляется и в развитии территорий, на которых базируются кластеры. Поэтому их поддержка является частью региональной промышленной, государственной политики. Еще одним существенным преимуществом развития кластера в рамках агломерации является то, что он может выходить за пределы административных территорий, объединяя таким образом общие интересы различных автономных округов.

Моделирование, основанное на математических теориях, способствует более реальному прогнозированию, обеспечивая универсальность оценки модели городской агломерации в существующих обстоятельствах и сценариях ее будущего развития. Таким образом, обеспечивается глубокое понимание исследований относительно городского моделирования и транспортного планирования.

Библиографический список

1. Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54.
2. Козлова О.А., Макарова М.Н. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513>

3. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
4. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI в. // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
5. Лола А.М. Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать. М.: КАНОН+, 2013. 292 с.
6. Мищенко В.В., Мищенко И.В. Городские агломерации: формирование и перспективы развития (на примере Барнаульской агломерации) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 5. С. 68–79.
7. Пивоваров Ю.Л. Основы геурбанистики: урбанизация и городские системы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.
8. Енин, А. Е. Особенности формирования городской агломерации и устойчивость ее развития / А. Е. Енин, Л. В. Морозова // Научный журнал строительства и архитектуры. - 2022. - № 3 (67). - С. 141-149. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.67.3.014.
9. Шевелев В.Г. Теоретические основы коммуникационных процессов при архитектурно-градостроительных исследованиях экологических систем "население ↔ среда"/ Енин А.Е., Чернышов Е.М.// Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Строительство и архитектура. 2014. № 4 (36). С. 154-161.
10. Шевелёв В. Г. Особенности формирования коммуникационных процессов, определяемых функциональной деятельностью населения в градостроительных системах (аспект транспортно-пассажирских связей) / Енин А.Е. // Градостроительство. 2014. № 2 (30). С. 43-48.

Bibliography list

1. Voroshilov N.V. Approaches to assessing the development of agglomerations in the territory of Russia // Problems of development of territory. 2019. No. 4 (102). P. 40–54.
2. Kozlova O.A., Makarova M.N. Methodical tools for estimating the influence of spatial localization on migration processes in the region // Contemporary problems of science and education. 2014. No. 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513>
3. Lappo H.M. Cities of Russia. A geographer's view. M.: Novy chronograph, 2012. 504 p.
4. Lappo G., Polyan P., Selivanova T. Agglomerations of Russia in the XXI century. // Bulletin of the Regional Development Fund of the Irkutsk region. 2007. No. 1. P. 45–52.
5. Lola A.M. City and agglomeration management in Russia: state and what to do. M.: KANON+, 2013. 292 p.
6. Myshchenko V.V., Myshchenko I.V. City agglomerations: formation and prospects of development (on the example of the Barnaul agglomeration) // Problem analysis and state-administrative design. 2015. No. 5. P. 68–79.
7. Pyvovarov Yu.L. Fundamentals of geourbanism: urbanization and urban systems: a textbook for students of higher educational institutions. M.: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 1999. 232 p.
8. Enin, A. E. Features of the formation of the city agglomeration and the stability of its development / A. E. Enin, L. V. Morozova // Scientific journal of construction and architecture. - 2022. - № 3 (67). - S. 141-149. - DOI: 10.36622/VSTU.2022.67.3.014.
9. Shevelev V.G. Theoretical foundations of communication processes in architectural and urban planning studies of ecological systems "population ↔ environment"/ Enin A.E., Chernyshov E.M.// Scientific Bulletin of voronezh state architectural and construction university. Construction and architecture. 2014. № 4 (36). S. 154-161.

10. Shevelev V. G. Features of the formation of communication processes, determined by the functional activity of the population in urban planning systems (aspect of transport-passenger connections) / Enin A. E. // *Gradostroitelstvo*. 2014. № 2 (30). S. 43-48.

TRANSPORT INFRASTRUCTURE AS A FACTOR OF SPATIAL DEVELOPMENT OF AGGLOMERATIONS (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH AGGLOMERATION)

L.V. Morozova, A.E. Enin

Enin A.E., VGTU, candidate architect, professor, dean of the Faculty of Architecture and Urban Planning, Russia, Voronezh, e-mail: a_yenin@mail.ru

L.V. Morozova, VGTU, graduate student, Russia, Voronezh, e-mail: morozvaitd@gmail.com

Formulation of the problem. The article deals with the issues of the interconnected development of transport infrastructure and urbanization processes in the urban agglomeration. The main task is to consider transport infrastructure as one of the key factors in the spatial development of territories. The primary role of transport infrastructure in the structural transformation of the urban complex is determined. It was revealed that the driving force for large-scale changes in the urban system is the population. Therefore, the management of the system should be primarily social in nature. The transport infrastructure creates favorable conditions for the distribution of human resources in the urban system. It is proposed to consider it as an element of the spatial and qualitative structure of the urban agglomeration. The purpose of this article is to develop a systematic view of the process of development of the logistics transport system, taking into account the objectives of the program for the development of transport infrastructure. The following tasks are solved in the article: systematization of the goals and objectives of the transport infrastructure development program, analysis of the features of the logistics transport system and management processes for its development, development of a generalized formalized representation of the logistics transport system and the process of its development. The article presents the systematization of the goals and objectives of the program for the development of transport infrastructure in the urban agglomeration and outlines the basic principles of its sustainable development

Results and conclusions. On the basis of these structures, the nature of the interaction of transport with the main elements of the agglomeration was revealed. The transport infrastructure connects disparate elements, provides push-pull migration, and contributes to the redistribution of the functional zones of the agglomeration. Transport is a link between the population and production, carries out daily work migrations, and becomes an integral element of their fast and efficient implementation.

Keywords: urban agglomeration, cluster, city, transport infrastructure, transport and logistics complex, percolation method

ПЕРЕСЕКАЮТСЯ ЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ?

Е. В. Поспеева

Поспеева Е. В. - ВГТУ, доцент кафедры теории и практики архитектурного проектирования, почетный архитектор России, Россия, Воронеж, тел.: +7 (910) 244-13-26, e-mail: pospeeva2018@gmail.com

Постановка задачи. Обсуждается задача технического проектирования как важной и неотъемлемой составляющей обучения архитектора, необходимости таких знаний особенно в начальной стадии

проектирования для грамотного выбора проектных решений, получения знаний, позволяющих взаимодействовать со специалистами смежных специальностей, грамотной постановке задач проектирования и контролю за их исполнением.

Результаты и выводы. Преподавание дисциплины «Инженерная подготовка и благоустройство городских территорий» необходимо в становлении будущих архитекторов в их дальнейшей практической деятельности.

Ключевые слова. Градостроительный анализ территории, вертикальная планировка, водоотведение городских территорий, дамбы, дренажи, подземные сети, дорожные одежды.

....идея может быть абстрактной, но потом в процессе технического и художественного проектирования, учитывающего климат, окружающую среду и другие аспекты рождается образ здания “,

Норман Фостер

Введение

Процесс обучения архитектурному проектированию состоит из художественного и технического проектирования.

Художественное проектирование включает множество дисциплин, позволяющих полноценно построить учебный процесс обучения архитектурной специальности.

В перечень изучения технического проектирования входят: инженерная подготовка территории, охрана окружающей среды, инсоляция и солнцезащита жилых и общественных зданий и территорий, конструкции зданий и сооружений, нормы СНиП и СанПиН.

При проектировании перед архитектором ставится сложная профессиональная задача создания архитектурного образа, учитывающего все составляющие технического проектирования. Недооценка комплексного проектирования указывает на отсутствие профессионализма архитектора, делает несостоятельной творческую составляющую проекта.

Подробно коснусь обучения одной из важнейших составляющих технических дисциплин: «Инженерной подготовки и благоустройства городских территорий». В течении многих лет я преподаю эту дисциплину на кафедре ТиПАП, ранее совмещая преподавательскую деятельность с работой в одном из ведущих проектных институтов города "Воронежгражданпроект" и потому могу с уверенностью говорить о важности этой дисциплины в практической деятельности будущих архитекторов.

Анализ строительства на болотистых грунтах

Приведу яркий пример инженерной подготовки территории при строительстве в 2014 году Олимпийских объектов (Рис.1). Общие затраты на подготовку Олимпийских игр

составили более 1.5 триллионов рублей и только 214 миллиарда пошло на строительство самих спортивных объектов. Почему так много? Все объяснимо: Имеретинская низменность, где проводилось строительство - это болото, строительство на таких грунтах входит в зону риска, ведет к значительному удорожанию строительства. Чтобы построить, например, стадион "Фишт", потребовалось забить более 30 тыс. свай длиной от 30 до 40 м, и так на большинстве объектов.

Вообще львиная доля денег - около 80% пошла на создание инфраструктуры во всем регионе Большого Сочи, из 315 объектов, построенных в городе и окрестностях лишь 15 имеют прямое отношение к спорту, обычные затраты на инженерную подготовку составляют от 2 до 5 % общей стоимости строительства. Ранее на Красной поляне отсутствовала централизованная канализация, и все отходы самотеком спускались в Черное море, дорога на Красную поляну была пробита еще в 19 веке. Сейчас построено более 367 км автомобильных дорог, мостов, более 200 км железнодорожного полотна. Все это в условиях гор, многочисленных рек, огромных перепадов высот и температур. Проложено более 480 км газопроводов, более 550 км линий электропередач, 640 км инженерных сетей, построено несколько электростанций, но, прежде всего, при строительстве Олимпийских объектов потребовались подсыпка огромных территорий, предназначенных под строительство морской галькой толщиной слоя более 2м. При возведении фундаментов стадиона "Фишт" здание дало трещину, пришлось производить дальнейшую подсыпку территории.

Этот пример, конечно, исключение. Это уникальный объект для нашей страны, но он ярко отражает значение инженерной подготовки территории.

Олимпийская деревня, вынужденная быть построенной из панельных домов, наиболее "легких" конструкций однообразной архитектуры, огороженных и разделенных на огромные кварталы водными рвами, представляет собой унылую архитектуру, к тому же лишенную практически озеленения, т.к. на болотистой почве практически ничего не растет. Попытки озеленения крупноразмерным саженцами из Италии привели к плачевным результатам - не прошедшие санитарного карантина, они явились источниками заражения самшитовых рощ в соседней Абхазии. Рощи, возраст деревьев которых составляет более 400 лет, высохли, а сами саженцы в итоге не прижились. А ведь при проектировании Олимпийской деревни предлагались блестящие проекты объемно-пространственного решения объектов, но ввиду недоучета геолого-почвенного анализа территории, они оказались несостоятельными.

Рис.1. Олимпийские объекты г. Сочи

[/https://russo-travel.ru/](https://russo-travel.ru/)

Роль дисциплины в проектировании

Такие же проблемы и ряд других выявляются в процессе проектирования других объектов не таких масштабных, но имеющих, несомненно, важную и решающую роль в градостроительстве. Поэтому дисциплина "Инженерная подготовка и благоустройство территории" является основополагающей при проектировании и обучении архитектурной специальности.

Первое с чем столкнется в своей работе архитектор - градостроительный анализ территории, а именно - оценка природных условий и физико-геологических процессов и явлений, характерных для выбранной территории. Разработка архитектурно - планировочных решений не должна быть оторванной от разработки инженерных мероприятий. Это, прежде всего комплексный процесс, и от знаний, полученных в процессе учебы, зависят результаты проектной деятельности.

Лекции по инженерной подготовке включают следующие темы: градостроительный анализ территории, вертикальную планировку, организацию поверхностного водостока, защита территории от затопления, защита территории от подтопления, прокладка инженерных сетей, дорожные одежды. Особое внимание уделяется вертикальной планировке. Студенты выполняют курсовую работу по нахождению 0,00 первого этажа здания. (Рис. 2)

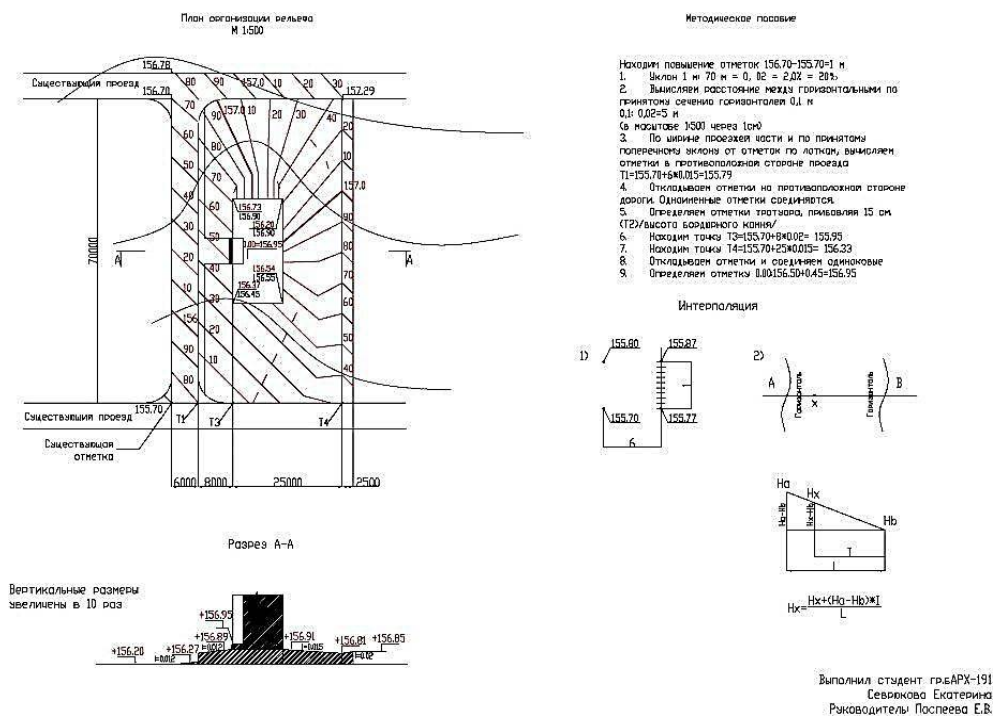

Рис.2. Курсовые работы по инженерной подготовке студентов Б арх 4 курса

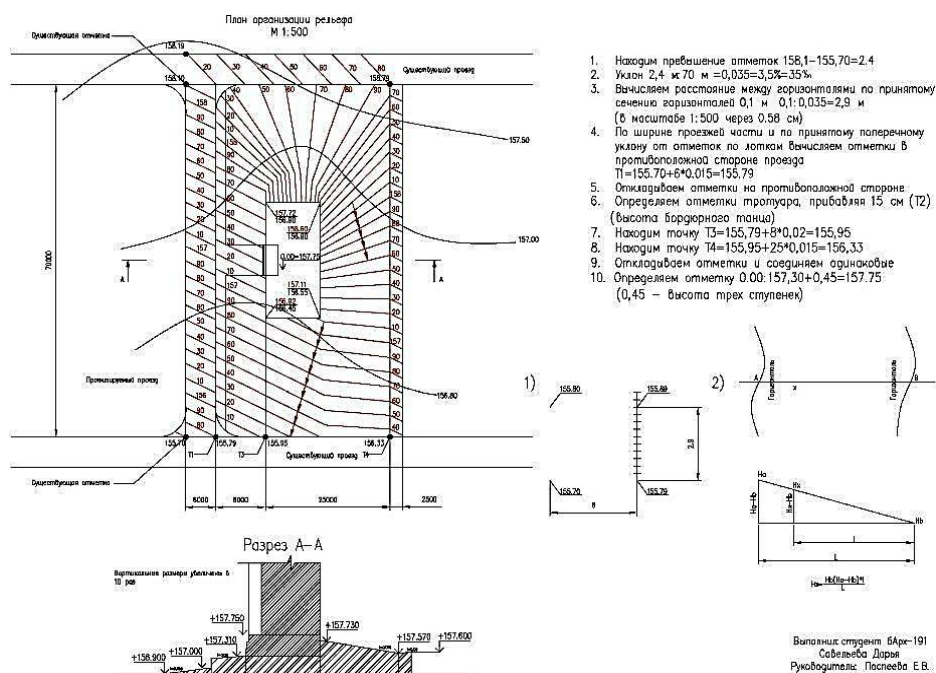

Рис. 2. Курсовые работы по инженерной подготовке студентов Б арх 4 курса (продолжение)

Студенты учатся работать с рельефом, выполняя каждый индивидуальное задание. Ведь от правильного использования рельефа зависит архитектурно-пространственное решение объекта.

В лекции «Защита территории от подтопления подземными водами зданий и сооружений» включаю пример реконструкции, а точнее сказать строительства новой гостиницы «Москва» (Рис.3). Почему так произошло? Подземное пространство Москвы богато подземными водами - более 150 рек и ручьев скрыто от глаз. В процессе многовекового строительства города многочисленные небольшие реки убились в коллекторы, от них остались лишь названия улиц: Кузнецкий мост, улица Неглинная, Лихоборка, Горбатый мост и много других. Подземные воды активно циркулируют под землей, но при строительстве подземного торгового комплекса «Охотный ряд» не учитывалось, что подземные воды со стороны Красной площади, которая значительно выше по отметкам Манежной площади, встретив на своем естественном пути подземный " куб" торгового центра, устремятся под фундаменты гостиницы «Москва». Все меры по спасению устойчивости сооружения не имели успеха, поэтому было принято решение снести уникальное здание. А ведь существовало первоначальное архитектурно-пространственное решения строительства целиком подземного объема торгового комплекса с техническим этажом для пропуска подземных вод, но потом сменился автор проекта, не посчитавшим нужным наличие технического этажа.

Первоначальный проект не предполагал также наличие надземного этажа. Сама площадь над торговым центром перекрывалась высокопрочным прозрачным стеклом, с ночной подсветкой Манежной площади, также не предполагалось " украшение" скульптурами Зураба Церетели. Так непродуманность проектного решения ведет к беспрецедентным утратам. Конечно, построена точная копия гостиницы «Москва» даже с асимметричным решением фасадов. Согласно легенде, при утверждении фасадов был подписан этот ассиметричный вариант, но это всего лишь легенда. Дело в том, что в первоначальном варианте историческое здание «Гранд отеля» уже существовало и его решили сохранить. В 2000 году здание было признано аварийным, его демонтировали, и затем началось строительство нового здания, процесс строительства которого занял более

13 лет. В итоге мы имеем в центре Москвы «новодел»- качественный, но, несомненно, утративший дух времени.

А.

Б.

Рис.3. Гостиница «Москва». Архитектор А. В. Щусев (А - 40-ые годы, Б- современный вид / <https://rupintest.com/>

В лекциях о подземных коммуникациях обязательно вводится такое понятие как «коридор для подземных сетей». Архитектор обязан знать, что существуют нормативные расстояния, как от зданий и сооружений, так и между сетями. При проектировании для определения так называемого «пятна» территории под строительство обязательно должны учитывать места для их прокладки.

По окончании лекций проводится тестирование. Разработаны тесты из 80 вопросов по три варианта на каждый вопрос с одним правильным ответом.

Выводы

Цель обучения архитектора, несомненно, состоит в умении создавать высокохудожественные архитектурные образы. Но без продуманного решения, учитывающего все аспекты инженерной подготовки, они будут безграмотны, не пройдут государственную экспертизу и будут подлежать перепроектированию. От услуг такого архитектора заказчик откажется.

Профессия архитектора тем и уникальна, что сочетает в себе точные науки, творческую составляющую, философский взгляд на настоящее и будущее, а это предполагает широкий кругозор, креативность мышления, базовые знания на уровне высшей школы. Только такие условия могут быть предпосылкой для успешной работы и реализации идей авторского проекта.

В математике параллельные линии не пересекаются, если они лежат в одной плоскости, но те же линии в разных плоскостях пересекутся множественное количество раз, так и в сложном процессе создания архитектурного проекта линии технического и художественного проектирования находятся в разных плоскостях и обязательно должны пересечься, что и является показателем высокого профессионализма,

Библиографический список

1. Планировка и застройка городских и сельских поселений СНиП 2.07.01-89*
2. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы
3. Местный норматив СанПиН 2.2//21.1. 1200-03 градостроительного проектирования «Планировка жилых, общественно-деловых и рекреационных зон городского округа г. Воронеж».
4. Жилые здания СНиП 2.08.01-89
5. Владимиров В. В., Давидянц Г. Н., Расторгуев О. С., Шафран В. Л. Издательство

- «Архитектура» 2004г.
6. Евтушенко М. Г., Гуревич Л. В. «Инженерная подготовка территорий населённых мест» Стройиздат 1974г.
 7. Бутягин В.А. «Планировка и благоустройство города» Стройиздат 1974г.
 8. Горниак Л. «Использование территории со сложным рельефом под жилую застройку» Стройиздат 1982 г.
 9. Е. В. Поспеева, Я. В. Коренюгина «Вертикальная планировка городских территорий, методика выполнения проектных (красных) горизонталей» методические указания.

Bibliographic list

1. Planning and development of urban and rural settlements SNiP 2.07.01-89*
2. Sanitary and epidemiological rules and regulations
3. Local standard SanPiN 2.2//21.1. 1200-03 of urban planning "Planning of residential, public, business and recreational areas of the urban district of Voronezh".
4. Residential buildings SNiP 2.08.01-89
5. Vladimirov V. V., Davidyants G. N., Rastorguevo. S., Shafran V. L. Architektura-S Publishing House, 2004.
6. Evtushenko M. G., Gurevich L. V. "Engineering preparation of territories of populated areas" Stroyizdat 1974.
7. Butyagin V.A. "Planning and improvement of the city" Story Izdat 1974.
8. Gorniak L. "The use of a territory with a difficult terrain for residential development" Stroyizdat 1982
9. E. V. Pospeeva, Ya. V. Korenyugina "Vertical planning of urban areas, the methodology for the implementation of design (red) horizontal lines" guidelines.

WHAT IS AN ARCHITECT PROFESSION UNIQUE?

E. V. Pospeeva

Pospeeva E. V. - VSTU, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Architectural Design, Honorary Architect of Russia, Russia, Voronezh, tel.: +7 (910) 244-13-26, e-mail: pospeeva2018@gmail.com

Problem statement. The problem of technical design is discussed as an important and integral part of the education of an architect, the need for such knowledge, especially at the initial stage of design for the competent choice of

design solutions, obtaining knowledge that allows you to interact with specialists in related specialties, competently setting design tasks and monitoring their execution.

Results and conclusions. Teaching the discipline "Engineering training and improvement of urban areas" is necessary in the development of future architects in their further practical activities.

Key words. Urban planning analysis of the territory, vertical planning, drainage of urban areas, dams, drainages, underground networks, pavement.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КАРКАСА И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.Р. Зверева, А.Е. Енин

*Енин А.Е., заслуженный архитектор РФ, канд., архитектуры, профессор, ВГТУ, Воронеж, Россия, e-mail: a_yenin@mail.ru
Зверева Д.Р., ВГТУ, магистрант по специальности «градостроительство», направления «Архитектурно – градостроительные исследования и проектирование экологических систем «население – среда», Воронеж, Россия, тел.: +7 (915) 544-99-09,
e-mail: d-romanovna1@yandex.ru*

Постановка задачи. Задачей в данной статье является исследование принципов формирования природно-экологического каркаса Аннинского района Воронежской области, выявление особенностей. Анализ природных ресурсов, определение положительных предпосылок для развития туризма, изучение зарубежного и отечественного опыта создания внутреннего туризма.

Результаты и выводы. На основе изученного мирового опыта развития внутреннего туризма, проанализировав муниципальное образование, выявив положительные предпосылки, обосновано предложение, о необходимости развития туризма на территории Аннинского района Воронежской области. Определен сектор туристической индустрии.

Ключевые слова: природно-экологический каркас, ресурс, ландшафт, рекреация, внутренний туризм, агротуризм, экономика, Аннинский район, Воронежская область.

Введение

Аннинский район – административно-территориальная единица и муниципальное образование в северной части Воронежской области Российской Федерации расположенный в 100 км к юго-востоку от Воронежа, соединенный железной дорогой и автодорогой Москва-Саратов, территория Аннинского муниципального района составляет 2098,02 квадратных километра, с населением 39 064 человека. Центр Аннинского района поселок городского типа Анна, площадью 1650 га, численность поселка на 2021 год 16064 человек. Он граничит с Эртильским и Терновским районами на севере, Грибановским и Новохоперским районами на востоке, Таловским и Бобровским районами на юге и Панинским районом на западе.

Наличие благоприятных градостроительных условий (удобное транспортное сообщение, трудовые и территориальные ресурсы, развитые строительные базы и т.д.) способствовало превращению населённого пункта в городское образование.

Аннинский район обладает значительными ресурсами и социально-экономическим потенциалом, а также другими положительными предпосылками, условиями для ускоренного и устойчивого экономического развития. Исходя из этого, поселение обладает большими конкурентными преимуществами для развития на своей территории бизнеса разного уровня - крупного, среднего и малого.

Грамотное предложение и последующая его реализация может вывести район на новый прогрессивный уровень, в котором Аннинский район станет достаточным, самостоятельным и растущим объектом.

Развитие рекреационного направления обеспечит жителей района и Воронежской области комфортным и качественным отдыхом, возникнет приток населения из-за сложившихся новых рабочих мест, кроме того, это обеспечит район надежной экономической поддержкой.

География. Природно-экологический каркас Аннинского района Воронежской области

Аннинский район размещён в северо-восточной части Воронежской области и граничит со следующими районами Воронежской области (рис. 1):

- с севера – Эртильским,
- с северо-востока - Терновским,
- с востока – Грибановским,
- с юго-востока – Новохоперским,
- с юга – Таловским,
- с юго-запада – Бобровским,
- и с запада – Панинским (рис. 2).

Территория Аннинского муниципального района составляет 2098,02 кв. км. Располагается в лесостепной зоне, климат умеренно континентальный с достаточно жарким летом и холодной зимой. Почва — сильные чернозёмы, рельеф спокойный.

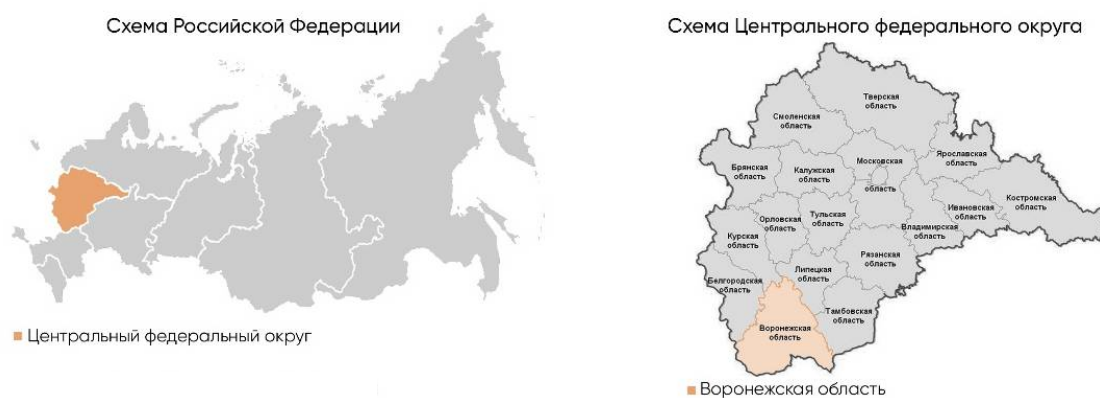

Рис. 1. а) Ситуационная схема Российской Федерации. б) Схема Центрального федерального округа

Рис. 2. Ситуационная схема Воронежской области

Климат

Аннинское городское поселение имеет умеренно-континентальный климат, жаркий и сухой летом, умеренно холодный зимой, со стабильным снежным покровом и четким переходным сезоном.

Территория характеризуется равномерным годовым изменением температуры воздуха. Обычно самый теплый месяц июль, а самый холодный месяц - первый, со средней

температурой +5,3 градуса. По данным многолетних наблюдений Аннинской метеостанции, среднемесячные и годовые температуры приведены в таблице 1.

Таб. 1. Среднемесячная и годовая температура воздуха

месяц	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Ср.
температура	-9,7	-9,6	-4,5	6,0	14,3	18,2	20,2	18,8	12,7	5,6	-1,3	-7,1	5,3

Стабильная положительная температура воздуха наступает на пятый месяц. Изредка на 5-й месяц снова начинаются заморозки, наносящие значительный ущерб растительности. Первые осенние заморозки наблюдаются в начале октября. Безморозный период составляет 154 дня. Абсолютная максимальная температура составляет +39°C, а абсолютная минимальная температура -38°C. Годовое количество осадков составляет 508 мм. 2/5 годового количества осадков выпадает в холодное время года. В теплый период май - октябрь количество осадков выше.

Это благоприятно сказывается на росте растений. Осадки выпадают в основном в виде ливней. Формирование устойчивого снежного покрова происходит в середине 12-го месяца, а разрушение - в конце 3-го месяца. Толщина снежного покрова составляет около 20 см и вероятность того, что в этом регионе воспроизводятся ветры всех направлений, одинакова, и в некоторой степени преобладает западное направление. Средняя скорость ветра составляет 5,2 м/с. [6].

Неблагоприятные погодные явления, наносящие значительный ущерб сельскохозяйственному производству, включают: заморозки, засуха, суховеи, сильные ветры, проливные дожди и град. Опасными погодными явлениями, приводящими к чрезвычайным ситуациям, являются метель, сильный дождь, град, шквалы и обледенение, главным образом на дорогах.

Геологическое строение

Территория расположена в пределах Воронежского кристаллического массива, который является частью Восточно-Европейской платформы. Эродированная поверхность кристаллического основания покрыта девонскими отложениями, покрытыми меловой системой, а также палеогеновыми, неогеновыми и четвертичными слоями. Комплекс покрытых отложений представлен суглинками и супесями, похожими на лесс, и в меньшей степени песком. На территории населенных пунктов подтверждены следующие экзогенные геологические процессы: эрозия, просадка грунта, водно-болотные угодья. Плановая оценка территории - территория благоприятна для строительства.

Поверхностные воды

Поверхностные воды представлены рекой Анна, притоком реки Битюг. В русле ручья создан пруд для регулирования стока. На расстоянии 2 км от населенного пункта протекает река Битюг, правый берег реки представляет собой плохо сохранившуюся террасу. Левый – террасированный. Пойма на территории анны эквивалентна 3 км. Течение реки спокойное.

Первое образование льда появляется около 20 ноября. Замерзание происходит на 12-м месяце. Весной дрейфующего льда немного. Весеннее половодье на реке. Битюг обычно начинается в середине 3 месяца. Самые ранние и последние дни возникновения разнятся примерно на 1 месяц. Средняя продолжительность заморозки составляет 3,5 месяца. Толщина льда на плесах составляет до 48 см, а на перекатах - до 26 см. Способность к самоочищению рек (когда биологические процессы в воде наиболее активны) для реки Битюг - понижен.

Главные реки - Битюг, Тойда, Крулак, Токай и Анна. Много небольших рек - Березовка, Мосоловка, Осиповка, озер, искусственных водоемов (рис.3).

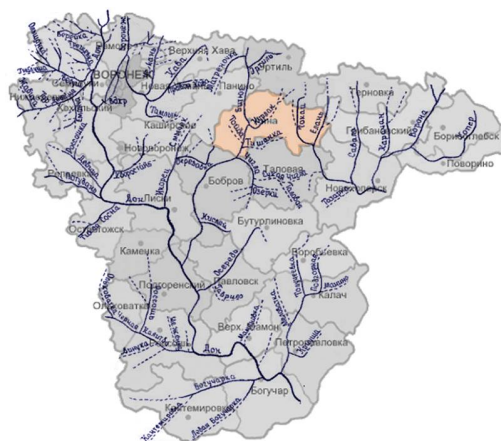

Рис.3. Схема поверхностных вод Воронежской области

Лесосырьевые ресурсы

Леса, расположенные на землях лесного фонда и землях иных категорий, согласно Лесному кодексу РФ (№ 200-ФЗ от 04.12.2006, ст.10) относятся к охраняемым лесам в соответствии с их целевым назначением. Охраняемые леса и полезные функции, которые они выполняют, если это использование совместимо с предполагаемой целью, которые подлежат разработке для одновременного использования лесов для поддержания формирования окружающей среды, сохранения водных ресурсов, защиты, санитарии, укрепления здоровья и других полезных функций лесов.

Основные породы: хвойные, дуб, твердолиственные и мягколиственные породы, древесные, кустарниковые. В возрастной структуре леса преобладают средневозрастные насаждения. Лесные ресурсы включают запасы древесины и не древесных продуктов, лесные продовольственные ресурсы и лекарственные растения. Заготовку не древесных и съедобных лесных ресурсов, лекарственных растений граждане ведут исключительно для своих нужд. Приоритетным направлением на территории лесного фонда является аренда земель в культурно-оздоровительных целях, необходимо поддерживать и расширять сферу предоставляемых услуг (рис.4,5).

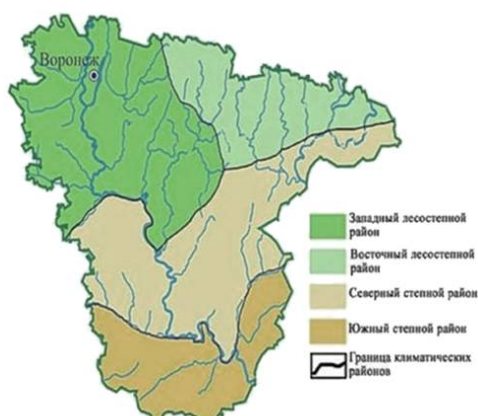

Рис.4. Схема лесосырьевых ресурсов. Источник: <https://mobillegends.net/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B8B9-%D0%BE%D0%B1%D0%BB#images-1>

Рис.5. Схема природного комплекса

Ландшафтно-рекреационный потенциал

Территория Аннинского городского поселения - плоская, слабоволнистая, имеющая вид спокойной открытой равнины, расчленена ручьем Анна. Оврагами и балками занята незначительная часть площади городского поселения. Большая часть поселения занята лесами.

Растительность представлена лесными, кустарниковыми, полукустарниковыми и травянистыми породами. Драгоценный природный ландшафт реки Битюг, песчаных пляжей и озер создают благоприятные предпосылки для развития водного, экологического, образовательного, активного оздоровительного туризма, стационарных курортов и кемпингового отдыха. При долгосрочном планировании развития рекреации и туризма, прежде всего, необходимо учитывать природные особенности территории. Главное в нем - это климат.

Тенденции внутреннего туризма. Мировой опыт

Туризм становится одним из основных факторов, создающих новые рабочие места, ускоряющих развитие дорожного и гостиничного строительства, стимулирующих производство всех видов транспортных средств, способствующих сохранению местных и национальных народных ремесел, и национальной культуры.

В начале июля 2021 года был подписан закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Этот документ вводит понятие "агротуризм». Агротуризм - это сектор индустрии туризма, который фокусируется на использовании природы, культуры, истории и других сельских ресурсов, и их характеристик для производства комплексных туристических продуктов. Туристы ведут сельский образ жизни, знакомятся с местной культурой и обычаями, участвуют в традиционной сельской работе.

Законом, принятым в 2021 году, утверждена программа развития нового направления внутреннего туризма до 2030 года. Согласно документу, сельский туризм (агротуризм) признан приоритетным направлением государственной политики на ближайшую перспективу, наряду с внутренним, социальным, выездным, любительским и детским туризмом. В 2021 году в эту отрасль было инвестировано более 520 миллиардов рублей. В сельской местности и небольших городах нашей страны большое количество денег было потрачено на строительство новых мини-отелей, современных гостевых домов, частных коттеджей и других объектов гостиничного типа.

Это направление набирает популярность в разных странах, и путешественники с

удовольствием выезжают в сельскую местность и небольшие города, где проживает до 30 тысяч жителей. Агротуризм особенно развивается во Франции, Италии и Испании [11]. Сегодня доходы российских фермеров от агротуризма не превышают 1%. Государственная поддержка сельского туризма должна стимулировать сельский бизнес, раскрывать гостеприимство людей и поддерживать традиционные ремесленные приемы.

Зарубежный опыт развития туризма в малых населенных пунктах

Для формирования объекта в Аннинском районе Воронежской области рассмотрим зарубежный опыт развития туризма в малых населенных пунктах.

Хороший пример развития сельского туризма отслеживается в Италии, Франции, Нидерландах и в Великобритании. Италия признана лидером в области сельского туризма в Европе, получая прибыль около 350 000 млн. долларов в год. Европейский союз, используя пример Италии, считает, что сельский туризм - это способ спасти сельское хозяйство в Западной Европе.

Сельский туризм также позволяет найти средства и способы защиты природы. Во многих странах развитие этого вида туризма стало основным направлением охраны и воссоздания сельских ландшафтов в стране. Таким образом, были сохранены луга швейцарских Альп, мельницы и каналы Нидерландов, старые парки и виллы Италии. Развитие сельского туризма является инструментом моделей перераспределения, направленных на сокращение разрыва между наиболее отсталыми сельскими районами и другими секторами экономики.

В Европейском союзе реализуется программа «LEADER», то есть "Совместные мероприятия по развитию сельской экономики". Поддерживать проекты, направленные на развитие сельских районов, инициированные на местном уровне. Первая фаза программы осуществлялась с 1991 по 1993 год, вторая - с 1994 по 1999 год, а фаза «LEADER+» - с 2000 по 2006 год. В настоящее время (2014-2020) программа " LEADER+» была расширена, чтобы охватить не только сельские, но и прибрежные районы малых городов в рамках общей концепции территориального развития через региональное развитие под руководством сообщества (CLLD), что в переводе означает «Местное развитие силами местного населения» [10].

Ярким примером реализации подхода программы «LEADER+» является местная инициативная группа "Стражницко", расположенная в Южной Моравии (Чешская Республика), регионе "чистого" туризма в Центральной Европе. Муниципалитеты региона объединили усилия с целью устойчивого развития, в частности создание сети маршрутов и зеленых насаждений, охрана культурного наследия и создание комфортной среды для местных жителей и гостей города [11].

Следовательно, из анализа мирового опыта можно понять, что формирование агротуризма в Аннинском районе Воронежской области является современной тенденцией, в развитии мирового туризма или отдельно взятой страны. Поэтому, и в России в свете развития данного туристического направления целесообразно появление подобного объекта.

Таким образом, из анализа мирового опыта можно понять, что формирование агротуризма в Аннинском районе Воронежской области является современной тенденцией в развитии мирового туризма или отдельно взятой страны. Создание таких объектов целесообразно. Следующим этапом для определения тенденций развития прогнозируемого объекта является отечественный анализ существующих объектов.

Краснодарский край

С 2017 года в регионе действует Региональная ассоциация агротуризма. Фермы, которые принимают гостей по программе сельского туризма, расположены в небольших городах и в кубанских станицах. Рядом находятся сады с арбузами, кукурузой, помидорами, вишнями, черешней, яблоками, персиками, сливами и абрикосами. Страусиные фермы в Краснодарском крае рады принимать туристов. Загородная база отдыха на Кубани учит посетителей собирать урожай и ухаживать за животными, в обмен на работу на ферме

туристы получают скидки на жилье и другие услуги. «Гостеприимный хозяин угощает гостей свежим деревенским молоком, сыром и охотно водит их на экскурсии. Многие сельские усадьбы имеют собственные бани, пасеки и пруды-хранилища» [11].

Воронежская область

В одном из регионов России, родине орловского рысака и известном как плодородный край, активно развивается агротуризм. Воронежская область расположена в южной части страны. Водители, которые едут по федеральной трассе М-4 к Черному и Азовскому морям, часто делают здесь перерыв. Туристов ждет прекрасная природа центральной России, мягкий климат и интересные достопримечательности - музей-заповедник "Дивногорье", Ольденбургский дворцовый комплекс в Рамоне, «...меловые пещеры и монастыри Белогорья и Костомарово. В Боровском районе стоит посетить конезавод, «Дом ремесел», ферму по выращиванию грибов вешенок и попробовать ароматную клубнику из местной теплицы. В Хреновском бору рекомендуется попробовать вкуснейший кумыс - целебное конское молоко, которым жители Воронежской области лечатся с конца 19 века в рамках традиционной медицины» [10].

Ставропольский край

Один из самых мощных сельскохозяйственных регионов России развивает аграрный туризм в 17 районах и 1 городе. В Ставропольском крае туристов встречают базы отдыха, частные усадьбы, гостевые дома, загородные отели, конефермы, дома рыбаков и охотничьи хозяйства. Популярны экскурсии на винодельни, арбузные заводы, перепелиные фермы и пасеки. Многие люди приезжают посмотреть на лучших скаковых лошадей страны, которых разводят на Терском конезаводе. В Анапсенковском районе туристов знакомят с разведением тонкорунных овец, а в Предгорном - с работой форелеводческих ферм.

Крайним этапом для определения тенденций развития прогнозируемого объекта является анализ существующей транспортной доступности. Местоположение Аннинского района отразилось на характере внешних транспортных связей. Аннинское городское поселение — один из крупных транспортных узлов в области.

Автомобильные сообщения. По территории поселения проходит автодорога федерального значения А-144 "Курск-Воронеж-Борисоглебск". Дороги местного значения общего пользования, находящиеся в собственности Воронежской области, проходят по территории населенных пунктов: "Анна - Бобров", "Анна - Мосоловка" пассажирские перевозки в межпоселенческих сообщениях осуществляются в основном автобусным и маршрутным транспортом.

Железнодорожный транспорт. С северо-запада к Аннинскому ГП подходит тупиковый путь от станции. Графская (линия Грязи-Воронеж).

Создание подобного объекта в Аннинском районе Воронежской области обеспечит в масштабах области и Черноземья туристический поток, надежную экономическую поддержку, комфортную среду для жителей района и гостей, кроме этого, Сельский туризм не оказывает негативного воздействия на окружающую среду и в то же время вносит значительный вклад в развитие региона.

Выводы

Проанализировав теоретический и практический мировой опыт в развитии малого туризма, оценив предпосылки Аннинского района Воронежской области, взяв во внимание природные ресурсы, можно сделать вывод о том, что верным и современным решением станет формирование агротуризма, выявляется его значительное преимущество из сектора туристической индустрии.

В настоящее время одной из важнейших задач современного градостроительства на долгосрочную перспективу является развитие отечественного туризма. Из-за ограничений выездной туризм сократился до минимума, но и внутренний туризм претерпевает изменения. По этой причине в России и была создана программа по развитию сельского туризма [10].

Исследования различных объектов показывают, что их значимость растет не только

как культурная ценность, но и как экономическая поддержка. Развитие местного туризма сейчас актуально как никогда, опираясь на существующий опыт и проведенный анализ, можно прийти к выводу, что агротуризм необходим для приспособления к современным потребностям.

Библиографический список:

1. Государственный список памятников истории, архитектуры и археологии Воронежской области / Госинспекция охраны историко-культурного наследия Воронежской области

2. Кадастр особо охраняемых территорий Воронежской области / под ред. О.П. Негрובה. Воронеж.: ВГУ, 2001. - 146с.;

3. Особенности устойчивого развития сельских территорий и совершенствование социально-трудовой сферы села в новой региональной экономике Семин. А.Н.

4. Развитие Сельского туризма в центрально-черноземном районе. Медков Андрей Леонидович, ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР России Россельхозакадемии. Воронеж - 2012

5. Роль местного самоуправления в развитии сельских территорий [Материалы Всероссийской НПК «Местное самоуправление на селе: опыт, проблемы, решения»] [Текст] // Экономика сел. хоз-ва России. - 2007. - № 7 - С. 21-24

6. Енин А.Е. Архитектурно-градостроительная концепция формирования агротуристического кластера в городской агломерации Тамбова/Топильская А.А.//Архитектурные исследования. 2019. № 4 (20). С. 110-120.

7. Енин А.Е. Адаптация мирового опыта в формировании культурно-исторических кластеров/ Сердюк Я.В., Слободская Е.А.// Архитектурные исследования. 2021. № 1 (25). С. 131-139.

8. Енин А.Е. Функционально-пространственная организация ландшафтно-рекреационных пространств в архитектурно-градостроительной системе Воронежской агломерации/Грошева Т.И.// Известия вузов. Строительство 2021. № 10 с. 440-54

9. Енин А.Е., Архитектурная туристско-рекреационная система центрально-черноземного региона России/Азизова-Полуэктова// А.Н. Архитектура и строительство России. 2017. № 1 (221). С. 53-58.

10. Енин А.Е., Архитектурная туристско-рекреационная система: структура, свойства, отношения/Азизова-Полуэктова А.Н.// Юг России: экология, развитие. 2017. Т. 12. № 1. С. 139-147.

11. Енин А.Е., Туризм и отдых в центрально - черноземном регионе России / Азизова-Полуэктова// А.Н. (системные основы формирования и развития инфраструктуры) / Воронеж, 2014.

Электронный ресурс:

12. Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0>

13. Внутренний туризм в Воронежской области: Аннинский район https://360n.ru/travel/for-tourists/54634-vnutrenniy-turizm-v-voronezhskoy-oblasti-anninskiy-rayon?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

14. Официальный сайт Аннинского городского поселения <http://anna-city.ru/glava.html>

15. Официальный сайт администрации Аннинского муниципального района Воронежской области <https://annaraionadm.ru/> 90

16. Отечественный и зарубежный опыт развития сельских территорий на основе общественного самоуправления и сельского туризма <http://edrv.ru/article/05-07-20>

17. Сельский туризм в России 2022 <https://www.kp.ru/russia/selskij-turizm-v-rossii/>

Bibliographic list

- 1.State List of Historical, Architectural and Archaeological Monuments of Voronezh Oblast / State Inspectorate for Historical and Cultural Heritage Protection of Voronezh Oblast.
- 2.Cadastrе of specially protected territories of Voronezh Oblast / edited by O.P. Negrobov. Voronezh.: Voronezh State University, 2001. - 146с.;
- 3.Peculiarities of sustainable development of rural areas and improvement of social and labor sphere of the village in the new regional economy Semin. A.N.
- 4.Development of Rural Tourism in the Central Black Earth Region. Medkov Andrey Leonidovich, GNU NIIEOAPK TsKhr Russia Rossel'khozacademy. Voronezh - 2012.
- 5.Role of local self-government in the development of rural areas [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Local self-government in rural areas: experience, problems, solutions"]. [Text] // Rural economy of Russia. - 2007. -№ 7 - С. 21-24
6. Enin A.E. Architectural and urban planning concept of the formation of an agrotouristic cluster in the urban agglomeration of Tambov / Topil'skaya A.A. // Architectural studies. 2019. № 4 (20). S. 110-120.
7. Enin A.E. Adaptation of world experience in the formation of cultural and historical clusters / Serdyuk Ya.V., Slobodskaya E.A.// Architectural studies. 2021. № 1 (25). S. 131-139.
8. Enin A.E. Functional and spatial organization of landscape and recreational spaces in the architectural and urban planning system of the Voronezh agglomeration / Grosheva T.I.// Izvestiya vuzov. Construction 2021. No 10 p. 440-54
9. Enin A.E., Architectural tourist and recreational system of the central chernozem region of Russia / Azizova-Poluektova // A.N. Architecture and construction of Russia. 2017. № 1 (221). S. 53-58.
10. Enin A.E., Architectural tourist-recreational system: structure, properties, relations / Azizova-Poluektova A.N.// South of Russia: ecology, development. 2017. T. 12. № 1. S. 139-147.
11. Enin A.E., Tourism and Leisure in the Central Black Earth Region of Russia / Azizova-Poluektova // A.N. (System Foundations of The Formation and Development of Infrastructure) / Voronezh, 2014.

Electronic resource:

- 12.Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0>
- 13.Domestic tourism in the Voronezh region: Annino district https://36on.ru/travel/for-tourists/54634-vnutrenniy-turizm-v-voronezhskoy-oblasti-anninskiy-rayon?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
- 14.Official site of Anninsky urban settlement <http://anna-city.ru/glava.html>
- 15.Official site of Anninsky municipal district administration of Voronezh region <https://annaraionadm.ru/> 90
- 16.Domestic and foreign experience of rural territories development on the basis of public self-government and rural tourism <http://edrj.ru/article/05-07-20>
- 17.Rural tourism in Russia 2022 <https://www.kp.ru/russia/selskij-turizm-v-rossii/>

PECULIARITIES OF THE NATURAL AND ECOLOGICAL FRAMEWORK AND RESOURCE POTENTIAL OF TOURISM DEVELOPMENT OF ANNINSKY DISTRICT OF VORONEZH REGION

A.E. Enin, D.R. Zvereva

Enin A.E., honored architect of the Russian Federation, kand. architecture, professor, VGTU, Voronezh, Russia, e-mail: a_yenin@mail.ru
Zvereva D.R., VSTU, Master's degree in urban Planning, directions "Architectural and urban planning research and design of ecological systems
"population - environment", Voronezh, Russia, tel.: +7 (915) 544-99-09,
e-mail: d-romanovna1@yandex.ru

Problem Statement. The task in this article is to study the principles of formation of the natural and ecological framework of the Annino district of Voronezh region, the identification of features. Analysis of natural resources, identifying positive prerequisites for tourism development, the study of foreign and domestic experience of creating domestic tourism.

Results and conclusions. Based on the studied world experience of domestic tourism development, analyzing the municipality, identifying positive prerequisites, justified the proposal, the need for tourism development on the territory of the Annino district of the Voronezh region. The sector of the tourism industry is defined.

Key words: natural and ecological framework, resource, landscape, recreation, domestic tourism, agrotourism, economy, Annino district, Voronezh region.

СОХРАНЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРИРОДНЫХ ЗАКАЗНИКОВ ЦЧР

А.А. Проценко, Н.Н. Болкунова

Н.Н. Болкунова, доктор экономических наук, доцент, кафедра градостроительства, Россия, Воронеж, e-mail: nn_bolkunova@mail.ru
А.А. Проценко, магистр по направлению «Современные концепции и практика градостроительства», кафедра градостроительства, ВГТУ, Россия, Воронеж, e-mail: nastyaprotcenko@yandex.ru

Постановка задачи. В данной работе рассмотрены заповедники, распложенные в ЦЧР. Подняты проблемы сохранения и функциональной востребованности природных заказников.

Результаты и выводы. Рассмотрено текущее состояние ООПТ, их роль в природе, а также их современное состояние. Изучены возможности сохранения и развития заповедников ЦЧР. Выявлена важность ООПТ. Выдвинуты предложения для сохранения и повышения роли государственных природных заказников.

Ключевые слова: заповедник, сохранение, расширение, экологическая проблема, эксплуатация, флора.

Введение

Природные заповедники играют чрезвычайно важную роль в сохранении популяций животных и мест их обитания. Однако изменение ландшафта и необоснованное зонирование охраняемых территорий часто подвергается нерациональному использованию. Поэтому регулярная оценка эффективности охраняемых земель имеет решающее значение для поддержания и совершенствования стратегий управления [1].

Природные заповедники – это места, где дикая природа - растения и животные-охраняется и не нарушается, и это иногда может означать продолжение или восстановление прежних методов управления земельными ресурсами, которые первоначально помогли сделать их богатыми дикой природой.

Быстрое экономическое развитие и рост численности населения за последнее столетие значительно усилили угрозы экосистемам Земли, и особенно находящимся под угрозой исчезновения некоторых видов животных. Нахождение баланса между сохранением и развитием по-прежнему является проблемой во всем мире, и еще более сложной в странах с большим населением.

Изменения в землепользовании и связанное с ними давление сильно снижают местное наземное биоразнообразие. По этой причине изменения в землепользовании становятся силой глобального значения, хотя в целом это считается местной экологической проблемой. Несколько десятилетий исследований неоднократно демонстрировали снижение биоразнообразия из-за потери, модификации и фрагментации мест обитания, деградации почвы и воды, а также чрезмерной эксплуатации местных видов.

Заповедник «Белогорье»

Заповедник был создан в 1925 году и до 1999 года состоял из одного участка «Лес в Ворскле». Участки заповедника находятся в Борисовском (участки «Лес на Ворскле» и «Острасевы Яры»), Губкинском (участки «Лысые горы» и «Ямская степь» у города Старый Оскол) и Новооскольском (участок «Стены Изгорья») районах Белгородской области на юго-западной окраине Среднерусского нагорья. Рельеф района, несмотря на небольшие размеры, очень разнообразен и типичен для высокогорных дубрав лесостепи. Мы можем выделить три различных структуры поверхности площадки. Животный мир заповедника очень разнообразен. Особенно богата и разнообразна орнитофауна. Широкий спектр

местообитаний на небольшой территории, а также относительно небольшая антропогенная нарушенность территории обуславливают очень высокое биологическое разнообразие.

Рис. 1. Заповедник «Белогорье»

Источник: <https://blogtravel.by/dostoprimechatelnosti-belgoroda/>

Воронежский биосферный заповедник

Биосферный заповедник «Воронежский» расположен на территории двух субъектов Российской Федерации (Липецкой и Воронежской областей) и пяти муниципальных образований (Усманский, Верхне-Хавский, Рамонский, Новоусманский муниципальные районы и Железнодорожный городской округ г. Воронежа). Многие сельские населенные пункты расположены непосредственно у границ БР.

Как особо охраняемая природная территория Воронежский государственный природный заповедник был создан в 1923 году для охраны бобра. Позднее заповедник стал комплексным и осуществлял охрану природных комплексов островного бора в лесостепной зоне России. В 1985 году заповедник был объявлен ЮНЕСКО биосферным заповедником. На территории заповедника выделены ядро и охранная зона [2]. Площадь: 38 783 га. На территории находится более ста пользователей земельными и лесными угодьями. Земельные и лесные участки сдавались в аренду или безвозмездно использовались для сельскохозяйственной и рекреационной деятельности, а также заготовки и обработки древесины, религиозной деятельности и т.п.

За последние 10 лет количество туристов, посещающих заповедник, увеличилось в 4-5 раз. Это связано с обновлением и развитием туристической инфраструктуры (экотропы, рекреационные зоны).

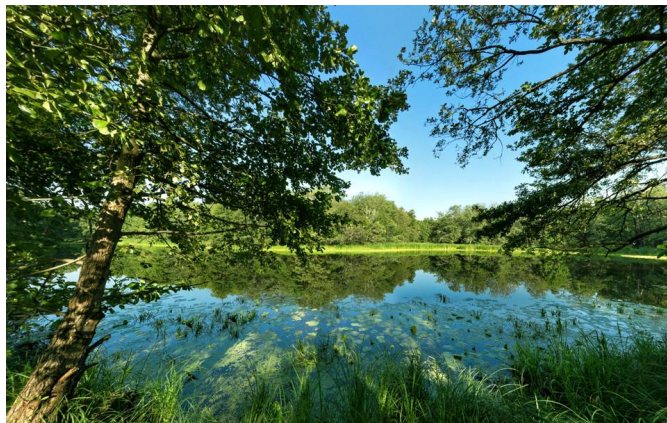

Рис. 2. Воронежский биосферный заповедник

Источник: <https://triprated.ru/dostoprimechatelnosti-voroneja/>

Воронинский заповедник

Парк расположен в среднем течении реки Ворона на территории Кирсановского и Инжавинского районов (Тамбовская область). Растительность заповедника полностью не изучена. Геоботанические исследования показывают наличие около 600 видов сосудистых растений, что составляет около 2/3 всей флоры сосудистых растений. В целом обнаруженная растительность заповедника составляет 60% потенциальной флоры [3].

Природный парк содержит типичную флору южной лесостепи. Различные виды животных изучены неравномерно. Детально изучена фауна позвоночных. В настоящее время в заповеднике встречается более 29 видов рыб, 7 видов земноводных, 6 видов рептилий, 126 видов птиц, 26 видов млекопитающих. Встречается также ряд редких видов: украинская минога, волжская минога, дзанте, гадюка Никольского, орлан-белохвост, ондатра.

Рис. 3. Воронинский заповедник

Источник: <https://pibig.info/108771-reka-vorona.html>

Заповедник «Галичья Гора»

Галичья гора площадью всего 2,3 квадратных километра является самым маленьким природным заповедником в России. На этой относительно небольшой территории, расположенной в Липецкой области, произрастает более 650 видов растений, многие из которых обычно не растут в этом климате. Несмотря на небольшую площадь, в нем разместилось большое количество уникальных природных объектов. Главной достопримечательностью заповедника являются его скалы, которые весной и летом скрывают буйную растительность.

Рис. 4. Заповедник «Галичья Гора»

Источник: <https://gotonature.ru/story/page/6/>

Хоперский заповедник

Расположен в восточной части Воронежской области и раскинулся по середине реки Хопёр. Хоперский заповедник — один из немногих в мире, имеющих такую вытянутую форму. Его ширина не превышает 9 километров. Более 16 000 га площади расположены на пойменных лугах и горных террасах Хопра. Эта древняя долина имеет ледяное происхождение, что объясняет сохранившиеся воспоминания и некоторые виды животных. Более 80% территории покрыто лесами, входящими в состав древнего Теллерманского леса. Хоперский заповедник уникален еще и тем, что находится на границе степной и лесостепной зоны. Этим объясняется такое разнообразие растений, которого нет даже в более крупном Воронежском биосферном заповеднике. В районе есть несколько пойменных озер, самое большое из которых около 4 километров. Охраной и изучением флоры и фауны этих озер занимаются работники заповедника.

Рис. 5. Хоперский заповедник

Источник: <https://about-planet.ru/priroda-azii/khoperskij-zapovednik>

Центрально-Черноземный биосферный заповедник

Площадь биосферного заповедника «Центрально-Черноземный заповедник» -42 км². Создан в 1935 году в составе Курской и Белгородской областей . Ярчайший образец лесостепи в Европе, заповедник состоит из типичных целинных степей и лиственных лесов.

Рис. 6. Центрально-Черноземный биосферный заповедник

Источник: <https://www.floranimal.ru/parks/rossiya/tsentralno-chernozemnyy-zapovednik/>

Сохранение и повышение роли заповедников ЦЧР

Для защиты и сохранения заповедников рекомендуются следующие принципы:

1. Сеть заповедников должна включать представительные области всех экосистем и должны включать систему культурных заповедников (культивируемые ландшафты с генетически ценными отечественными сортами и примерами жизнеспособных методов землепользования) [4].
 2. Следует должным образом учитывать неблагоприятные экологические воздействия на национальные парки других разработок (ирригация, гидроэлектростанции, чрезмерный туризм и т.д.).
 3. Рост численности населения и загрязнение окружающей среды, возникающие в результате сельскохозяйственной или промышленной деятельности за пределами парка, должны контролироваться в отношении управления парком.
 4. Необходимо предотвращать браконьерство животных, древесины или других продуктов парков и заповедников для удовлетворения местных потребностей или для продажи коммерческим интересам. Ситуация усугубляется нехваткой продовольствия, растущим спросом на сырье и существованием незаконных торговых сетей, торгующих продуктами дикой природы. Должно быть осведомление о том факте, что такое разрушение природных ресурсов ради сравнительно небольшой экономической выгоды может быть необратимым. [5].
 5. Необходимо повысить производительность сельскохозяйственных и пастбищных угодий, чтобы уменьшить нагрузку на парки и заповедники. Это требует справедливого распределения доходов от этой расширенной производительности.
 6. Интеграция заповедников с прилегающими видами землепользования необходима, чтобы избежать близости несовместимых форм землепользования и избежать разрушения ООПТ в результате вторжения застройки, предназначенной для облегчения других видов экономической деятельности, например, строительства плотин и водохранилищ, автомобильных дорог, населенных пунктов, добычи полезных ископаемых и промышленного развития.
 7. Обследования и инвентаризация ресурсов парка имеют важное значение.
 8. Для каждой области должно быть установлено определение целей и задач, которые необходимо выполнить, а также тех "естественных" условий, которые необходимо поддерживать.
 9. Особое внимание следует уделять при планировании мероприятий по приспособлению туризма к основной природоохранной функции заповедника.
 10. Необходима разработка систем зонирования для заповедников.
 11. Необходимо провести исследования пропускной способности парков и заповедников для животных и посетителей-людей и принять соответствующие меры для снижения нагрузки на ценности заповедников.
 12. Особое внимание следует уделять распространению результатов исследований среди заповедников.
 13. Следует разработать меры предосторожности в отношении исследовательской работы путем посещения ученых в ООПТ.
- Исследования в парках и заповедниках должны быть направлены в первую очередь на более адекватную защиту и управление их экосистемами. Исследования, которые не имеют непосредственного применения в управлении заповедников, должны быть отложены до удовлетворения потребностей в фундаментальных исследованиях, если только такие исследования не финансируются полностью из внешних источников и не мешают функциям природного заказника. Крайне важно, чтобы в заповедниках проводились обследования и инвентаризации, чтобы выявить природу и масштабы парковых экосистем и состояние популяций видов. Поддержка таксономических исследований, как ботанические, так и зоологические, должны быть доступны [6]. Экологический мониторинг должен проводиться на постоянной основе в каждом заповеднике. Он должен включать переписи, изучение

структуры популяции животных, исследования мобильности, непрерывную регистрацию климатических и растительных изменений, оценку патологии животных и растений, уровней и воздействия загрязняющих веществ, в частности биоцидов, и т.д. Последствия пожаров и других нарушений, а также давление туристов нуждаются в дополнительном изучении, чтобы обеспечить надлежащее управление экосистемами заповедника.

Выводы

Очевидно, что необходимость расширения существующих заповедников и обеспечения более адекватной защиты и управления такими охраняемыми территориями имеет важное значение. В отсутствие таких систем ухудшение состояния окружающей среды, вероятно, ускорится, поскольку без примеров потенциальной продуктивности природных экосистем человек может принять как норму продолжающуюся деградацию, сопровождающую плохую практику землепользования. Без запаса диких видов растений и животных, включая генофонды из прародителей наших домашних видов дальнейшая продуктивность одомашненных видов может оказаться под угрозой. Без защиты водоразделов и уязвимых районов заповедниками разрушение сельскохозяйственных угодий будет постоянной проблемой.

Библиографический список

- 1.Алехин В. В. Инструкция по геоботаническим исследованиям в заповедниках. — «Научно-методические записки», вып. 8. М., 1941.
2. Анучин Д. Н. Охрана памятников природы. М., 1914.
- 3.Банников А. Г. Заповедники и охрана природы. — В кн.: «Заповедники Советского Союза». М., 1969.
4. Бауэр Л., Вайничке Х. Забота о ландшафте и охрана природы. М., 1971.
5. Куражсковский Ю. Н. Ленин об охране природы и организации заповедников. — В сб.: «Охрана природы центрально-черноземных областей», вып. 3. Воронеж, 1960.
6. Трещевский И. В. Значение защитного лесоразведения в повышении производительности сельскохозяйственных угодий. — В сб.: «Природные ресурсы Воронежской области и их охрана». Воронеж, 1974.

Bibliographic list

1. Alekhin V. V. Instructions for geobotanical research in reserves. - "Scientific and methodological notes", vol. 8. M., 1941.
2. Anuchin D. N. Protection of natural monuments. M., 1914.
3. Bannikov A. G. Nature reserves and conservation. - In the book: "Reserves of the Soviet Union". M., 1969.
4. Bauer L., Vainichke X. Landscape care and nature conservation. M., 1971.
5. Kurazhskovsky Yu. N. Lenin on the protection of nature and the organization of reserves. - In Sat: "Nature Protection of the Central Chernozem Regions", vol. 3. Voronezh, 1960.
6. Treshchevsky IV The value of protective afforestation in improving the productivity of agricultural land. - In: "Natural resources of the Voronezh region and their protection." Voronezh, 1974.

PRESERVATION AND INCREASING THE ROLE OF THE STATE NATURAL RESERVES OF THE CCR

A.A. Protsenko, N.N. Bolkunova

N.N. Bolkunova, doctor of economics, associate professor, department of urban planning, Russia, Voronezh, e-mail: nn_bolkunova@mail.ru

A.A. Protsenko, master's degree in "Modern Concepts and Practice of Urban Planning", department of urban planning, VSTU, Russia, Voronezh, e-mail: nastyaprotcenko@yandex.ru

Formulation of the problem. In this paper, the reserves located in the Central Chernobyl region are considered. The problems of conservation and functional relevance of nature reserves are raised.

Results and conclusions. Considered the current state of protected areas, their role in nature, as well as their current state. The possibilities of conservation and development of reserves of the Central Chernozem region were studied. The importance of protected areas has been revealed. Proposals have been put forward for preservation and enhancement of the role of state nature reserves.

Key words: nature reserve, conservation, expansion, environmental problem, exploitation, flora.

РЕЖИМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КВАРТАЛЬНОЙ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ВОРОНЕЖА

А.Э. Заплавная, А.Е. Енин

Енин А.Е., канд. архитектуры, профессор, декан факультета архитектуры и градостроительства, ВГТУ, Воронеж, Россия; тел.+79103426633, e-mail: a_yenin@mail.ru.

Заплавная А.Э., аспирант по специальности «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия», Воронеж, Россия; тел.+79009471797, e-mail: A.zaplavnaya@yandex.ru.

Постановка задачи. Преобразование городской среды в историческом центре современного крупного города осуществляется с целью актуализации количественных и качественных показателей, обусловленных социо-экономическими стратегическими программами территориального планирования, в соответствии с действующей градостроительной регламентацией, в частности по охране объектов историко-культурной среды. На сегодняшний день действующая политика по градостроительной реконструкции современных исторических центров крупных городов привела к формированию типологических проблем функционально-пространственной организации жилой среды. В настоящем исследовании рассматриваются принципы материально-пространственной организации квартальной жилой застройки в условиях реконструкции историко-культурной среды на примере исторического центра г. Воронежа с целью выявления территорий возможной интенсификации и режимов по корректной градостроительной реконструкции.

Результаты и выводы. Определены морфотипы, а также режимы материально-пространственной модернизации квартальной жилой застройки в историко-культурной среде г. Воронежа, а также обоснована необходимость разработки определенной методики реконструкции для конкретного объекта на основе выявленных закономерностей при анализе обусловленности жилой среды на процесс реконструкции с учетом исходных параметров градостроительного объекта.

Ключевые слова: реконструкция, жилая среда, системный анализ, градостроительная регламентация.

Введение

В настоящее время архитектурно-планировочная структура исторического центра современного крупного города определена архитектурными объектами, различными между собой как по архитектурно-стилистическим, так и по объемно-пространственным параметрам, что накладывает определенные ограничения в исследовании способов оптимизации качественных показателей жилой среды. Выдвигается гипотеза о том, что дифференциация жилой среды по материально-пространственным параметрам, выраженных в систематизированных типологических единицах, определяемых в статье как «морфотип застройки», может стать инструментом по корректной реконструкции жилых структур в историческом городском центре. В исследовании проводится ретроспективный анализ архитектурно-планировочной структуры исторического центра г. Воронежа с целью определения принципов ее формирования. В результате выявленные принципы определены и систематизированы конкретными «морфотипами застройки».

Исследование основывается на труды Гутнова А.Э. [2] в области градостроительной реконструкции, работы Волковой Т.Ф. и Хасиевой С.А. [1, 13], направленные на поиск отдельных методов модернизации архитектурно-планировочной структуры, также используются термины и результаты исследований авторов настоящей статьи в области технического подхода в реконструкции жилой среды [3-7].

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных выводов и рекомендаций при разработке градостроительной документации: генеральных планов и правил землепользования и застройки городских округов, проектов планировки и проектов межевания кварталов и микрорайонов в исторических частях городов, а разработанная методика определения режимов реконструкции историко-

культурной среды может быть использована при оценке проектных решений на различных стадиях проектирования. В результате выявления своеобразного фонда преемственных историко-градостроительных ценностей на исследуемой территории актуализирована и систематизирована информация об архитектурно-планировочной структуре, материально-пространственных проблемах организации жилой среды, историко-культурном потенциале застройки исторического центра г. Воронежа.

1. Материально-пространственные морфотипы квартальной жилой застройки центральной части города Воронежа

Реконструкция жилых структур определяется характеристиками искусственной антропогенной среды, выраженной в рамках исследования в параметрах архитектурно-планировочной структуры (далее по тексту: АПС): силуэт застройки; тип застройки; технико-экономические показатели объекта; транспортно-пешеходные коммуникации. Материально-пространственные характеристики рассматриваются на основе ранее выявленной типологии разделения структур жилой среды по культурным включениям в рамках анализа системных принципов реконструкции историко-культурной среды центральной части г. Воронежа [6-7]: “Разделение структур жилой среды по культурным включениям дает возможность качественно и количественно проанализировать градостроительные и функциональные элементы ее организации” [7]. В зависимости от периода застройки исторической части города характер расположения объектов и их влияние на архитектурно-планировочную структуру различны.

Историческая застройка определяется разноприродными архитектурными объектами, которые формируют различные принципы организации АПС и исторически сложившиеся морфотипы блокированной и периметральной застройки в зависимости от периода. Выделяется три группы: здания к. XVII по 1918 г., здания 1930-1950-х гг., здания 1950-х гг.

Первую группу исторической застройки составляют здания к. XVII по 1918 г. Исследуемая территория историко-культурной среды центрального района г. Воронежа сформирована архитектурными объектами данной типологической группы в том числе относящихся на момент исследования к жилому фонду. Объекты преимущественно формируют планировочный каркас кварталов исследуемого района, так как внутриквартальная планировочная структура зависит от расположения объектов данной типологической группы (ОКН и градостроительных регламентов по их охране). В свою очередь объекты данной группы подразделяются по типу организации АПС квартала блокированного (застройка XVII - XIX в.) и периметрального (застройка к. XIX в.) типа (таблица 1).

Вторую группу исторической застройки определяют здания стилистики конструктивизма 1920-1950-е гг. Стоит отметить, что в данном исследовании учитываются объемно-пространственные параметры данной группы: “здания, построенные в 1930-х гг. в стилистике конструктивизма, разрушенные в военный период и восстановленные в послевоенный период со стилистическим изменением на советский неоклассицизм могут считаться следующим периодом в процессе эволюции стилистики конструктивизма в архитектуре города Воронежа” [8]. Исследуемая территория историко-культурной среды центрального района г. Воронежа сформирована архитектурными объектами данной типологической группы в том числе относящихся на момент исследования к жилому фонду. Данные объекты являются этапом реконструкции АПС исторически сложившегося центра г. Воронежа преимущественно усиливают принципы регулярности и поддерживают периметральный тип застройки (таблица 1).

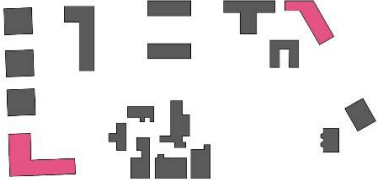
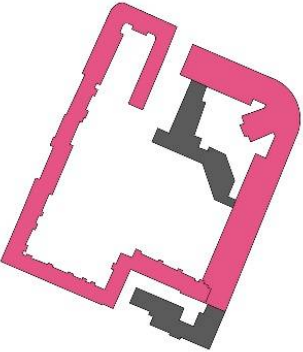
Третью группу исторической застройки составляют здания стилистики советского неоклассицизма 1950-е гг. Исследуемая территория историко-культурной среды

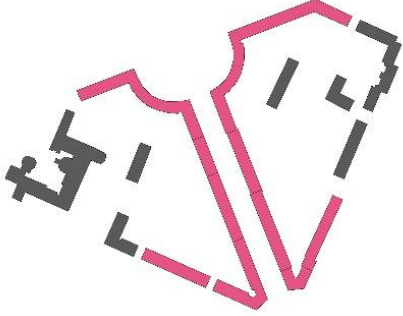
центрального района г. Воронежа сформирована архитектурными объектами данной типологической группы в том числе относящихся на момент исследования к жилому фонду. Данные объекты нарушают принципы регулярности, заложенные по генеральному плану 1774 г. и определяют ансамблевые пространства исследуемой территории, поддерживая периметральные принципы застройки.

Таким образом, разноприродные историческая застройка формировала АПС исторического центра г. Воронежа к 1960 г.: “Несмотря на различную стилистическую направленность, высотные, конструктивные и иные характеристики все объекты планировочного каркаса формировали гармоничную и положительную для восприятия человеком композиционную структуру” [6]. Так как здания стилистики конструктивизма и советского неоклассицизма интегрировались в существующую застройку, тем самым меняя исторический морфотип застройки (блокированный или периметральный) на комбинированный, выделить ансамблевый исторический морфотип застройки не представляется возможным. В результате ретроспективного анализа АПС исследуемой территории в четырех периодах (архивные материалы 1852 г., 1900 г., 1943 г. и 1959 г.), а также натурного обследования АПС, проведенного в 2022 г., авторами выделяются три исторических морфотипа застройки: блокированный, периметральный и комбинированный. Данные сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Исторические морфотипы застройки исторического центра г. Воронежа

Наименование	Схема морфотипа исторической застройки	Определение типа организации планировочной структуры
Застройка XVII - XIX в.		Блокированный тип организации планировочной структуры квартала определялся зданиями к. XVII - XIX в. стилистическая направленность которых не определяла градоформирующие принципы.
Застройка к. XIX в.		Периметральный тип организации планировочной структуры квартала определялся зданиями к. XIX в., когда эпоха классицизма определяла градоформирующие принципы Регулярного города.
Застройка 1930-х гг.		Комбинированный тип организации планировочной структуры квартала определялся зданиями стилистики конструктивизма 1930-х гг., поддерживающее принципы периметрального типа организации застройки.

<p>Застройка 1950-х гг.</p>		<p>Здания 1950-х гг. стилистики советского неоклассицизма определяют ансамблевые пространства исследуемой территории, поддерживающие принципы периметрального типа организации застройки.</p>
------------------------------------	---	---

Таким образом, исторические морфотипы застройки, сложившиеся к кон. 1950-х гг. определяются этапами становления планировочной структуры Древнего и Регулярного города. Сводные данные приведены на схеме исторических морфотипов застройки (рис. 1).

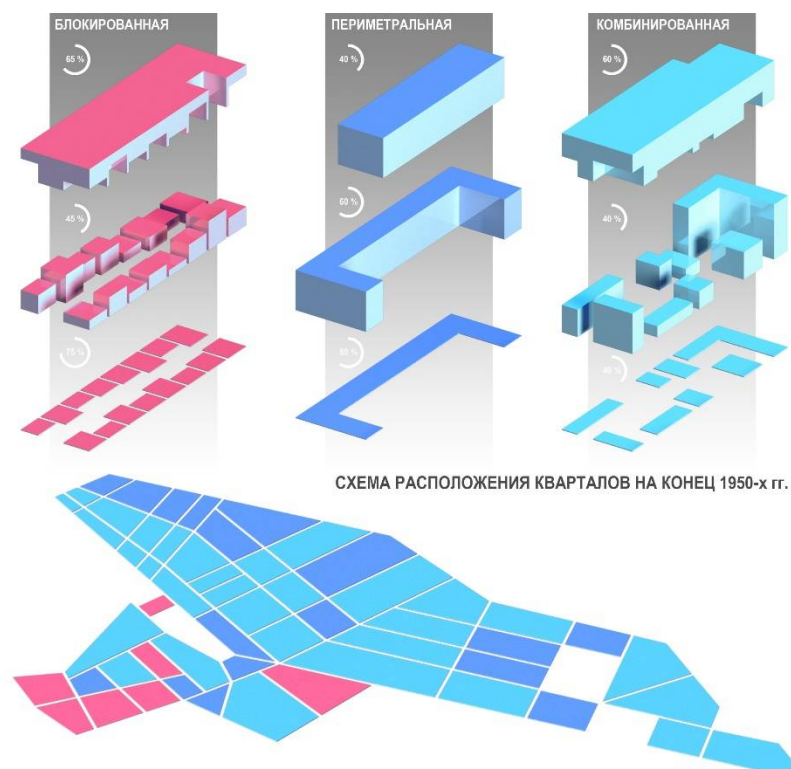

Рис. 1. Схема исторических морфотипов застройки центральной части г. Воронежа к 1960 г.

Нейтральная застройка определяется зданиями одного временного периода, не имеющих положительных нематериальных характеристик. Нейтральная застройка формирует определенным образом архитектурно-планировочный каркас исторической и других частей города. Фрагментарно по всем административным и жилым районам города архитектурно-планировочная структура г. Воронежа сформирована архитектурными объектами данной типологической группы. Так, в историческом центре здания формируют строчную застройку, поддерживая периметральный исторический морфотип застройки (рис. 2).

Объекты нейтральной застройки являются первым этапом модернизации АПС г. Воронежа 1960-1980-х гг. равномерно распределенными периметральным типом организации по всей территории исследования и разрушающие архитектурно-стилистическую и композиционную целостность исторического центра города.

КВАРТАЛЫ РЕГУЛЯРНОГО ГОРОДА 1960-х гг.

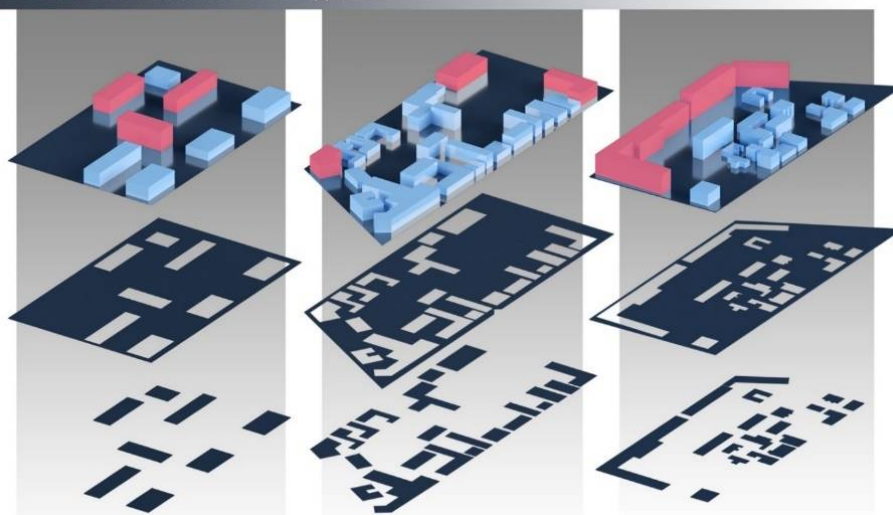

Рис. 2. Модернизация исторических морфотипов застройки жилых кварталов Регулярного города 1960-х гг. Красным цветом отмечены объекты нейтральной застройки.

Современная застройка характеризуется актуальными архитектурными, конструктивными и функциональными параметрами жилой среды, формирующих архитектурно-планировочный каркас исторической и других частей города. Определяется специфичностью со стороны характера формирования в архитектурно-пространственные структуры г. Воронежа. Так, в историческом центре здания формируют точечную застройку, так как внутриквартальная планировочная структура зависит от расположения объектов культурного наследия и градостроительных регламентов по их охране (рис. 3).

Объекты современной застройки определяют второй этап модернизации АПС г. Воронежа 2000-2020-х гг., равномерно распределенными по всей территории исследования дискретным типом организации планировочной структуры и разрушающие архитектурно-стилистическую и композиционную целостность исторического центра города.

КВАРТАЛЫ РЕГУЛЯРНОГО ГОРОДА 2020-х гг.

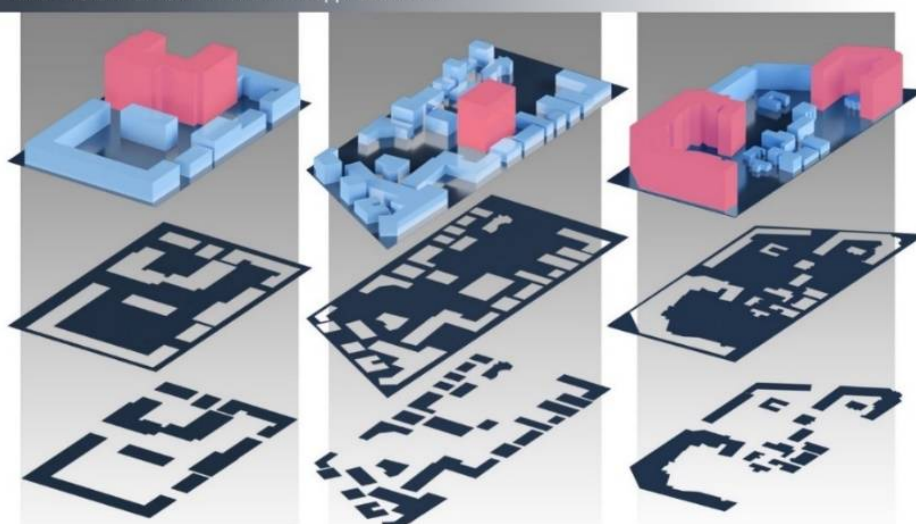

Рис. 3. Модернизация исторических морфотипов застройки жилых кварталов Регулярного города 2020-х гг. Красным цветом отмечены объекты современной застройки.

Таким образом, сложившаяся архитектурно-планировочная структура исследуемой территории не сохранила целостного исторического морфотипа застройки. Согласно проведенному анализу, можно прогнозировать “тенденцию к дальнейшей модернизации архитектурно-планировочной структуры исторического центра г. Воронежа, посредством

появления новых полифункциональных и крупномасштабных объектов на месте неопределенных зон конфликтных ситуаций” [6], что негативно определяет два стратегических направления в развитии жилой среды исследуемой территории, где процесс культурной идентификации будет определять новые деградирующие территории, а мероприятия социально-экономического развития поддерживать процесс композиционной дифференциации.

2. Проблемы материально-пространственной организации квартальной жилой застройки центральной части города Воронежа

Согласно проведенным натурным исследованиям и ретроспективному анализу архитектурно-планировочной структуры исследуемой территории, наблюдается модернизация принципов ее организации (рис. 4). Во-первых, декомпозиция архитектурно-планировочной структуры – представлен в виде неравномерного распределения функциональной нагрузки, выраженной в первую очередь в крупномасштабных объектах современного строительства. Во-вторых, разрушение исторически-сложившихся морфотипов застройки –помимо разрушения целостности восприятия объектов ИКС крупномасштабными объектами нового строительства модернизации подвергается планировочная структура, существующие в ней коммуникационные процессы и связи. В-третьих, глобализация – процесс глобализации не только изменил качественные показатели к требованиям жилой среды, но больше количественные, что каждый день создает новые экологические, социокультурные, экономические и другие проблемы как глобального, так и локального характера. Повышение количественных показателей модернизированной архитектурно-планировочной структуры снижает качественные показатели жилой среды как демозкосистемы: “экологические характеристики жилых кварталов ухудшаются из-за высокой плотности населения, застройки, транспорта” [5].

Рис. 4. Результаты исследования по типу организации объектами архитектурно-планировочной структуры центральной части г. Воронежа

3. Режимы градостроительной реконструкции квартальной жилой застройки центральной части города Воронежа

Мероприятия по изменению объемных характеристик объектов историко-культурной среды центральных районов городов, находящихся под государственной охраной, с целью

оптимизации и адаптации их под современный процесс функциональной интеграции могут быть осуществлены в рамках ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002. Согласно ст. 34, п. 2 зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности (далее по тексту: зона ЗРЗ) определяет “режим использования земель и земельных участков, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, и требования к реконструкции существующих зданий и сооружений” [11].

Большинство объектов нового строительства не только нарушают целостное восприятие исторического архитектурного облика города, но и поддерживают процесс дифференциации функциональной нагрузки в пространственно-планировочной структуре жилой среды: “Выявление зон конфликтных ситуаций имеет значительное влияние на этапе градостроительного анализа реконструируемого района на исключение процесса формализации современных действующих регламентов охраны объектов историко-культурной среды” [6]. Игнорирование объемно-пространственных параметров средового окружения приведет не только к потере историко-культурного, архитектурного и другого контекста окружения, но и усугублению всех существующих на момент исследования проблем реконструкции.

Требования к реконструкции и строительству объектов нового строительства определены зоной ЗРЗ [11], где в большей мере допускается процесс композиционной дифференциации городской среды. В г. Воронеже этот процесс можно определить по объектам нового строительства, возникающих в зоне ЗРЗ или в свободной от градостроительных регламентов по охране объектов культурного наследия территории – неопределенная зона конфликтных ситуаций (далее по тексту: неопределенная ЗКС) [6]. Согласно выявленным историческим морфотипам застройки исследуемой территории, а также специфики ее модернизации, выделяется три типа неопределенной зоны конфликтных ситуаций по расположению допустимых объемно-пространственных параметров: линия застройки, квартал, внутриквартальное пространство.

В результате натуральных и камеральных исследований, согласно вышеприведенному ретроспективному анализу АПС г. Воронежа, были выделены четыре режима градостроительной реконструкции жилой среды, основанный на выявленных исторических морфотипах квартальной жилой застройки и видах неопределенной зоны конфликтных ситуаций.

Первый режим определяет сохранение материально-пространственных параметров застройки, когда строительство нового объекта невозможно или неприемлемо: отсутствие неопределенной ЗКС или новый объект поспособствует разрушению исторического морфотипа застройки. На уровне архитектурного объекта реконструкция предполагает максимальное сохранение исторической ценности архитектурной среды. Примером данного режима является квартал исследуемой территории, ограниченный ул. Пушкинская, ул. 9 Января, ул. Фридриха Энгельса и ул. Свободы (рис. 5).

Следующие режимы градостроительной реконструкции устанавливаются неопределенной ЗКС. Учитывая действующие градостроительные регламенты историко-культурной среды в большинстве случаев, свободная территория исторического центра города определена регламентами ЗРЗ [11]. Несмотря на это, ограничения по высотным параметрам нового строительства зачастую искажают восприятие исторического силуэта улицы и квартала в целом, поэтому целесообразно включать в предпроектный анализ реконструкции исследования, обосновывающие предлагаемые проектные решения в области сохранения историко-культурной идентификации исследуемой территории на различных иерархических уровнях.

Второй режим допустимо осуществлять на территориях, где неопределенная ЗКС представлена в виде территории, расположенной вдоль линии застройки улицы. Примером

данного режима является квартал исследуемой территории, ограниченный ул. Кольцовская, ул. Комиссаржевской, ул. Студенческая и ул. Чайковского (рис. 6).

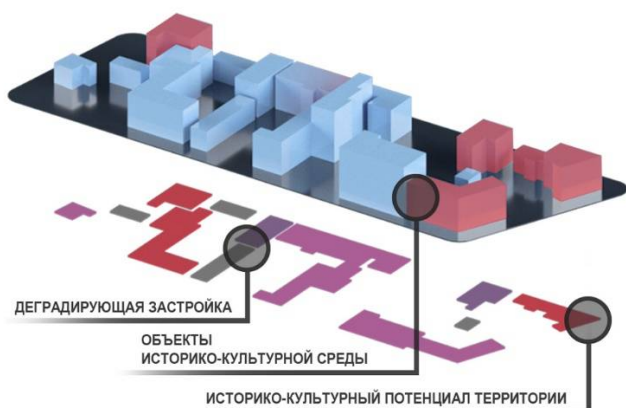

Рис. 5. Функциональная модель первого режима градостроительной реконструкции

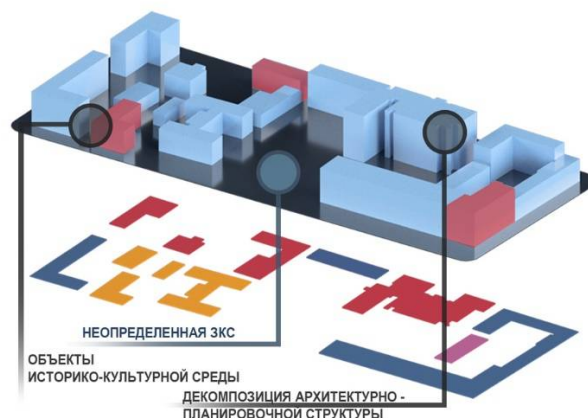

Рис. 6. Функциональная модель второго режима градостроительной реконструкции

Третий режим допустимо осуществлять на территориях, где неопределенная ЗКС представлена в виде территории, формирующую большую открытую часть квартала. Примером данного режима является квартал исследуемой территории, ограниченный ул. Красноармейская, ул. Куцыгина, ул. Фридриха Энгельса и ул. Кольцовская (рис. 7).

Четвертый режим допустимо осуществлять на территориях, где неопределенная ЗКС представлена в виде территории, формирующую внутриквартальную часть, полностью изолированную от линии застройки. Примером данного режима является квартал исследуемой территории, ограниченный ул. Театральная, ул. 25 лет Октября, пр. Революции и ул. Карла Маркса (рис. 8).

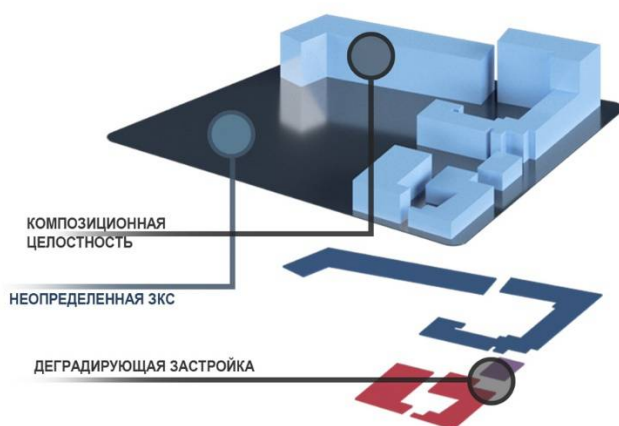

Рис. 7. Функциональная модель третьего режима градостроительной реконструкции

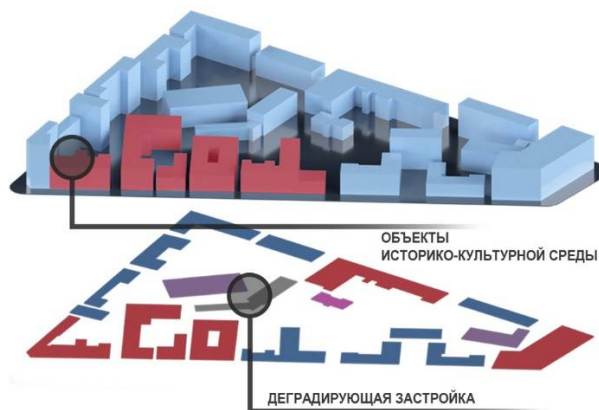

Рис. 8. Функциональная модель четвертого режима градостроительной реконструкции

Выводы

Принципы корректной оптимизации материально-пространственной организации жилой среды в историческом центре современного города определяются обосновывающим цели реконструкции системным анализом исследуемой территории, который выявляет архитектурно-градостроительные, историко-культурные и композиционно-художественные формирующие внутренние факторы системных принципов реконструируемой территории. В

результате ретроспективного анализа архитектурно-планировочной структуры исторического центра г. Воронежа были установлены:

1. Типология разделения структур жилой среды по культурным включениям в рамках анализа системных принципов реконструкции историко-культурной среды центральной части г. Воронежа;

2. Исторические морфотипы квартальной жилой застройки и этапы их модернизации;

3. Режимы градостроительной реконструкции по материально-пространственным параметрам квартальной жилой застройки исследуемой территории.

Выявленные в исследовании проблемы материально-пространственной организации жилой среды, возникающие в условиях или в результате реконструктивного вмешательства в историческом центре, позволили выявить режимы корректной реконструкции квартальной жилой застройки, направленной как на актуализацию культурной идентификации исторического центра города, так и на социально-экономическое развитие территории.

Библиографический список

1. Волкова Т.Ф. Реабилитация городской жилой среды. Социально-градостроительный аспект : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлениям 07.03.01, 07.04.01 - Архитектура, 07.03.04 – Градостроительство, 54.03.01 - "Дизайн" / Т.Ф. Волкова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Пензенский гос. ун-т архитектуры и стр-ва" (ПГУАС). – Пенза : ПГУАС, 2014. – 115 с.

2. Гутнов, А. Э. Эволюция градостроительства / А. Э. Гутнов. - Москва : Стройиздат, 1984. - 256 с.

3. Енин А.Е. Актуальные системные проблемы формирования застройки центра г. Воронежа / А.Е. Енин // Архитектурные исследования. – 2015. – №1 (1). – С. 4-10.

4. Енин А.Е. Принципы реконструкции историко-культурной городской среды современных городов / А.Э Заплавная., А.Е. Енин // Архитектурные исследования, 2021. – № 4 (28). – С. 69-79.

5. Заплавная А.Э. Преобразование жилой среды в современных крупных городах (системный подход и анализ) / Заплавная А.Э., Енин А.Е. // Архитектурные исследования, 2020. – № 4 (24). – С. 76-85.

6. Заплавная А.Э. Проблемы сохранения и оптимального обновления архитектурно-планировочной структуры исторического центра г. Воронежа / Енин А.Е., А.С. Танкеев, А.Э. Заплавная // Известия вузов. Строительство. – 2021. – № 12. – С. 77–87.

7. Заплавная А.Э. Функционально-пространственная организация жилой среды в архитектурно-планировочной структуре исторического центра г. Воронежа / Заплавная А.Э., Енин А.Е. Танкеев А.С. // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития: материалы международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2022. – С. 231-235.

8. Заплавная А.Э. Эволюция архитектурной стилистики конструктивизма в городе Воронеже в 1920–1950-е гг. [Электронный ресурс] / А.Э. Заплавная, А.С.Танкеев // Архитектон: известия вузов, 2020. – №4(72). – URL: http://archvuz.ru/2020_4/15/ – doi: 10.47055/1990-4126-2020-4(72)-15.

9. Зиятдинов З.З. Морфотипы жилой застройки в структуре крупного города / З. З. Зиятдинов, С. Г. Михалчева, И. А. Херувимова, Т. З. Зиятдинов // Архитектон: известия вузов. – 2020. – № 2(70). – С. 10. – DOI 10.47055/1990-4126-2020-2(70)-10.

10. Стадников В.Э. Исторические территории. Нормативные и ненормативные подходы к обновлению (hard & soft) / В. Э. Стадников // Архитектон: известия вузов. – 2019. – № 2(66). – С. 13.

11. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ.

12. Федченко И.Г. Современные морфотипы жилой среды, сложившиеся под влиянием динамических процессов жизнедеятельности в начале XXI века / И. Г. Федченко // Современная архитектура мира. – 2019. – № 1(12). – С. 178-192. – DOI 10.25995/NIITIAG.2019.12.1.026.

13. Хасиева С.А. Архитектура городской среды : учебник для вузов / С.А. Хасиева. – М.: Стройиздат, 2001. – 200 с.

Bibliography list

1. Volkova T.F. Rehabilitation of the urban living environment. Socio-urban aspect : a textbook for students studying in the directions 07.03.01, 07.04.01 - Architecture, 07.03.04 – Urban Planning, 54.03.01 - "Design" / T.F. Volkova ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Prof. education "Penza State University of Architecture and Architecture" (PGUAS). – Penza : PGUAS, 2014. – 115 p.

2. Gutnov, A. E. Evolution of urban planning / A. E. Gutnov. - Moscow : Stroyizdat, 1984. - 256 p.

3. Enin A.E. Actual system problems of the development of the Voronezh city center /A.E. Enin //Architectural research. – 2015. – №1 (1). – Pp. 4-10.

4. Enin A.E. Principles of reconstruction of the historical and cultural urban environment of modern cities / A.E. Zaplavnaya., A.E. Enin // Architectural studies, 2021. – № 4 (28). – Pp. 69-79.

5. Zaplavnaya A.E. Transformation of the residential environment in modern large cities (system approach and analysis) / Zaplavnaya A.E., Enin A.E. // Architectural research, 2020. – № 4 (24). – Pp. 76-85.

6. Zaplavnaya A.E. Problems of preservation and optimal renewal of the architectural and planning structure of the historical center of Voronezh / Enin A.E., A.S. Tankeev, A.E. Zaplavnaya // News of universities. Construction. – 2021. – No. 12. – Pp. 77-87.

7. Zaplavnaya A.E. Functional and spatial organization of the residential environment in the architectural and planning structure of the historical center of Voronezh / Zaplavnaya A.E., Enin A.E. Tankeev A.S. // Architecture and architectural environment: issues of historical and modern development: materials of the international scientific and practical conference. – Tyumen, 2022. – Pp. 231-235.

8. Zaplavnaya A.E. Evolution of architectural stylistics of constructivism in Voronezh in the 1920s-1950s [Electronic resource] / A.E. Zaplavnaya, A.S. Tankeev // Architecton: izvestiya vuzov, 2020. – №4(72). – URL: http://archvuz.ru/2020_4/15/ – doi: 10.47055/1990-4126-2020-4(72)-15.

9. Ziyatdinov Z.Z. Morphotypes of residential development in the structure of a large city / Z. Z. Ziyatdinov, S. G. Mikhacheva, I. A. Cheruvimova, T. Z. Ziyatdinov // Architecton: izvestiya vuzov. – 2020. – № 2(70). – Pp. 10. – DOI 10.47055/1990-4126-2020-2(70)-10.

10. Stadnikov V.E. Historical territories. Normative and non-normative approaches to updating (hard & soft) / V. E. Stadnikov // Architecton: izvestiya vuzov. – 2019. – № 2(66). – P. 13.

11. Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (historical and cultural monuments) of the Peoples of the Russian Federation" dated 25.06.2002 N 73-FZ.

12. Fedchenko I.G. Modern morphotypes of the living environment, formed under the influence of dynamic processes of life activity at the beginning of the XXI century / I. G. Fedchenko // Modern architecture of the world. – 2019. – № 1(12). – Pp. 178-192. – DOI 10.25995/NIITIAG.2019.12.1.026.

13. Khasieva S.A. Architecture of the urban environment : textbook for universities / S.A. Khasieva. – М.: Stroyizdat, 2001. – 200 p.

MODES OF URBAN PLANNING RECONSTRUCTION OF RESIDENTIAL DEVELOPMENT IN THE CENTRAL PART OF THE CITY OF VORONEZH

A.E. Enin, A.E. Zaplavnya

Enin A.E., kand. architecture, professor, dean of the Faculty of Architecture and Urban Development, VSTU, Voronezh, Russia; ph.+79103426633, e-mail: a_yenin@mail.ru

Zaplavnya A. E., postgraduate student in the specialty «Theory and history of architecture, restoration and reconstruction of historical and architectural heritage», Voronezh, Russia; ph.+7 900-947-17-97, e-mail: A.zaplavnaya@yandex.ru.

Statement of the problem. The transformation of the residential environment in the historical center of a modern large city is carried out in order to update quantitative and qualitative indicators due to socio-economic strategic programs of territorial planning, as well as in accordance with the current urban planning regulations, in particular for the protection of objects of the historical and cultural environment. To date, the current policy on urban reconstruction of modern historical centers of large cities has led to the formation of typological problems of the functional and spatial organization of the residential environment. This study examines the principles of the material and spatial organization of residential development on the example of the historical center of Voronezh in order to identify areas of possible intensification and modes for correct urban reconstruction.

Results and conclusions. Morphotypes, as well as modes of urban-planning reconstruction of residential buildings in the historical and cultural environment of Voronezh and the need to develop a specific reconstruction methodology for a specific object based on the identified patterns in the analysis of the conditionality of the residential environment for the reconstruction process, taking into account the initial parameters of the urban-planning object, are determined.

Keywords: reconstruction, historical and cultural environment, architectural and spatial systems, urban planning regulations.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 4 (32)

2022

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка: Азизова-Полужкова А.Н.

Дата выхода в свет: 27.12.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 10,7. Тираж 75 экз.

Заказ № Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ

394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84